

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО: МОДЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Сборник материалов V Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 24 ноября 2023 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО: МОДЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Сборник материалов
V Международной научно-практической конференции,
Белгород, 24 ноября 2023 г.

Белгород 2024

УДК 346:620.9
ББК 67.401.11+31
Э 65

Редакционная коллегия:

А.В. Габов (отв. ред.), доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник, – руководитель Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики Института государства и права РАН, научный руководитель юридического института НИУ «БелГУ»;

Е.Е. Тонков, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор юридического института НИУ «БелГУ»;

Р.Н. Шалайкин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса юридического института НИУ «БелГУ»;

М.С. Лизикова, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Российской академии наук

Рецензенты:

В.Ю. Туранин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института НИУ «БелГУ»;

О.А. Дизер, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе) БелЮИ МВД России им. И.Д. Путилина

Э 65 Энергетическое право: модели и тенденции развития : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Белгород, 24 ноября 2023 г. / под. ред. А.В. Габова (отв. ред.), Е.Е. Тонкова, Р.Н. Шалайкина, М.С. Лизиковой. – Белгород : ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2024. – 260 с.

ISBN 975-5-9571-3735-1

Представленный сборник содержит материалы V Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития». В сборнике рассмотрены вопросы модернизации энергетического законодательства, влияние норм международного права на развитие энергетического права России и состояния энергетического права в условиях международных санкций; представлен анализ энергетической безопасности, уделено внимание эколого-правовым аспектам развития энергетики, освещены проблемы антимонопольного регулирования отношений в области энергетики. Сборник адресован научным и практическим работникам, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется вопросами энергетического права.

УДК 346:620.9
ББК 67.401.11+31

ISBN 975-5-9571-3735-1

© НИУ «БелГУ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово ректора Белгородского национального исследовательского университета Евгении Анатольевны Карловской	6
Приветственное слово заместителя Председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию Владимира Михайловича Кононова	8

Из истории энергетических отношений

Фролов С.А. Правовая политика в советской России и СССР (1920–1950 гг.) как фундамент энергетической безопасности государства.....	10
---	----

Международно-правовые аспекты энергетического права

Лобанов С.А., Сурхаева Я.Д. Энергетическая дипломатия как фактор развития международного энергетического права	16
Кукушкина А.В. Реформирование системы ценообразования на энергоресурсы и охрана окружающей среды (международно-правовые аспекты).....	24
Лебедева Ю.В. Перспективы международного сотрудничества России и стран Африки в области атомной энергетики.....	29
Назарова А.У. Сотрудничество ЕАЭС в области мирного использования атомной энергии.....	38
Семенович К.С. Водородная энергетика Республики Корея	43
Чукреев А.А. Новые возможности в области низкоуглеродной энергетики в рамках Шанхайской организации сотрудничества.....	47
Шугуров М.В. Современные тренды международно-правового сотрудничества в сфере перехода к низкоуглеродной энергетике	52

Вопросы энергетической безопасности

Семейкин А.Ю. Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности в российском топливно-энергетическом комплексе.....	61
Седова Ж.И. Правовые вопросы обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса	76
Дзюба А.П. Нормативно-правовое регулирование обеспечения надежности электроснабжения в системе энергетического права Российской Федерации	83
Табунщиков А.Т. Возмещение вреда, причиненного использованием электроэнергетических станций в Российской Федерации и за рубежом.....	90

Частно-правовые аспекты регулирования отношений в сфере энергетики

Беляева О.А. Особенности осуществления закупок в условиях санкционного давления на энергетический сектор	99
Зарубин А.В. Фактически сложившиеся договорные отношения энергоснабжения	105
Туршук Л.Д. Проблемы правового регулирования договора энергоснабжения	110
Мельников О.О. Договор технологического присоединения к электрическим сетям: структурирование и оптимизация исполнения обязательств сторон	116
Символоков О.А. Основные правовые проблемы подключения объектов капитального строительства на территории садоводства к сетям газораспределения	124
Лиликова О.С. Антимонопольное регулирование в сфере энергетики: проблемные аспекты	130
Подольский А.В., Фокин И.В. Проблемы установления публичных сервитутов для частей линейного объекта	135
Максименко А.В., Архипцев И.Н. Искусственный интеллект: перспективы использования в экологии и энергетике	142
Яковлев В.И. ESG принципы как фактор «мягкой силы» в регулировании хозяйственных отношений	148

Трибуна молодого ученого

Баштовой С.В. Концепция энергетического кодекса как комплексного нормативного акта в сфере энергетики в Российской Федерации	155
Данилова С.А. Опыт Венесуэлы в модернизации энергетического законодательства в условиях международных санкций США и ЕС	160
Лобас Л.И. Особенности сотрудничества Российской Федерации с государствами – участниками БРИКС в сфере электроэнергетики.....	165
Макарчук А.П. К вопросу о дискуссионности выделения международного энергетического права как самостоятельной отрасли права.....	177
Мехдиев Р.Т. Перспективы цифровизации правового регулирования оборота энергетических ресурсов	183
Назаров М.Ю. Правовые основы применения водорода для генерации электрической энергии.....	191
Найденов А.А. Особенности развития международно-правовых инструментов обеспечения энергетической безопасности России в условиях односторонних ограничительных мер.....	197

Перемышленникова И.Н. Развитие правового режима линейных энергетических объектов.....	204
Перегудов Я.А. Неплатежи по электроэнергии и пути решения проблемы	212
Смирнов И.О. Правовое регулирование технического обслуживания газового оборудования: проблемные вопросы и способы решения	219
Сивак А.Д. Энергоснабжение как разновидность договора купли-продажи по законодательству Республики Беларусь	224
Тараник М.Н. Влияние санкций на развитие отношений в сфере энергетики	227
Ушакова Л.Ю. Особенности правового регулирования энергосервисного договора (контракта)	233
Фидиева В.Р. Санкционное влияние на энергетический сектор.....	239
Фурманов Д.А. Развитие и современное положение источников энергетического права	245
Химич А.А. Правовые проблемы ТЭК России в условиях ограничительных мер ЕС.....	250
Шайнурова Д.А. Проблемы развития зеленых технологий в энергетике: сравнительно-правовой обзор на примере РФ и ЕС	256

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
РЕКТОРА БЕЛГОРОДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЕВГЕНИИ АНАТОЛЬЕВНЫ КАРЛОВСКОЙ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет совместно с Институтом государства и права РАН при участии ПАО «Россети» и поддержке Министерства энергетики Российской Федерации в пятый раз проводит Международную научно-практическую конференцию – «Энергетическое право: модели и тенденции развития». Впервые конференция организована на нескольких площадках. Так, площадками проведения секционных заседаний стали: Ордена Трудового Красного Знамени Институт государства и права Российской академии наук; Севастопольский государственный университет и Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

Проводимый научный форум, собирающий на белгородской земле российских и зарубежных ученых, практикующих специалистов, становится важной традицией в научной жизни российского правоведения. Его содержательные доклады и подчас острые дискуссии неизменно вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс.

Актуальность Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития» не угасает за счет важнейшего значения правового регулирования энергетики для отечественной юридической практики. Об этом свидетельствует участие в работе конференции представителей ведущих вузов страны и зарубежья.

Энергетическое право является предметом повышенного интереса со стороны представителей юридической науки в последние десятилетия. И такое внимание не случайно. Дело не только в исключительной важности обеспечения нормального функционирования объектов топливно-энергетического комплекса, но и в том, что вопросы, связанные с производством энергоносителей, распределением энергии, стали предметом специального внимания со стороны государства.

Проблематика энергетического права включает в себя большое количество аспектов как юридической науки, так и правоприменительной практики. Вопросы энергетического права имеют глубокую связь с научно-техническим прогрессом, с появлением новых, ранее не известных, источников энергии.

Бесспорным и истинным представляется утверждение о том, что бесплодная наука ни государству, ни обществу не нужна. Реальное осознание этого пришло с вступлением России на инновационный путь развития. Сегодня от юридической науки ожидают практического эффекта, происходит актуализация вопроса о функциональности научных изысканий. Помимо

этого, остро ставится вопрос о связи юридической науки и практики. Его необходимо не только озвучивать, но и анализировать, для того чтобы сформировать подходы, уровни, формы и принципы такого взаимодействия.

В рамках проводимой конференции мы с вами вновь имеем возможность не только проанализировать актуальные вопросы правоприменения, обобщить исторический опыт развития энергетических отношений, затронуть проблемы в сферах национальной безопасности нашей страны, но и, возможно, найти ключи к пониманию и эффективному решению множества сложнейших задач, стоящих перед современной Россией.

**Ректор Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
доктор экономических наук
Е.А. Карловская**

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАУКЕ И ВЫСШЕМУ
ОБРАЗОВАНИЮ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА КОНОНОВА**

Уважаемые участники конференции! Дорогие друзья!

Поздравляю вас с началом работы V Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития».

Пятый год подряд в Белгородском государственном национальном исследовательском университете проводится Международная научно-практическая конференция – «Энергетическое право: модели и тенденции развития». Это свидетельствует о том, что научный форум, собирающий на белгородской земле российских и зарубежных учёных, практикующих специалистов, становится важной традицией в научной жизни российского правоведения. Правовая грамотность, законодательная деятельность, защита прав и свобод человека и государства в настоящее время приобретают особую значимость. Энергетическое право аккумулирует множество вопросов юридической науки и правоприменительной практики, также является предметом повышенного интереса со стороны представителей юридической науки в последнее десятилетие. Комплексный характер данной отрасли делает исследования в этой сфере актуальными, а институт мировой энергетической безопасности позволяет говорить о значительных перспективах совершенствования законодательного регулирования источников энергии и межгосударственных отношений.

На протяжении 5 лет конференция является одной из ключевых площадок для обмена мнениями и опытом среди представителей юридического сообщества. Белгородский государственный национальный исследовательский университет по праву является одним из ведущих вузов страны и вносит весомый вклад в развитие отечественной юриспруденции.

Уникальность мероприятия связана с тематикой рассматриваемых проблем, так как для науки важно проведение форумов, направленных на поиск оптимальных моделей становления энергетического права и его институтов.

В настоящее время ключевым вопросом является модернизация энергетического законодательства с учетом сложившейся обстановки. Особенно остро стоят вопросы антитеррористической защищенности и транспортировки ресурсов.

Я уверен, что участники конференции будут иметь возможность обсудить наиболее острые вопросы развития энергетического права в нашей стране, обменяться идеями и опытом с зарубежными коллегами, а для студентов и молодых специалистов это мероприятие станет отличным стимулом к продолжению их научно-исследовательской работы и раскрытию творческого потенциала.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы, интересных и содержательных дискуссий и новых успехов!

**Заместитель Председателя Комитета
Государственной Думы ФС РФ
по науке и высшему образованию
В.М. Кононов**

ИЗ ИСТОРИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Фролов Сергей Анатольевич,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Тамбовского государственного технического университета,
кандидат исторических наук, доцент
(Тамбов, Россия)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР (1920–1950 гг.) КАК ФУНДАМЕНТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** Исторически сложилось так, что энергетическая безопасность нашей страны изначально формировалась в рамках правовой политики, проводимой В.И. Лениным и И.В. Сталиным под лозунгом: «Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны...». Реализация плана «ГОЭЛРО» на практике позволила не только осуществить процесс индустриализации, но и в условиях начального периода Великой Отечественной войны «запустить» заводы и фабрики, переброшенные на восток СССР. В послевоенные годы, используя массовый энтузиазм молодежи по строительству сельских электростанций в 1945–1950 гг., государству удалось обеспечить и должный уровень развития сельскохозяйственного производства, и улучшить бытовые условия населения страны по снабжению электричеством.*

***Ключевые слова:** план «ГОЭЛРО», декреты и постановления СНК РСФСР и СССР, «пятилетка», Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), комсомольские организации, электроэнергетика.*

По мнению современных исследователей, энергетика традиционно является одним из ключевых и самых сильных сегментов российской экономики, поэтому тематика проблем и перспектив ее развития характеризуется непреходящей актуальностью. Сложные геополитические процессы современности влекут за собой вызовы и в отечественной энергетике, что требует постоянного обновления правовой политики государства в энергетической сфере сообразно требованиям времени, а конкретнее – обстановке глобального рынка [1, с. 154].

Сегодня, по мнению Е.Е. Орловой, на всех уровнях власти и в обществе сложилось восприятие принимаемого законодательства как чрезвычайно сложного, неполного, противоречивого, бессистемного массива правовых норм, не отвечающего в полной мере замыслам законодателей, правоприменителей и, главное, ожиданиям граждан [2, с. 96].

Отсюда изучение исторического опыта правовой политики государства в рамках становления, обеспечения и восстановления энергетической безопасности сегодня в условиях внешнего санкционного давления и специальной военной операции является актуальным аспектом.

Целью нашего исследования является изучение советского наследия правовой политики в сфере электроэнергетики с момента выработки плана «ГОЭЛРО» и ее реализации на практике в предвоенные годы, годы Великой Отечественной войны, в планах четвертой пятилетки (1946–1950 гг.).

Становление новой государственности в результате прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. потребовало развития электроэнергетики как базы для развития инфраструктуры страны. Руководство Советской России в лице В.И. Ленина в рамках проводимой правовой политики утвердило научно разработанный план «ГОЭЛРО» и придало ему юридическую силу решением VIII съезда Советов в 1920 г. Современники тех событий были единодушны с лозунгом главы государства: «Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны... Только тогда, когда под промышленность, сельское хозяйство, транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно». Ленин называл план электрификации второй программой партии. Огромное значение придавалось электрификации на селе [3, с. 2].

Правовой основой энергетической политики государства становится декрет СНК РСФСР от 7 июня 1921 г. «Об управлении электрическими станциями общественного пользования Р.С.Ф.С.Р.» и декрет СНК РСФСР от 17 мая 1922 г. «О торфяных болотах». В результате в 1922 г. состоялся пуск электростанции «Уткина заводь» – первой торфяной электростанции в Петрограде, в 1925 г. – Шатурской электростанции на торфе. В 1925 г. на Каширской электростанции начали освоение новой технологии сжигания подмосковного угля в виде пыли. Выполнение всего плана ГОЭЛРО после смерти В.И. Ленина и его творческое развитие в дальнейшем социалистическом строительстве СССР осуществлялись под руководством Центрального Комитета Коммунистической партии во главе с И.В. Сталиным. XII съезд партии (апрель 1923 г.), отмечая все большее значение планового начала в связи с усилением хозяйственной работы, напоминал, что и в условиях новой экономической политики план электрификации России должен остаться краеугольным камнем всех хозяйственных усилий республики. Политические решения дополнялись правовым обеспечением порядка строительства и регистрации электрических станций, а также предоставлением им налоговых льгот. Так, 30 июня 1925 г. следует постановление СНК СССР «О порядке сооружения и регистрации электрических станций и надзора за таковыми», а 5 февраля 1926 г. постановление СНК СССР «О налоговых льготах для электрических станций». В 1926 г. была введена в действие мощная Волховская гидроэлектростанция, энергия которой по линии электропередачи напряжением 110 кВ, протяженностью 130 км поступала в Ленинград [4, с. 6-8].

Однако для осуществления процесса индустриализации и выполнения первого плана развития народного хозяйства (1928–1932 гг.) требовались форсированные темпы развития электрификации, что потребовало должной правовой регламентации процесса взаимодействия с потребителями электроэнергии. В августе 1931 г. вышло постановление СНК СССР «О сроках оплаты счетов за электрическую и тепловую энергию», а в декабре 1934 г. (постановление СНК СССР) «Положение о взаимоотношениях электрических станций и энергетических систем с потребителями электрической и тепловой энергии». В результате на практике, к пятнадцатилетнему юбилею плана Ленина в СССР, констатировали факт перевыполнения «ГОЭЛРО». Отмечалось о функционировании не только сорока районных электростанций, но и шести мощных электросистем. Производство электричества превысило более чем в пятьдесят раз уровень 1921 г. Одновременно со строительством электрических станций осуществлялось и формирование правовой базы их деятельности. 27 октября 1939 г. выходит постановление Экономического совета при СНК СССР № 1216 «Об упорядочении работы промышленных и коммунальных электростанций, включённых в электросеть наркомата электростанций и электропромышленности». Таким образом, путь индустриального развития, для которого главным капиталистическим странам – США, Англии – понадобилось одно – два столетия, СССР прошёл менее чем за два десятилетия [4, с. 10-12].

«Сталинский задел» в строительстве электростанций и электросистем позволил даже в условиях начального периода Великой Отечественной войны «запустить» заводы и фабрики, переброшенные на восток СССР, а их было более сотни.

Руководил вывозом наиболее ценного оборудования на Волгу, Урал, в Сибирь и Среднюю Азию образованный при Совнаркомом Совет по эвакуации. Некоторые эвакуированные заводы стали выпускать военную продукцию уже в конце 1941 г. На Урале, где не было даже прокатных станов для танковой брони, выросли три центра танкостроения: на основе тракторного завода в Челябинске, вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле и Уралмаша в Екатеринбурге. Осваивались новые технологии, что требовало должного уровня энергообеспечения заводов. Так, ручная сварка танковых корпусов была заменена автоматической. Уже в декабре 1941 – январе 1942 г. в СССР стали выпускать 60–70 танков в сутки, и эта цифра росла. Наркомат авиационной промышленности вывез на восток 118 заводов, главным образом на Волгу, в район Саратова и Самары. Артиллерийское производство также было переведено на восток [5, с. 62].

Для увеличения производительности военных промышленных предприятий в дополнение к существующим электростанциям в 1942 г. были пущены Челябинская, Новосибирская, Пермская, Кирово-Чепецкая теплоэлектростанции. Восстановлены и пущены ТЭЦ в Алексине и Калининне, ТЭЦ Уральского турбинного завода в Свердловске. В 1943 г. восстановили теплоснабжение от ГЭС-3 в Ленинграде. Были введены

в эксплуатацию: Пензенская ТЭЦ, Красноярская ТЭЦ, ТЭЦ Челябинского металлургического завода, Воркутинская ТЭЦ. В 1944 г. отпуск тепла теплоэлектростанциями по СССР достиг довоенного уровня. Преимущественное использование советскими электростанциями местных видов топлива позволило в военные годы быстро и с высокой эффективностью справляться с трудностями снабжения тепловых электростанций топливом. Однако за годы Великой Отечественной войны (1941–1945) в рамках территорий советской государственности было уничтожено более шестидесяти электростанций и нанесен значительный ущерб всей энергосистеме и энергобезопасности страны [4, с. 13].

Тем не менее с победой над фашистской Германией начинается активное привлечение молодежи к строительству сельских электростанций. Так, уже к XXVIII годовщине Октябрьской революции 1917 г. комсомольцы и молодежь Свердловской области обязались помочь колхозам в завершении работ по электрификации сельского хозяйства. В 1945 г. они планировали электрифицировать 1000 колхозов и 38 машинно-тракторных станций. Данный почин трудящихся области одобрили Центральный комитет ВКП(б), Правительство. Инициаторами идеи выступали Красноуфимские комсомольцы и комсомольцы Ачитского района, которые осуществляли строительство гидроэлектростанций в своих административно-территориальных пунктах. XIV пленум обкома ВЛКСМ обсудил вопрос об участии комсомольских организаций в развитии сельской электрификации, одобрил инициативу молодежи Красноуфимского и Ачитского районов по строительству гидроэлектростанций и предложил всем райкомам и горкомам комсомола широко распространить их ценное начинание. Комсомольцы и молодежь Махневского, Верхотурского, Пышминского, Сысертского, Еланского, Манчужского и ряда других районов поддержали данную инициативу. Товарищ Сталин в своем приветствии строителям и монтажникам Алапаевской НейвогЭС, которые построили первую, из числа сооружаемых гидроэлектростанций на реках Урала указывал: «...Ваша работа положила начало использованию огромных запасов дешевой энергии уральских рек, увеличивая электровооруженность Урала – надежного арсенала доблестной Красной Армии...». Исходя из напутственных слов, делом чести каждой комсомольской организации Свердловской области стало право первыми рапортовать товарищу Сталину о сплошной электрификации своего района [3].

В рамках проводимой правовой политики задачей четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) стало выдвижение плана восстановления пострадавших районов страны и превышения уровня довоенного развития промышленности и сельского хозяйства. В результате молодежь страны в рамках комсомольских организаций активно привлекалось к строительству электростанций [4, с. 13]. Так, на примере Тамбовского региона Постановлением ЦК ВЛКСМ «Об участии комсомольских организаций в развитии сельской электрификации» предусматривалось вовлечение молодежи в стройку в 20 районах области на малых реках [6, Д. 685, Л. 42].

Из архивных источников нам стало известно, что комсомольцы Мичуринского района принимали активное участие в строительстве Устьянской ГЭС. Было проведено восемнадцать субботников и воскресников, в каждом участвовало по 60–70 человек, вырыт котлован и отнесено более 2400 куб. м. земли, подвезен лесоматериал и хворост, завершена плотина. К участию в субботниках комсомольцы привлекали и население ближайших сел. В результате к концу июня 1946 г. одиннадцать рядом расположенных колхозов получили электроэнергию [6, Д. 715, Л. 19]. В Сампурском и Знаменском районах помощь в строительстве электростанций осуществлял завод № 204. Силами завода были выполнены проекты для постройки четырех электростанций, произведены монтажные работы, изготовлены распределительные щиты, залито 800 изоляторов и т.д. Дополнительно заводом для строительства электростанций отпускались различные материалы: уголь, железо, битум, предохранительные колодки. При этом на выполнении заказов по изготовлению распределительных щитов и других заказов были задействованы комсомольцы электроотдела завода. Два комсомольца работали в бригаде по монтажу электрических станций, оборудованию электропроводкой домов колхозников, установкой изоляторов и других мелких работ. Также на заводе осуществлялась подготовка кадров для сельских электростанций [6, Д. 917, Л. 37]. Активно участвовали сельские комсомольцы в строительстве электростанций Тамбовской области и в последующие годы. В результате в области было построено в 1948 году 37 электростанций, в 1949 году 47 сельских электростанций и электрифицирован 361 колхоз [6, Д. 944, Л. 2]. Активные усилия молодежи не остались незамеченными. Решением бюро ЦК ВЛКСМ от 11 августа 1949 г. Тамбовская областная комсомольская организация была награждена почетной грамотой за активное участие в строительстве сельских электростанций [6, Д. 886, Л. 5].

Таким образом, правовая политика Советской России и СССР по реализации плана «ГОЭЛРО» была весьма успешной на практике, это позволило в условиях Великой Отечественной войны стать фундаментом энергетической безопасности государства и благодаря вовлечению молодежных организаций осуществить планы по развитию сельской электрификации в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.).

Список использованных источников

1. Протасова О.Л. Энергетическая политика современной России: вызовы и перспективы // Цифровая трансформация в энергетике. Вып. III [Электронный ресурс]: материалы Третьей Всероссийской научной конференции / отв. ред. Т. И. Чернышова; ФГБОУ ВО «ТГТУ». – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2022. – 1 электрон. Опт. Диск (CD-ROM). – Системные требования: ПК не ниже класса Pentium II ; CD-ROM-дисковод ; 00,0 Mb ; RAM ; Windows 95/98/XP; мышь. – загл. с экрана.

2. Орлова Е. Е. Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах – участниках СНГ в контексте Евразийской перспективы // Право: история и современность. – 2021. – № 2 (15). – С. 96-106.

3. Семухин Н. Электрификация села – кровное дело комсомола // Уральский рабочий. – № 184 (8994). – 4 августа 1945. – 4 с.

4. Мещерякова С.В. Правовое обеспечение топливно-энергетического комплекса России (исторический аспект): учебное пособие / С.В. Мещерякова, Е.Е. Орлова, С.А. Фролов. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2013. – 80 с.

5. История России. XX век: 1939-2007/ под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель : АСТ, 2009. – 847 с.

6. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1184. Оп. 1. Д.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА

Лобанов Сергей Александрович,
заведующий кафедрой правового регулирования ТЭК
Международного института энергетической
политики и дипломатии
Московского государственного института международных
отношений (Университета) МИД России,
доктор юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

Сурхаева Яна Джамалутдиновна,
адвокат Коллегии адвокатов города Москвы
«Военная коллегия адвокатов»,
соискатель кафедры правового регулирования ТЭК
Международного института энергетической
политики и дипломатии
Московского государственного института международных
отношений (Университета) МИД России
(Москва, Россия)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА

***Аннотация.** В данной статье обозначена авторская позиция по вопросу о международно-правовом потенциале энергетической дипломатии. Подчёркнуто, что энергетическая дипломатия должна осуществляться в соответствии с основными принципами международного права, а также с учетом специальных принципов международного энергетического права. Обоснован вывод о том, что международное право играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии. С опорой на специальную литературу и существующую практику обозначена роль энергетической дипломатии в обеспечении энергетической безопасности, энергетического правопорядка, развитии международного энергетического права.*

***Ключевые слова:** энергетическая дипломатия, международное энергетическое право, энергетическая безопасность, энергетический правопорядок.*

Категория «энергетическая дипломатия» введена в научный оборот относительно недавно, при этом используется политическими деятелями и активно разрабатывается представителями целого ряда наук (экономики, политологии, истории, и др.). Возрастающий интерес к энергетической дипломатии со стороны ученых и практиков, в свою очередь, объясняется её потенциалом для обеспечения энергетической безопасности [1] и для расширения возможностей энергетического сектора в современных условиях международного сотрудничества и соперничества в энергетической сфере. Мы в полной мере солидарны с отраженным в современной отечественной литературе [2], а также документах МИД РФ подходом, согласно которому энергетическая дипломатия подразумевает практическую деятельность внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств совместно с национальными компаниями по осуществлению внешней энергетической политики, направленной на защиту национальных интересов в области энергетики.

Следует также принять во внимание, что энергетическая дипломатия формируется и реализует свой потенциал в условиях международно-правовой среды и она подвержена международно-правовому регулированию. С другой стороны, энергетическая дипломатия не может не оказывать влияния на формирование и развитие международного права и, в первую очередь, той его специфической части, которая регулирует отношения в сфере международного энергетического сотрудничества и которую в специальной литературе принято обозначать термином «международное энергетическое право» [3]. В рамках заявленной темы поясним нашу позицию по вопросу о международно-правовом потенциале энергетической дипломатии.

Прежде всего, энергетическая дипломатия (как и в целом, дипломатическая деятельность) должна осуществляться в соответствии с основными принципами международного права (среди них закреплённые в ст. 2 Устава ООН принципы суверенного равенства государств, добросовестного выполнения международно-правовых обязательств, разрешения международных споров мирными средствами, воздержания в международных отношениях от угрозы силой или её применения, невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства). Применительно к энергетической дипломатии следует, кроме того, учитывать действие специальных принципов, содержащихся в различных источниках международного права (в том числе, нормах так называемого «мягкого права») и направленных на упорядочение международно-правового сотрудничества государств в энергетической сфере [4]. Как показывает современная практика, в энергетической дипломатии для достижения экономических и политических целей государствами (а также и отдельными международными организациями) применяются такие средства воздействия как эмбарго на поставку энергоресурсов и односторонние ограничительные меры (так называемые «санкции»), затрагивающие энергетический сектор соответствующего государства. Применительно к так

называемым «санкциям» (односторонним ограничительным мерам), легитимность приёмов и методов энергетической дипломатии с точки зрения международного права носит небесспорный характер (подробнее по этой проблеме [5; 6; 7]).

Нормы международного права (содержащиеся в международных договорах, а также относящиеся к международным обычаям) упорядочивают использование методов и приёмов энергетической дипломатии (как и в целом, дипломатической деятельности) посредством определения правовых форм ведения переговоров, регламентации процесса заключения международных договоров, представительства государств в международных организациях и участия в работе международных конференций.

Применительно к энергетической дипломатии правомерно высказать мысль о специфике соответствующих международно-правовых положений. Так, например, во взаимосвязи с потребностями выработки международно-правовых механизмов неконфликтной политики государств в освоении трансграничных месторождений формируется практика заключения двусторонних международных договоров соседних заинтересованных государств, предусматривающих разнообразные формы (от координации начальных мер по выявлению нефтегазовых ресурсов до совместной эксплуатации «под ключ» конкретного трансграничного месторождения) [8].

С опорой на мнение авторитетных ученых в области международного права [9] и принимая во внимание существующую практику, следует заметить, что международное право играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии.

Здесь возможны различные варианты. Так, может иметь место легитимация национальных интересов государств-участников во взаимосвязи с поиском компромисса при разрешении проблемы правового статуса объекта международно-правового регулирования и правового режима энергетического сотрудничества заинтересованных государств. Примером может служить разработка прикаспийскими государствами (Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран) Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (по данной проблеме [10]).

Другой вариант: государство, инициируя процесс разработки и заключения международного договора (участвуя в этом процессе) может содействовать продвижению своей международно-правовой позиции в определённой сфере международного энергетического сотрудничества. Примером может служить активное участие России в создании Форума стран – экспортеров газа (ФСЭГ) и его международно-правовых основ (Соглашения о функционировании ФСЭГ и Устава ФСЭГ), а также проведение своей международно-правовой позиции по вопросам международной торговли природным газом в документах ФСЭГ (в частности, в принятой по итогам Второго газового саммита 2013 г. «Московской декларации», в которой государства-члены единогласно поддержали основную роль долгосрочных

контрактов и стремление продолжать поддерживать ценообразование на газ, основанное на индексации по корзине нефтепродуктов) (подробнее [11]).

Наконец, государство при заключении международного договора (присоединении к многостороннему международному договору) может сделать оговорку, посредством которой, с учетом своих национальных интересов в энергетической сфере, оно желает исключить или изменить действие определённых положений договора в их применении к нему, либо (в том случае, если международный договор не допускает оговорок) государство может сделать заявление, отражающее его международно-правовую позицию в отношении определённых положений международного договора и его толкования и применения. Примером может служить заявление, сделанное Россией при принятии Парижского соглашения 2015 г. по климату (не допускающего оговорки к нему), отражающее политико-правовую позицию и национальные интересы России.

В свою очередь, энергетическая дипломатия оказывает существенное влияние на развитие международного энергетического права. Как было отмечено авторитетными представителями отечественной науки международного права, процесс образования норм международного права (договорных и обычных) есть, по сути дела, дипломатический процесс, протекающий (применительно к созданию норм международного договора) в ходе переговоров и последующих стадий заключения международного договора (подписание, ратификация, и др.), а применительно к созданию обычных норм международного права – проявляющий себя в роли дипломатической деятельности в формировании соответствующей международной практики и в признании государствами указанной практики в качестве международного обычая [12; 13].

Данное утверждение в полной мере применимо к сфере международного энергетического сотрудничества и к характеристике процессов создания и применения норм международного энергетического права. Следует также учитывать особенности энергетической дипломатии (отмеченную в специальной литературе включенность в неё энергетических ведомств государств, подключение к участию в ней ведущих энергетических компаний, особенности энергодиалога и других применяемых в ней инструментов [14]) и создаваемых с её участием международно-правовых положений (во взаимосвязи с отмеченной в специальной литературе спецификой международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов [15]).

Энергетическая дипломатия выступает важным средством обеспечения энергетической безопасности. Следует принять во внимание различие подходов к трактовке энергетической безопасности представителями разных стран, в свою очередь, отражающих национальный подход соответствующего государства в энергетической сфере (во взаимосвязи с топливно-энергетическим балансом, ресурсной обеспеченностью) и особенности проводимой государством внешней энергетической политики.

Между тем, как не без оснований отмечают современные исследователи, «Взаимозависимость стран-потребителей, стран-экспортёров и стран-транзитёров придаёт энергетической безопасности глобальное измерение» [16]. В современной юридической литературе отмечается, что «Энергетическая безопасность – это системный процесс, включающий в себя национальную политику и международные институты. Цель этой системы – быстрое своевременное реагирование на сбои и чрезвычайные ситуации, при этом ключевую роль в должном обеспечении энергетической безопасности играет международное сотрудничество на основе международных норм и договоров» [17].

Задачи энергетической дипломатии по обеспечению энергетической безопасности и расширению возможностей энергетического сектора государства должны решаться с учетом обязательных для данного государства международно-правовых положений – основных принципов международного права, норм международных договоров с его участием, обычных норм международного права, в частности, международных обычаев, сложившихся в отношении условий поставки энергетических ресурсов, строительства энергетических объектов. При соблюдении данного условия энергетическая дипломатия может быть отнесена к инструментам поддержания международного энергетического правопорядка (категория международного энергетического правопорядка разрабатывается представителями науки энергетического права [18]).

В контексте заявленной темы с опорой на специальную литературу [19; 20] приведём примеры международных инициатив Туркменистана, имеющего статус постоянно нейтрального государства и располагающего значительными запасами углеводородных ресурсов, прежде всего, природного газа, заинтересованного не только в продвижении своих национальных интересов в энергетической сфере, но и также в обеспечении международной энергетической безопасности. Так, в ходе участия Туркменистана в 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, им была обозначена особая роль энергетической безопасности, выступающей компонентом системы глобальной безопасности, выделены современные проблемы и факторы обеспечения энергетической безопасности, отмечена актуальность вопроса о скоординированных действиях государств, нацеленных на создание единой системы энергетической безопасности, для чего необходимо разработать соответствующую международно-правовую базу и эффективные механизмы партнерства, в том числе и в вопросах защиты энергонесущих систем. В этой связи Туркменистан выступил с инициативой о разработке под эгидой Организации Объединенных Наций единого документа, определяющего правовые основы и гарантии безопасности функционирования международных трубопроводов, а в качестве первого этапа её реализации предложил проект резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам безопасности транзита энергонесителей и ее роли в обеспечении стабильного экономического развития и международного сотрудничества. Данная

инициатива была поддержана представленным на 63-й сессии мировым сообществом и нашла отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 19 декабря 2008 г. (A/RES/63/210).

На 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Туркменистан выдвинул ряд важных международных инициатив, в том числе касающихся проблемы энергетической безопасности и направленных:

- на создание под эгидой ООН экспертной группы по разработке международного механизма стабильных энергопоставок в мире;
- на создание Энергетического совета ООН;
- на создание транспортно-коммуникационной инфраструктуры в Центральной Азии и бассейне Каспийского моря;
- на учреждение на высоком уровне Форума по безопасности, миру и сотрудничеству в Центральной Азии и Каспийском бассейне.

По итогам 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, с учетом предложений правительства Туркменистана, начала осуществление выдвинутой Генеральным секретарем ООН инициативы «Устойчивая энергетика для всех», была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (A/RES/67/263).

Как мы полагаем, реализация указанных инициатив, при условии всеобъемлющего учета интересов стран-экспортеров, стран-импортеров и стран-транзитеров энергоресурсов, согласования воле государств-членов мирового сообщества, будет содействовать поддержанию международного энергетического правопорядка и прогрессивному развитию международного энергетического права.

Энергетическая дипломатия, таким образом, и международное право в процессе своего развития и функционирования взаимно связаны и оказывают взаимное влияние, в свою очередь, проявляющее себя в следующем:

- международное право определяет правовые рамки и формы реализации энергетической дипломатии (как и в целом, дипломатической деятельности);
- международное право играет определяющую роль в легитимации национальных интересов государств в сфере внешней энергетической политики, осуществляемой посредством энергетической дипломатии;
- энергетическая дипломатия, с опорой на потенциал международного права, содействует обеспечению энергетической безопасности (национальной и международной) и тем самым – поддержанию международного энергетического правопорядка;
- энергетическая дипломатия оказывает влияние на процесс создания и действия норм международного права и вносит вклад в прогрессивное развитие международного права.

Список использованных источников

1. Салыгин В.И. Глобальная энергетическая безопасность и развитие энергетической дипломатии // Вестник нефтегазового комплекса. 2007. № 3-4. С. 27-28.

2. Жизнин Т.З., Трусова А.А. Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 472-479.
3. Гликман О.В. Международное энергетическое право в системе международного права // Международный правовой курьер. 2020. № 1-2. С. 72-77.
4. Пацек М. Международное энергетическое право: учеб. пособие / под общ. ред. д.ю.н., проф. В.П. Кириленко. СПб., 2018. С. 13-14.
5. Бахин С.В. Односторонние экономические принудительные меры (так называемые экономические санкции) с точки зрения действующего международного права // Российский ежегодник международного права. 2017. Т. 2016.
6. Габов А.С. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3.
7. Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве. Дисс...канд. юрид. наук. М., 2019.
8. Вылегжанин А.Н., Салыгин В.И., Крымская К.В. Трансграничное недропользование: международно-правовые механизмы неконфликтной политики государств // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 3 (62). С. 32.
9. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 24.
10. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. Новый международно-правовой режим Каспийского моря // Труды ВНИРО. 2018. Т. 174. С. 129-142.
11. Гуласарян А.С. Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ): международно-правовые аспекты деятельности // Правовой энергетический форум. 2015. № 4. С. 34 - 40.
12. Левин Д.Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М.: Междунар. отношения, 1981. С. 35.
13. Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Междунар. отношения, 1970. С. 308-309.
14. Гумарова И.С. Энергетическая дипломатия: методы, средства, формы и механизмы реализации // Вестник Пермского университета. Политология. 2008. № 2 (4). С. 141.
15. Богоненко В.А. Правовая сущность и признаки международно-правовых отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д. Экономические и юридические науки. 2017. № 14. С. 131; с. 127-132.
16. Трачук К.В. Энергетическая безопасность России в её отношениях с Европой: международные аспекты (2000-2014 гг.). Дисс....канд. истор. наук. М., 2016. С. 28.

17. Шевченко Л.И. Понятие и правовое обеспечение энергетической безопасности как основы энергетического правопорядка // Правовой энергетический форум. 2021. № 1. С. 29.

18. Романова В.В. Правовые основы развития международного энергетического правопорядка // Международное публичное и частное право. 2015. № 3. С. 9-12.

19. Бабаев Б.А. Особенности энергетической дипломатии Туркменистана // Инновационные научные исследования в современном мире: теория, методология, практика // Сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции (29 октября 2021 г., г. Уфа). Уфа: Изд. НИЦ Вестник науки, 2021. С. 64.

20. Сапарова О., Аманов А., Чарыев И., Ягмыров Н. Энергетическая дипломатия Туркменистана – эффективный инструмент налаживания международного сотрудничества // Развитие современной науки и образования: анализ опыта и тенденций. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2023. С. 14-20.

Кукушкина Анна Викторовна,
доцент кафедры международного права
Московского государственного института
международных отношений (Университета)
МИД России,
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА ЭНЕРГОРЕСУРСЫ И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ (МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)

***Аннотация.** Поскольку энергетика является одной из главных причин атмосферного загрязнения и важным источником налоговых поступлений, существенно важно «экологизировать» процесс перестройки системы ценообразования на энергию и налоговой системы. В первую очередь следует прекратить субсидирование экологически вредной деятельности, из-за которого цены на электроэнергию оказываются ниже уровня ее себестоимости. Все остальные субсидии в энергетическом секторе должны более связываться скорее с получаемыми доходами, нежели с показателями производства или выпуска.*

***Ключевые слова:** экономическая стабильность, устойчивое развитие, международная энергетическая безопасность, Договор к энергетической хартии, РКИК, Киотский протокол, Парижское соглашение по климату, экологические налоги.*

Безопасные, надежные и доступные источники энергии – основа для обеспечения экономической стабильности и устойчивого развития. Ввиду увеличения степени зависимости от глобальных рынков энергоресурсов рост потребностей в энергии создает угрозу для энергетической безопасности, а сокращение масштабов загрязнения способствует охране здоровья населения и экосистем.

В международной энергетической безопасности можно выделить такие тесно взаимосвязанные аспекты, как военно-политический, финансовый, экологический, технологический и экономический [1, с. 132, 142].

Военно-политический аспект связан с опасной поляризацией мирового ТЭК: на одном его полюсе находятся страны с высокой энергонасыщенностью и даже энергорасточительностью, на другом – большинство развивающихся стран, пребывающих в энергетической бедности и отсталости.

Концепция устойчивого развития стала основой для расширения международного сотрудничества в плане стратегий развития энергетики и охраны окружающей среды, базисом международной энергетической безопасности [2; 3].

Статья 19 Договора к Энергетической хартии констатирует: «преследуя цель обеспечить устойчивое развитие и принимая во внимание ее обязательства по международным соглашениям об охране окружающей среды, стороной которых она является, каждая Договаривающаяся Сторона стремится сводить к минимуму экономически эффективными методами вредное Воздействие на Окружающую Среду, имеющее место либо в пределах, либо за пределами ее Территории в результате всех операций в рамках Энергетического Цикла на ее Территории, учитывая надлежащим образом вопросы безопасности. При этом каждая Договаривающаяся Сторона действует, исходя из соображений Экономической Эффективности. В своей политике и действиях каждая Договаривающаяся Сторона стремится принимать меры предосторожности с целью предотвращения или сведения к минимуму деградации окружающей среды. Договаривающиеся Стороны соглашаются с тем, что виновник загрязнения на Территории Договаривающихся Сторон должен, в принципе, нести расходы в связи с загрязнением, включая трансграничное загрязнение, должным образом учитывая общественные интересы и не допуская диспропорций в Инвестициях в Энергетическом Цикле или в международной торговле» [5; 4].

При этом, Договаривающиеся Стороны учитывают экологические соображения в ходе всего процесса выработки и осуществления их энергетической политики и содействуют ориентированному на рынок ценообразованию и более полному отражению экологических затрат и выгод в рамках всего Энергетического Цикла [5].

В Протоколе к Энергетической Хартии [6] по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам говорится, что повышение надежности энергообеспечения ведет к значительным экономическим и экологическим выгодам, которые являются результатом осуществления мер по повышению энергетической эффективности на основе эффективности затрат, а повышение энергетической эффективности ослабляет негативные последствия энергетического цикла для окружающей среды, включая потепление мирового климата и подкисление.

Протокол содержит положение и о том, что цены на энергию должны максимально отражать условия конкурентного рынка, обеспечивая ценообразование, ориентированное на рынок, включая более полное отражение экологических затрат и выгод, а также возможность дополнения коммерческих форм сотрудничества межправительственным сотрудничеством, особенно в области разработки энергетической политики и анализа, а также в других областях, которые являются существенно важными для повышения энергетической эффективности, но не могут финансироваться из частных источников.

Протоколом определены программные принципы содействия повышению энергетической эффективности как значительного источника энергии и последующего ослабления неблагоприятного воздействия на окружающую среду энергетических систем, а также руководящие принципы

для разработки программ по энергетической эффективности, намечены области сотрудничества, создана основа для развития совместных или скоординированных действий. Эти действия могут охватывать поисковые работы, разведку, производство, преобразование, хранение, транспортировку, распределение и потребление энергии и могут относиться к любому экономическому сектору. При этом в совместных или скоординированных действиях учитываются соответствующие принципы, принятые в международных соглашениях, направленных на охрану и улучшение окружающей среды, в которых участвуют Договаривающиеся Стороны.

"Повышение Энергетической Эффективности" – мероприятия, направленные на сохранение выпуска той же единицы продукции (товара или услуги) без снижения качества или характеристик продукции при уменьшении затрат энергии, необходимых для производства этой продукции.

"Воздействие на Окружающую Среду" означает любое воздействие, оказываемое данной деятельностью на окружающую среду, в том числе на здоровье и безопасность человека, флору, фауну, почву, воздух, воду, климат, пейзаж и исторические памятники или другие физические сооружения либо взаимодействие между этими факторами; оно включает также воздействие на культурное наследие или социально-экономические условия в результате изменений этих факторов.

Климатические изменения представляют собой одну из серьезных угроз долгосрочного характера, которая может затронуть все районы земного шара. Известно, что возросшие потребности и использование энергии на основе ископаемого топлива, а также иная деятельность человека вносят большой вклад в увеличение объемов выбросов парниковых газов, которые ассоциируются с изменением климата.

В настоящее время страны с рыночной экономикой принимают меры к обеспечению большей открытости и большей степени либерализации на энергетических рынках. Страны с переходной экономикой проводят крупные экономические преобразования и реформируют свои системы энергоснабжения и налогообложения. Многие из них уже начали реформировать или упразднить системы субсидирования энергии или ввели энергетические налоги или сборы природоохранного назначения. Однако как в ряде развитых стран с рыночной экономикой, так и в странах с переходной экономикой рынки энергии по-прежнему деформированы, в частности, из-за значительных объемов субсидирования и налоговых положений, оказывающих деформирующее воздействие. Поэтому неблагоприятные экологические последствия производства и использования энергии при формировании цен на энергию учитываются неадекватно.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) провела ряд исследований по вопросам интернационализации экологических и социальных издержек экономической деятельности посредством упразднения мер поддержки цен и с помощью экономических инструментов [7]. При этом в классификации ОЭСР налоги определяются как «обязательные,

некомпенсируемые платежи общим органам управления. Налоги являются некомпенсируемыми в том смысле, что предоставляемые органами управления налогоплательщикам льготы обычно непропорциональны их платежам». В классификации ОЭСР, кроме того, используются такие термины, как плата, сборы с пользователей (в противоположность налогам), а также платежи, при этом четкого определения этих терминов не дается. На практике сборы и плата часто используются как синонимы. Поэтому как применительно к органам общего управления, так и к органам, не относящимся к ним, например, к экологическим фондам или водохозяйственным органам, термины «сборы» и «плата» будут определяться как обязательные некомпенсируемые платежи.

Категория «экологические налоги» включает в себя любой взимаемый налог, налоговая база которого считается особо значимой для окружающей среды. В нее входят как налоги, введенные непосредственно для достижения экологических целей (уменьшение неблагоприятных воздействий на окружающую среду), так и налоги, оказывающие значительное воздействие на ее состояние, хотя их главным предназначением является мобилизация средств, т. е. это следующие экономические инструменты:

1. Налоги на выбросы/сборы за выбросы:

- измененные или оцененные выбросы Nox (окислов азота),
- измененные или оцененные выбросы SO_2 (оксида серы),
- содержание SO_2 в ископаемом топливе.

2. Плата за превышение предельно допустимых уровней выбросов SO_2 и Nox в случае несоблюдения установленных требований.

3. Налоги на продукты:

- моторное топливо, в т. ч. неэтилированный и этилированный бензин, дизельное топливо, другие виды моторного топлива;
- топливо для отопления и получения электроэнергии, в т. ч. легкое и тяжелое нефтяное топливо, природный газ, уголь, кокс, биотопливо и другие виды топлива для стационарного использования, а также потребление электроэнергии и тепловой энергии [8].

Все более широкое признание получает тот факт, что многие энергетические субсидии – как прямые, так и косвенные – и налоговые деформации усугубляют неблагоприятные экологические последствия производства и использования энергии, снижают экономическую эффективность и тяжелым бременем ложатся на государственный бюджет. Уменьшение этих деформаций дает возможность добиться целей устойчивого развития и экологических целей, как на национальном, так и на международном уровнях. «При таком выравнивании цен на электроэнергию можно отменить экологически опасные субсидии и налоговые положения и начать применять рыночные инструменты, такие как экологические налоги для сокращения негативных внешних эффектов. Такие меры налогового регулирования называются реформой системы ценообразования на энергию.

Поскольку энергетика является одной из главных причин атмосферного загрязнения и важным источником налоговых поступлений, существенно важно «экологизировать» процесс перестройки системы ценообразования на энергию и налоговой системы. В первую очередь следует прекратить субсидирование экологически вредной деятельности, из-за которого цены на электроэнергию оказываются ниже уровня ее себестоимости. Все остальные субсидии в энергетическом секторе должны более связываться скорее с получаемыми доходами, нежели с показателями производства или выпуска.

Значительно облегчить проведение реформ систем ценообразования на энергию, в том числе введение экологических налогов, могут усилия, согласованные на международном уровне, а структурная перестройка должна вести к созданию более энергоэффективной экономики, и тогда на национальном уровне возможные потери в одном секторе могут обернуться выигрышем в другом.

Список использованных источников

1. Энергетическая безопасность. Информационный аспект. М.: Информациология, 2006. С. 142, 132.
2. Кукушкина А.В. Концепция устойчивого развития (экологический, экономический и социальный аспекты) // Московский журнал международного права. 2002. № 1. С. 52–60.
3. Кукушкина А.В. Международное гуманитарное право и охрана окружающей среды в период вооруженных конфликтов (международно-правовой аспект) // Международная аналитика. 2017. № 2 (20) С. 94–103.
4. Инвестиции в энергетику и охрана окружающей среды (международно-правовой аспект) // Московский журнал международного права. 2011. № 4. С. 233–239.
5. Договор к энергетической хартии и связанные с ним документы / напечатано при поддержке Программы Синержи Европейского Союза.
6. Протокол к энергетической хартии по вопросам энергетической эффективности и соответствующим экологическим аспектам / напечатано при поддержке Программы Синержи Европейского Союза.
7. Role of Economic Instruments in Integrating Environmental Policy with Sectoral Policies, ECE/CEP/60, United Nations, New York and Geneva, 1998. P. 1.
8. Док. Комитета по экологической политике ЕЭК ООН CEP/2000/6 Рабочее совещание по улучшению качества окружающей среды за счет реформирования системы ценообразования на энергию. С. 6.

Лебедева Юлия Вячеславовна,
советник Историко-документального департамента
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН АФРИКИ В ОБЛАСТИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

***Аннотация.** В последнее время африканские страны активно проявляют интерес к применению энергетических и неэнергетических ядерных технологий в различных секторах экономики. Обладая большим потенциалом, страны Африканского континента демонстрируют готовность стать участниками проектов по созданию своего технологического суверенитета – начиная от подписания межправительственных соглашений по сотрудничеству в области атомной энергетики, подготовки кадров и заканчивая созданием предприятий, строительством АЭС, включением в технологические цепочки, которые созданы в России и в других дружественных Российской Федерации государствах.*

***Ключевые слова:** атомная энергетика, АЭС, международное сотрудничество, Африка, малые модульные реакторы.*

Африка является одним из густонаселенных континентов с быстро растущим населением, которому требуется большое количество электричества для развития сельского хозяйства, промышленности, медицины, образования, для роста городов и строительства новых индустриальных объектов.

Население Африки по состоянию на 1 января 2022 г., согласно прогнозам Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, составляет 1 410 068 000 человек [13]. Африка – самый молодой континент на планете: 41 % населения моложе 15 лет, более 50 % – моложе или в возрасте 20 лет [13]. По прогнозам ООН, к 2030 году население Земли составит 8,5 млрд человек, к 2050 году – 9,7 млрд человек. До 2050 г. более половины прироста населения планеты будет приходиться на Африку, а к 2100 году население этого континента вырастет до 4,3 млрд человек [13]. «Именно от этого континента будут зависеть численность и распределение мирового населения в следующие несколько десятилетий» [14].

После начала санкционной войны против России со стороны стран-членов ЕС и США Российская Федерация начала рассматривать развитие международного сотрудничества в двустороннем и многостороннем формате в энергетической области, в частности в сфере атомной энергетики, со странами Африки, Азии и Латинской Америки. Американские и есовские санкции стали «актуальным явлением в развитии международной системы,

процессом, который развивается по специфическим законам, параллельно международным отношениям» [19] и вне действующего международного права. США и ЕС применяют санкции в качестве экономического и политического инструмента давления на субъекты международного права, с целью изменить мировой экономический рынок, влиять на политический курс отдельных государств, выйти из стагнации и рецессии, захватить новые рынки сбыта, построить новые логистические цепочки поставок. Африканский континент стал рассматриваться мировыми державами с ведущими мировыми экономиками как новый перспективный рынок, в том числе и в энергетической сфере, в частности и «мирного атома», за который и развернулась в настоящее время жесткая конкурентная борьба.

Начиная с 2021 года, в течении двух лет практически произошёл слом старых двусторонних отношений России с США и странами – членами ЕС. Российская Федерация за этот период приняла Распоряжением Правительством от 5 марта 2022 г. № 430-р официальный список недружественных стран [15] и определила другие страновые ориентиры.

Одним из приоритетных направлений международного сотрудничества в атомной области стал Африканский континент, потенциал которого был недооценён в начале 2000-х годов, когда Россия была нацелена на сотрудничество со странами – членами ЕС, а африканское направление развивалось по остаточному принципу или вообще не находило поддержки среди российских политических и деловых кругов.

Страны Африки в ходе индустриализации столкнулись с тем, что при электрификации и развитии энергетической инфраструктуры континента необходимо стабильное электроснабжение по доступной цене. Однако к 2023 г. в Африке функционирует только одна АЭС Коберг в ЮАР, которая использует французский реактор и ядерные технологии Франции [10].

В июле 2022 г. было начато строительство российской корпорацией «Росатом» атомной станции «Эль-Дабаа» в Египте. Строительство атомных установок, ядерных центров, проведение научных исследований, подготовка специалистов, обеспечение международного сотрудничества в атомной области - для этого необходима соответствующая правовая база, а именно заключение межправительственных соглашений. Такие соглашения являются основным инструментом в международном ядерном праве для сотрудничества в области атомной энергетики. Поскольку атомная промышленность сопряжена с рядом рисков для человека и окружающей среды, то международные договоры в этой сфере имеют ряд особенностей [6].

Прежде чем начать строительство АЭС на территории другого государства, заключается международный договор между страной, которая обязуется построить атомную станцию, и государством, на территории которого будет осуществляться строительство. Специфика таких международных договоров объясняется тем, что при строительстве АЭС используются ядерные технологии, возможна их передача, осуществляется транспортировка ядерных материалов и радиоактивных веществ. А это в свою

очередь требует от сторон соблюдения международного режима ядерного нераспространения и экспортного контроля над ядерным компонентом. В связи с этим договаривающиеся государства должны соблюдать режим нераспространения, технологическую и физическую ядерную безопасность, гарантии МАГАТЭ и культуру ядерной безопасности [6]. Поэтому оба государства, с точки зрения международного ядерного права, обязаны выполнять принципы, нормы и положения международных конвенций, которые регламентируют вопросы ядерной безопасности, ядерного нераспространения и экспортного контроля. В связи с этим государства должны быть участниками универсальных международных договоров в области международного ядерного права, в частности Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО 1968 г.), Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г., Конвенции об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 г., Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г. То есть государства должны не только подписать вышеупомянутые конвенции, но и провести внутригосударственные процедуры, уведомив об этом депозитария.

Еще одним условием является то, что страны должны быть членами МАГАТЭ. При строительстве радиационно-ядерноопасных объектов страны должны следовать рекомендациям МАГАТЭ по строительству атомных объектов, стандартам МАГАТЭ по технической и физической ядерной безопасности, обращению с радиоактивными отходами (РАО) и отработавшим ядерным топливом. В свою очередь МАГАТЭ осуществляет мониторинг с целью обеспечения режима нераспространения ядерного оружия.

Перед строительством АЭС или сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях Российская Федерация заключила межправительственные соглашения с рядом африканских стран, соблюдая все вышеупомянутые особенности [17].

Правовой основой для осуществления строительства АЭС «Эль-Дабаа» стало подписанное в г. Каире 19 ноября 2015 г. *«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации атомной электростанции на территории Арабской Республики Египет»* (далее Соглашение между Россией и Египтом о сооружении и эксплуатации АЭС 2015 г.) [16], которое в соответствии с п. 1 ст. 26 вступило в силу для обеих сторон 13 января 2016 г.

Согласно ст. 3 Соглашение между Россией и Египтом о сооружении и эксплуатации АЭС 2015 г., на территории Арабской Республики Египет строится АЭС, которая состоит из четырех «энергоблоков на основе водородяного энергетического реактора (ВВЭР) российского дизайна установленной мощностью каждого энергоблока до 1,2 ГВт» [16] и «установок по опреснению морской воды на каждом энергоблоке производительностью до 170000 куб. метров в день» [16]. Строительство АЭС «Эль-Дабаа»

реализовывается «на основе референтного проекта Ленинградской АЭС-2» [16]. Российский ВВЭР-1200 является самым лучшим в мире по своим параметрам, а именно: выработка дешевой энергии в больших масштабах и безопасность [5]. В настоящее время западные, американские или английские проекты АЭС не конкурентоспособны по сравнению с российскими или китайскими реакторами, поскольку Россия и Китай строят быстрее и дешевле [18]. Эти факторы, несомненно, играют важную роль в выборе строительства АЭС для африканских стран.

За последние десять лет, благодаря инновационным технологиям в материаловедении, инженерно-проектных конструкциях и сооружениях,

в развитии ядерной энергетики появились транспортабельные атомные установки – атомные станции малой мощности или малые модульные реакторы (ММР) по западной классификации, мощностью от 300 до 10 мегаватт, которые стали производить в промышленных масштабах. Россия предложила для стран Африки строительство наземных мини-АЭС, плавучих АЭС с реактором РИТМ-200, плавучих атомных теплоэлектростанций, а также мобильных малых модульных реакторов [9]. Принимая во внимание особенности африканского региона – это решение является наиболее оптимальным и востребованным. Помимо Египта, Россия заключила межправительственные соглашения по сотрудничеству в области мирного атома с Зимбабве, Эфиопией, Руандой и Ганой, которые уже вступили в силу. При этом были соблюдены основные требования, которые предъявляются к такого рода международным договорам. В частности, Зимбабве, Эфиопия, Руанда и Гана являются членами МАГАТЭ, участниками ДНЯО 1968 г. Все вышеупомянутые страны заключили Соглашения с МАГАТЭ о применении гарантий в связи с ДНЯО 1968 г., а также руководствуются принципами МАГАТЭ по экспорту ядерного материала и технологий (INFCIRC/254/Part1, INFCIRC/254/Part2). Зимбабве является участником «Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке» 1996 г., Гана – участницей «Конвенции о ядерной безопасности» 1994 г. и «Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами» 1997 г.

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Зимбабве о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» было подписано 27 июля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге, которое вступило в силу 20 ноября 2023 г. [1]. Межправительственное соглашение между Россией и Зимбабве 2023 г. создало правовую основу для работы по следующим направлениям: создание и совершенствование инфраструктуры атомной энергетики, в рамках своей национальной ядерной программы, включая систему государственного регулирования физической защиты ядерных установок, проектирование и строительство энергетических и исследовательских ядерных установок; реализация проектов применения ядерных технологий в медицине, сельском хозяйстве и промышленности; обращение с РАО; предоставление услуг

ядерного топливного цикла для ядерных установок; обеспечение и регулирование ядерной и радиационной безопасности; надзор за физической защитой ядерных материалов и установок, радиационных источников, пунктов хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ; контроль над системами учета и контроля ядерных материалов, радиоактивных веществ и РАО; разработка и производство материалов, компонентов и технологий для АЭС согласно положениям ДНЯО 1968 г.; обучение, подготовка и переподготовка персонала атомной отрасли, в том числе для работы на оборудовании по обращению с РАО, и персонала Службы радиационной защиты Зимбабве; проведение фундаментальных и прикладных ядерных исследований в мирных целях; производство радиоизотопов и их применение в медицине, сельском хозяйстве и промышленности (ст. 3 «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Зимбабве о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» 2023 г.).

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» было подписано 23 октября 2019 г. в г. Сочи и вступило в силу 29 января 2021 года [2]. Международный договор заложил правовую базу для российско-эфиопского сотрудничества в области использования мирного атома, которое осуществляется посредством формирования совместных рабочих групп для выполнения конкретных проектов и научных исследований, обмена научно-технической информацией и экспертами; организации семинаров и симпозиумов; содействия в обучении и подготовке научного и технического персонала; поставки оборудования, материалов и компонентов (ст. 4. «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» 2019 г.).

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Руанда о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» было подписано 5 декабря 2018 г. в г. Москве и вступило в силу 10 октября 2019 года [3]. В межправительственном соглашении были прописаны положения, касающиеся гражданской ответственности за ядерный ущерб со ссылкой на Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г. (ст.12 «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Руанда о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» 2018 г.)

«Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Гана о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» было подписано 2 июня 2015 г. в г. Москве и вступило в силу 17 сентября 2015 года [4]. В Соглашении было уделено

внимание правовому регулированию вопроса экспорта ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и технологий, товаров двойного назначения. Взаимодействие, по которому осуществляется в соответствии с обязательствами стран по ДНЯО 1968 г. и других международных договоров в рамках многосторонних механизмов экспортного контроля, участниками которых они являются (ст. 10 «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Гана о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях» 2015 г.).

Все вышеупомянутые межправительственные соглашения устанавливают направления работ, формы сотрудничества, что предполагает в последствии заключения двусторонних соглашений по определенным видам направлений в атомной сфере. Это может быть строительство АЭС или заводов, создание научных лабораторий, научно-исследовательских проектов и т. д. Для реализации вышеупомянутых межправительственных соглашений в африканских странах были созданы государственные компетентные органы, четко был прописан порядок передачи технологий, оборудования, услуг, определены обязательства по обеспечению охраны прав на интеллектуальную собственность, а также ответственность за ядерный ущерб и исполнение обязательств по ядерному нераспространению и экспортному контролю.

Применение мирного атома на африканском континенте сегодня – это, в первую очередь, шаг на пути к преодолению технологического отставания от передовых стран мира, это создание своей энергетической безопасности и независимости [7], наконец, это закрытия вопроса об обоснованности применения ядерных технологий для развития того или иного государства.

Помимо ЮАР и Египта, в ряде африканских стран работают исследовательские центры по ядерной энергетике, многие страны Африки сотрудничают с МАГАТЭ, развивают свои государственные регулирующие и надзорные органы [11], готовят специалистов физиков-ядерщиков за рубежом, в том числе и в России. На 4-м Международном молодежном форуме «Россия – Африка: ядерное образование как потенциал для успешного развития региона» было отмечено укрепление сотрудничества в области науки и образования по атомным и смежным направлениям подготовки между странами Африки и Россией. В настоящее время в соответствии с двусторонними соглашениями между Российской Федерацией и ряда африканских стран в профильных вузах Росатома обучаются 350 африканских студентов из 50 стран Африки. Объем квот на получение образования в Российской Федерации для студентов из африканских стран на 2023–2024 гг. был увеличен до 4 580 человек [8]. Это было обусловлено высоким спросом на специалистов в ядерной индустрии для стран Африки. Таким образом, решается сразу несколько задач – это продвижение российского ядерного образования и российских технологий, подготовка кадров для атомной отрасли и как итог – углубление общего сотрудничества со странами Африки.

Для успешного развития атомного сектора экономики в странах Африки в обозримом будущем можно выделить ряд необходимых компонентов [17].

Во-первых, требуется грамотное, ясное и прозрачное планирование атомной энергетики как составляющей часть в энергопланировании на государственном уровне и на инвестиционном уровне (как с привлечением иностранных, так и отечественных инвесторов), что также требует правового регулирования в национальном законодательстве африканских стран. Во-вторых, полная технологическая и правовая открытость и транспарентность по атомным проектам и их решениям всех участников. Третье, создание всех условий для правовой регламентации и обеспечения ядерной, радиационной и физической безопасности ядерных установок. Четвертое, подписание теми странами, которые начинают заниматься мирным атомом соглашений о гарантиях с МАГАТЭ. Пятое расширение мандата международных институтов развития, снятие барьеров по финансированию атомных проектов, включение АЭС, малых модульных реакторов наравне с возобновляемыми источниками в «зеленую» таксономию, принятие целевых программ по поддержке институционального и технологического развития ядерной энергетики в качестве без углеродной.

Африка становится очередной площадкой борьбы за завоевание рынков сбыта ядерных технологий и в тоже время открывается новый этап развития мировой ядерной энергетики. Атомные технологии тех стран, которые войдут и прочно укрепятся на африканском континенте, смогут в будущем не только получать экономические дивиденды, но и политические преференции. Традиционно Франция, Великобритания и США рассматривали страны Африки как зону своего влияние, в силу сложившихся исторических обстоятельств, в том числе и в атомной области. Однако в настоящее время Россия, Китай, Индия активно входят на африканский континент [17] с целью создания перспективного атомного рынка. Подготовка специалистов и повышение квалификации физиков-ядерщиков, инженеров, технологов атомного сектора стран Африки упрочит позиции стран, которые будут участвовать в этом образовательном процессе, в том числе и России.

В то же время заинтересованность африканских государств в создании и развитии своей атомной промышленности подвигает их к присоединению к универсальным международным конвенциям в атомной области, к имплементации основных рекомендаций и стандартов МАГАТЭ в свои национальные законодательства, к созданию и усовершенствованию своего национального законодательства и национальных компетентных государственных органов. Тем самым идет процесс обогащения и усовершенствования внутреннего законодательства африканских стран в регулировании правоотношений в атомной сфере.

Список использованных источников

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Зимбабве о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. 27 июля 2023 г. г. Санкт-Петербурге. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (Дата обращения 29.03.2024.)

2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, 23 октября 2019 г. г. Сочи. Бюллетень международных договоров. 2021. № 4.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Руанда о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. 5 декабря 2018 г. г. Москва. Бюллетень международных договоров. 2020. № 3.
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Гана о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. 2 июня 2015 г. г. Москве. Бюллетень международных договоров. 2016. № 3.
5. Пестрый ассортимент: что может дать Африке российский атом. (Дата обращения 18.11.2023.) <https://strana-rosatom.ru/2023/08/14/pestryj-assortiment-chto-mozhet-dat-af/>
6. Лысенко М.Н. Правовые модели международного сотрудничества России в атомной энергетике. Закон и право. 2019 г. № 7. С. 129-131.
7. Росатом предложил африканским странам проекты технологического суверенитета. (Дата обращения 1.12.2023.) <https://www.atomic-energy.ru/news/2023/07/25/137459>
8. Ядерное образование. Как сближаются Россия и Африка. (Дата обращения 15.12.2023.) <https://na.ria.ru/20230728/forum-1886760051.html>
9. Эксперт считает, что российские малые реакторы могут обеспечить Африку энергией. (Дата обращения 14.12.2023.) <https://tass.ru/ekonomika/18369309>
10. Салахетдинов Э.Р., Сидоров В.А. Российские проекты и энергетическое сотрудничество в Южной Африке. (Дата обращения 1.11.2023.) <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-proekty-i-energeticheskoe-sotrudnichestvo-v-yuzhnoy-afrike/viewer>
11. Ядерное право: глобальная дискуссия. МАГАТЭ, Вена, 2022. – С. 432.
12. Launch of the First Continental Report on Implementation of Agenda 2063 (Дата обращения 11.11.2023.) <https://au.int/en/pressreleases/20200210/launch-first-continental-report-implementation-agenda-2063>
13. World Population Prospects 2022 Summary of Results. Department of Economic and Social Affairs Population Division. UN DESA/POP/2021/TR/NO. 3. United Nations New York, 2022. (Дата обращения 2.11.2023.) https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf
14. Народонаселение. Исследования ООН. (Дата обращения 5.11.2023.) <https://www.un.org/ru/global-issues/population>
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Перечень иностранных государств и территорий,

совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия». Собрание законодательства РФ, 14.03.2022, № 11, ст. 1748.

16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации атомной электростанции на территории Арабской Республики Египет. Бюллетень международных договоров. 2016. № 6. С. 79 - 93.

17. Лизикова М.С. Правовые проблемы изменения географии мировой атомной энергетики. Союз криминалистов и криминологов. 2019 г. № 3. С. 104-108

18. Шульга И.И. Конкурентоособенность. Атомный эксперт. 2020 г. № 6 (83) сентябрь. (Дата обращения 28.04.2024.) https://atomicexpert.com/competitiveness_of_nuclear_power_plants

19. Сикачев Н.К., Лещенко Ю.Г. Санкционная политика в отношении России на уровне международных организаций. Энергетическая безопасность. 2023 г. Том 6. № 2. С.775-792.

Назарова Азиза Улугбековна,
старший преподаватель кафедры правового
регулирующего ТЭК Международного института
энергетической политики и дипломатии
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России,
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕАЭС В ОБЛАСТИ МИРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества государств – членов ЕАЭС в области развития ядерной энергетики. Констатируется отсутствие нормативной основы такого сотрудничества в праве ЕАЭС, подробно анализируются двусторонние соглашения России с другими государствами – членами Союза, признается необходимость в перспективе разработать нормы об атомной энергетике и включить их в акты права ЕАЭС, основываясь на накопленном опыте двустороннего сотрудничества.*

***Ключевые слова:** ЕАЭС, энергетика, энергетическое право, атомная энергетика, Росатом, СНГ, энергетическая дипломатия, евразийская интеграция.*

Сегодня в научном и экспертном сообществе признается, что мир вступил в период «атомного ренессанса» и использование мирного атома играет все большую роль в обеспечении энергетической безопасности. Россия в этом плане занимает высокие конкурентные позиции. Так, Росатом сегодня является мировым лидером в области эксплуатации мирного атома, реализуя крайне амбициозные проекты в различных странах мира [1, с. 15]. Поэтому для нас традиционно важно исследование того, как атомная энергетика развивается не только в нашей стране, но и в тех странах, с которыми Россия осуществляет различные интеграционные процессы. ЕАЭС здесь является наиболее любопытным объектом для изучения.

Дело в том, что Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 года предусматривает образование трех общих рынков основных энергоресурсов: электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов. Однако раздел XX этого Договора не содержит специальных положений по атомной энергетике и тем более по формированию общего рынка атомной энергетике в ЕАЭС [2, с. 45]. При этом члены ЕАЭС осуществляют многостороннее сотрудничество в атомной сфере в рамках МАГАТЭ и СНГ.

Высказывается мнение о том, что необходимо разработать международный правовой акт ЕАЭС, который установит единый подход к правовому регулированию использования атомной энергии – в четком соответствии с более широкими правовыми рамками формирования общего

рынка электроэнергии [3, с. 8]. Однако при принятии данного необходимо будет учитывать достигнутый на тот момент уровень развития двусторонних связей России и других государств – членов ЕАЭС в области атомной энергетики. Анализу таких отношений и посвящена настоящая статья.

Основой международного правового регулирования сотрудничества **России и Беларуси** в области мирного использования атомной энергии является ряд международных договоров.

Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии от 26 июня 1992 года [4] и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 28 мая 2009 года [5] определяют основные направления сотрудничества в данной сфере, среди которых строительство и модернизация атомных электростанций, ядерных установок и исследовательских реакторов, поставка ядерного топлива, оборудования и необходимых материалов, обеспечение атомной безопасности и радиационной защиты, предотвращение и ликвидация ядерных аварий, использование атома в медицине, промышленности и сельском хозяйстве, а также унификация законодательств государств.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции от 15 марта 2011 г. [6] предусматривает проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию (под ключ) двух энергоблоков первой в Беларуси атомной электростанции. Для реализации Соглашения Россия предоставила Беларуси кредит в размере до 10 миллиардов долларов – об этом было заключено специальное соглашение [7]. В 2021 г. был введен в эксплуатацию первый блок, а всего лишь месяц назад, в конце октября 2023 г. – второй блок. За счет БелАЭС удовлетворяется уже около 40% спроса на электроэнергию в Беларуси. В связи с реализацией данного проекта строительства атомной электростанции на территории Беларуси было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в сфере ядерной безопасности от 1 февраля 2013 года [8], целями которого являются развитие инфраструктуры ядерной безопасности Беларуси, достижение устойчивого и высокого уровня ядерной безопасности, создание и поддержание на объектах атомной энергетики Беларуси эффективных средств защиты от потенциальной радиационной опасности. В том же году было принято еще одно соглашение, которое определяет условия и механизм сотрудничества государств в случае возникновения ядерной аварии, а также регулирует обмен информацией о ядерной и радиационной безопасности [9].

Далее следует обратить внимание на сотрудничество **России и Армении**. Развитие атомной энергетики для Армении является безальтернативным путём обеспечения потребности страны в электроэнергии. В 2023 г. на АЭС вырабатывалась примерно треть от всего энергопотребления страны [10].

Основой международного правового регулирования сотрудничества России и Армении в области мирного использования атомной энергии являются международные договоры, устанавливающие общие рамки и направления сотрудничества, регулирующие модернизацию и текущую эксплуатацию энергоблоков построенной в конце 1980-х гг. Армянской АЭС, а также сотрудничество по оперативному оповещению о ядерной аварии и обмену информации в области ядерной и радиационной безопасности. Работы по модернизации атомного энергоблока № 2 Армянской АЭС были завершены в конце 2021 г. Реализация данного проекта стала возможной во многом благодаря предоставлению Россией Армении государственного кредита на основании соответствующего соглашения 2015 г. Рамочное соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 25 сентября 2000 года [11] закрепляет общие направления сотрудничества, включающие эксплуатацию АЭС, вывод из эксплуатации АЭС, поставка топлива для АЭС, а также механизмы сотрудничества, среди которых планирование и разработка совместных программ и проектов, формирование двусторонних рабочих групп для реализации совместных взаимовыгодных программ и проектов в области атомной энергетики, обмен экспертами. Иными словами, правовая база здесь в общих чертах совпадает с той, которая регулирует российско-белорусское сотрудничество.

Дальше рассмотрим сотрудничество между **Россией и Казахстаном**. Казахстан является мировым лидером по добыче урана – без чего невозможно себе представить развитие атомной энергетики. Ежегодно в Казахстане добывается около 20 тыс. тонн урана, что составляет примерно 20% мировой добычи [12]. Между Россией и Казахстаном заключены международные договоры, регулирующие общие рамки сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, интеграцию предприятий ядерно-топливного цикла, сотрудничество в научных исследованиях и разработках ядерно-энергетической сфере. Например, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об интеграции предприятий ядерно-топливного цикла от 6 июля 1998 года [13] направлено на обеспечение совместной разработки технических и инвестиционных проектов по развитию производства ядерного топлива для атомных станций обеих сторон и достижение конкурентоспособности совместно производимого ядерного топлива на мировом рынке. Кроме того, между Россией и Казахстаном действуют уникальные международные договоры, направленные на реализацию специальных проектов по международному термоядерному экспериментальному реактору и созданию Международного центра по обогащению урана [14, 15].

Наконец, сотрудничество **России с Киргизией** в области мирного использования атомной энергии регулируется Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в

мирных целях от 28 ноября 2012 года [16], которое закрепляет такие направления, как строительство АЭС, гармонизация законодательств, поставка ядерного топлива, оборудования и материалов, а также обеспечение ядерной безопасности и радиационной защиты.

Можно ожидать, что правовая база сотрудничества будет расширяться по мере развития конкретных совместных проектов. Так, в начале ноября этого года «Росатом» направил в профильное ведомство Киргизии обоснование проекта строительства на Тянь-Шане АЭС малой мощности [17].

Таким образом, предмет, число, объем действующих двусторонних международных договоров России с другими государствами – членами ЕАЭС в области мирного использования атомной энергии отличаются и зависят от положения, которое занимает каждое отдельное государство на мировом рынке атомной энергетики, отношения соответствующего государства к развитию национальной атомной энергетической отрасли [18, с. 19].

Со всеми государствами – членами ЕАЭС заключены рамочные международные договоры России в области мирного использования атомной энергии, закрепляющие общие направления и принципы сотрудничества. С Арменией и Беларусью действуют межправительственные соглашения, на основе которых осуществляются проекты по модернизации энергоблоков атомной электростанции и строительства атомной электростанции соответственно. Реализации таких проектов способствует предоставление Россией государственных кредитов. Также специальные межправительственные соглашения России с Арменией и Беларусью закрепили механизм сотрудничества в сфере ядерной безопасности. Особое место среди двусторонних международных договоров России и Казахстана занимают соглашения, направленные на реализацию уникальных проектов в научно-технической сфере.

Можно быть уверенным, что в перспективе неизбежным станет вопрос о разработке и принятии многостороннего международного договора ЕАЭС, закрепляющего общие подходы и стандарты развития атомной энергетики, а также вопрос о формировании и развитии атомного права ЕАЭС.

Список использованных источников

1. Жизнин С.В., Тимохов В.М. Ядерные аспекты энергетической дипломатии: монография. М. : МГИМО-Университет, 2017.
2. Гликман О.В., Назарова А.У. Международно-правовые основы энергетического сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза // Право и управление. XXI век. 2020. № 16 (1).
3. Лизикова М.С. Основные направления сотрудничества в атомной отрасли в рамках межгосударственных региональных интеграционных объединений с участием Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5.
4. Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии от 26 июня 1992 г.

5. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 28 мая 2009 г.

6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции от 15 марта 2011 г.

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о предоставлении Правительству Республики Беларусь государственного экспортного кредита для строительства атомной электростанции на территории Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г.

8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в сфере ядерной безопасности от 1 февраля 2013 г.

9. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об оперативном оповещении о ядерной аварии и обмене информацией в области ядерной и радиационной безопасности от 13 декабря 2013 г.

10. Атомное будущее Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://rosatomnewsletter.com/ru/2023/03/22/armenias-nuclear-future/> (дата обращения: 2.12.2023).

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии от 25 сентября 2000 г.

12. Бюллетень МАГАТЭ: Уран: от разведки до реабилитации. Вена, 2018.

13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об интеграции предприятий ядерно-топливного цикла от 6 июля 1998 г.

14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о научно-техническом сотрудничестве в рамках разработки технического проекта Международного термоядерного экспериментального реактора от 12 октября 1998 г.

15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о создании Международного центра по обогащению урана от 10 мая 2007 г.

16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 28 ноября 2012 г.

17. Россия и Кыргызстан сделали новый шаг к развитию атомной энергетики [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/11/15/mirnyj-atom-na-tian-shane.html> (дата обращения: 2.12.2023).

18. Лизикова М.С. Правовое регулирование вопросов использования атомной энергии в законодательстве государств – членов ЕАЭС (перспективы инновационной стратегии) // *Colloquium-journal*. 2019. № 5.

Семенович Кристина Сергеевна,
директор Центра энергетического права
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат юридических наук
(Санкт-Петербург, Россия)

ВОДОРОДНАЯ ЭНЕРГЕТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

***Аннотация.** Использование водорода для целей глобального энергетического перехода в последние годы приобрело характер мирового тренда. Крайне важным для развития отрасли является анализ зарубежного правового регулирования обращения водорода. В настоящей статье исследуются положения закона Республики Корея, первого национального нормативно-правового акта, направленного на регулирование отношений в водородной энергетике.*

Ключевые слова: водород, энергетический переход, безуглеродные источники энергии, зарубежное регулирование.

В 2023 году, по словам Генерального секретаря ООН Антонио Гуттериша, наступила «эпоха глобального кипения» [1]. Основной причиной складывающейся неблагоприятной климатической обстановки становится антропогенный рост концентрации парниковых газов в атмосфере в результате сжигания ископаемого топлива – угля, нефти и природного газа. Энергетический сектор является крупнейшим эмитентом парниковых газов. Очевидно, что возможными к использованию мерами по удержанию глобальной температуры в пределах 1,5–2 градусов по Цельсию, что обозначено в Парижском соглашении [2], станет изменение структуры энергопотребления путем перехода на «зеленую» или безуглеродную генерацию, основанную на возобновляемых источниках энергии, атомной энергетике, водородном топливе, а в перспективе и термоядерном синтезе.

Наиболее пристальное внимание в мире сейчас уделяется водороду и водородным топливным элементам. В настоящем исследовании обратимся к зарубежному опыту формирования новой отрасли энергетического сектора – водородной энергетики в Республике Корея.

Ввиду того, что промышленная структура страны остается углеродозависимой [3], водородная энергетика в Республике Корея рассматривается как одно из ключевых направлений национальных низкоуглеродных стратегий. В 2021 году в городе Инчхон введена в эксплуатацию крупнейшая в мире водородная электростанция Shinincheon Witdrea [4], способная обеспечивать энергией около 250 000 домохозяйств в год, которая также играет роль «крупнейшего очистителя воздуха» – всасывает мелкую пыль из воздуха и отфильтровывает ее. В Республике Корея расширяются автопарки на водородных топливных элементах, развивается инфраструктура, планируется, что водород прочно войдет в жизнь корейцев:

к 2040 году 940 тыс. домохозяйств должны быть обеспечены водородными топливными элементами суммарной мощностью не менее 2,1 ГВт.

В Республике Корея, еще в 2020 году принят Закон о стимулировании водородной экономики и управлении водородной безопасностью [5] (далее – Закон Республики Корея). По названному закону, «водородная энергетика» означает производство электроэнергии или электро- и теплоэнергии с использованием водорода или его соединения в качестве топлива. Термин «водородная экономика» включает в себя экономическую и промышленную структуру, использующую водород в качестве основного источника энергии, где производство и применение водорода приводит к фундаментальным изменениям в стране, обществе и жизни людей, стимулируя новый экономический рост.

Закон Республики Корея регулирует обращение только определенных видов водорода – «чистого водорода», обозначающего водород или водородное соединение, которое подпадает под любое из следующих требований:

- водород с нулевым содержанием углерода: водород, который не выделяет никаких парниковых газов;
- низкоуглеродистый водород: водород, который выделяет парниковые газы на низком уровне;
- низкоуглеродистое водородное соединение: водородное соединение, которое производится для транспортировки водорода и т. д., и которое выделяет парниковые газы на низком уровне.

Отметим, в Водородной стратегии Европейского Союза [6] выделяется несколько видов водорода – электролизный водород, возобновляемый водород, чистый водород, ископаемый водород и ископаемый водород с улавливанием углерода, низкоуглеродный водород и синтетическое топливо на основе водорода. В Законе Республики Корея указанные категории оказываются смешанными, основным критерием для введения водорода в обращение является низкий или нулевой уровень выбросов парниковых газов.

По Закону Республики Корея, любое лицо, занимающееся водородным бизнесом (субъект водородного бизнеса), должно стремиться содействовать разработке и коммерциализации технологий, необходимых для развития водородной промышленности, а также для производства, хранения, транспортировки и использования водорода экологически чистым способом. При этом лицо, намеревающееся производить водородное топливо или оборудование для генерации водорода, должно получить разрешение на каждое предприятие по производству водорода и представить план производства водорода или поставок водорода и спроса на него Министру торговли, промышленности и энергетики Республики Корея.

Законом Республики Корея предусматривается поддержка предприятий, специализирующихся на водороде, заключающаяся, помимо субсидирования или кредитования, в частности, в поддержке разработки технологий, связанных с водородной промышленностью, и обмен результатами

исследований и разработок; совместном использовании дорогостоящего оборудования; поддержке выявления и коммерциализации передовых технологий, связанных с водородной промышленностью.

Для расширения использования водорода в законодательстве Республики Корея предусмотрены обязательства субъектов электроэнергетики по закупке электрической энергии, произведенной на основе водорода (как для возмещения потерь, так и для продажи). Ежегодно объемы таких обязательных закупок корректируются.

Законом Республики Корея установлено специальное регулирование продажи топлива для автомобилей, оснащенных водородным топливным элементом. Цены на водородное топливо, как следует из Закона Республики Корея, свободные и устанавливаются продавцами самостоятельно. При этом продавец водорода должен указать отпускную цену водорода, установив табло с указанием цен на заправках, а также продавец должен сообщить цену продажи Министру торговли, промышленности и энергетики Республики Корея, который может раскрывать отпускные цены продавцов водорода в целях поощрения конкуренции и оптимизации цен на водород.

За нарушения положений Закона Республики Корея установлена ответственность. В частности, лицо наказывается лишением свободы с привлечением к труду на срок не более пяти лет или штрафом в размере не более 50 миллионов корейских вон (*около 3,5 млн руб.*), если продаваемое оборудование для производства водорода не соответствует выданному разрешению или если лицо искусственно занижает или, наоборот, повышает объем продаваемого водорода, например, посредством воздействия тепла на энергоресурс.

В целом положения Закона Республики Корея представляют определенный интерес для исследования правового оформления зарубежных рынков водородного топлива, но исчерпывающей регламентации правоотношений в сфере обращения водорода не содержат.

В России процесс широкомасштабного перехода к водородной экономике идет чуть менее быстрыми темпами, нормативно-правовая база пока ограничивается документами стратегического планирования [7], но разработки во всех направлениях активно ведутся. Например, в сфере международного сотрудничества между китайской корпорацией LS Group Co. и российской Государственной Корпорацией «Росатом» 11 сентября 2023 г. подписан меморандум о реализации проекта низкоуглеродного производства водорода на острове Сахалин [8]. Планируется уже в следующем году начать строительство завода и ввести его в промышленную эксплуатацию в 2025 году. Для экспорта водорода в Китай рассматривается сценарий судовой перевозки водорода в сжиженном виде в контейнерах-цистернах.

Между тем, чтобы водород стал фундаментом глобальной энергетики, еще потребуются десятилетия, поэтому нефть и газ обречены на то, чтобы

лежать в основе энергоперехода. Именно они могут обеспечить человечество дополнительными объемами энергии, требующимися для смены традиционного энергетического уклада, в частности, для создания инфраструктуры, необходимой для использования водородных технологий и ВИЭ.

Список использованных источников

1. Генсек ООН заявил о наступлении «эпохи глобального кипения» из-за рекордной жары июля. URL: <https://www.forbes.ru/society/493601-gensek-oon-zaavil-o-nastuplenii-epohi-global-nogo-kipenia-iz-za-rekordnoj-zary-iula?ysclid=llkq8my9wn246530631>.
2. Парижское соглашение (Париж, 12.12.2015) // [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «ГАРАНТ».
3. Lee J.-H., Woo J. Green New Deal Policy of South Korea: Policy Innovation for a Sustainability Transition. Sustainability, 2020, no. 12. URL: https://www.researchgate.net/publication/347432588_Green_New_Deal_Policy_of_South_Korea_Policy_Innovation_for_a_Sustainability_Transition.
4. В Южной Корее заработала крупнейшая в мире водородная электростанция. Страна Росатом. URL: <https://strana-rosatom.ru/2021/11/12/v-juzhnoj-koree-zarabotala-krupnejshaya-v/>.
5. Hydrogen Economy Promotion And Hydrogen Safety Management Act. URL: https://elaw.klri.re.kr/kor_service/lawView.do?hseq=60917&lang=ENG.
6. A hydrogen strategy for a climate-neutral Europe. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/hydrogen_strategy.pdf.
7. Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации».
8. Росатом и китайская корпорация LS Group Co. будут сотрудничать по водородным проектам. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18705433>.

Чукреев Андрей Александрович,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Института государства и права
Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук
(Тюмень, Россия)

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ОБЛАСТИ НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА¹

***Аннотация.** Автор исследует перспективы взаимодействия государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в области низкоуглеродной энергетики и развития соответствующей нормативно-правовой базы. Сделан вывод о необходимости в будущем подготовки и заключения в рамках данной Организации международного договора о сотрудничестве по такому приоритетному направлению, как энергетика, в том числе о развитии низкоуглеродной энергетики, либо ряда договоров применительно к отдельным видам энергии и об обеспечении энергетической безопасности.*

***Ключевые слова:** низкоуглеродная энергетика, Шанхайская организация сотрудничества, зеленая экономика, устойчивое развитие, энергоэффективность, возобновляемые источники энергии.*

Еще в 2001 г. главы шести государств подписали Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества [3], и шесть стран тогда стали ее членами – это Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. Позднее ряды участников данной международной организации пополнились: с 2017 г. – Исламской Республикой Пакистан и Республикой Индия, а с 2023 г. – Исламской Республикой Иран. В 2022 г. начат процесс повышения статуса Республики Беларусь как государства-наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) до уровня государства-члена.

И уже в указанной выше Декларации одной из целей ШОС было провозглашено поощрение эффективного сотрудничества между государствами-участниками в энергетической и экологической областях. Затем в Хартии ШОС 2002 г. [14], ст. 3 которой определила основные направления сотрудничества в рамках данного объединения, среди таких направлений было закреплено следующее: развитие энергетических систем, обеспечение рационального природопользования, включая использование

¹ Данная работа выполнена с использованием Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

водных ресурсов в регионе, осуществление совместных специальных природоохранных программ и проектов. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов ШОС 2007 г., вступивший в силу для России с 31 октября 2012 г. [4], его ст. 15 в открытом перечне сфер экономического взаимодействия участвующих в нем государств называет, в частности, энергетику.

Заметим, сегодня еще далеко не по всем из обозначенных в указанных выше и иных документах ШОС приоритетных направлений экономического взаимодействия заключены специальные соглашения. В том числе нет международного договора между участниками данной Организации о сотрудничестве в области энергетики или в какой-либо отдельной ее отрасли. В целом правовая основа экономического взаимодействия в рамках ШОС находится на этапе своего становления, и следует констатировать относительно небольшой объем указанной правовой основы с преобладанием в ее структуре норм международного «мягкого права» [15, с. 93-98]. И уже давно отмечается необходимость интенсификации развития правового обеспечения сотрудничества государств-членов по такому актуальнейшему направлению, как энергетика [1, с. 88, 89], [16, с. 170-172].

Между тем экономические отношения внутри рассматриваемого объединения не стоят на месте благодаря дипломатии, а также на основе документов стратегического планирования и программных актов ШОС. Так, в 2015 г. Советом глав государств-членов была утверждена Стратегия развития ШОС до 2025 г. [13], а в 2019 г. Советом глав правительств (премьер-министров) государств-членов – Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов до 2035 г. [10].

В указанной Стратегии в качестве основных мер, которые государства-члены предпримут для развития своего экономического сотрудничества, было обозначено, в частности, следующее: наращивание взаимовыгодного разнопланового сотрудничества в сфере энергетики, в том числе в области использования возобновляемых и альтернативных источников энергии, а также передовых природоохранных технологий, энергоэффективности в интересах устойчивого развития. А в упомянутой выше Программе заявлено, что она будет содействовать устойчивому инклюзивному экономическому росту региона и способствовать достижению целей, обозначенных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в том числе внедрению и использованию возобновляемых источников энергии, разработке и внедрению инновационных технологий в этой сфере.

В последние два – три года повестка ШОС по вопросам низкоуглеродной энергетики и зеленой экономики в целом еще более актуализировалась: данные вопросы в качестве приоритетов сотрудничества упоминаются в ряде новых документов, в частности: в Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС 2021 г. [6], в заявлениях Совета глав государств-членов ШОС от 16 сентября 2022 г. по обеспечению международной энергетической безопасности [7] и по реагированию на изменение климата [8].

Кроме того, Советом глав государств ШОС 4 июля 2023 г. утверждена Стратегия экономического развития ШОС на период до 2030 года, она призвана способствовать обеспечению прорыва ШОС в экономической сфере с акцентом на «зеленую» повестку [11]; в рамках этой Стратегии запланирована разработка Энергетической стратегии ШОС, Дорожной карты в области использования возобновляемых источников энергии, Программы по созданию «зеленых» промышленных парков с экономикой замкнутого цикла и т.д. О принятии решения подготовить Стратегию развития энергетического сотрудничества государств – членов ШОС до 2030 года было объявлено 26 октября 2023 г. и в Совместное коммюнике по итогам двадцать второго заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств – членов ШОС [12]. В этом коммюнике также подчеркнута важность продолжения взаимовыгодного сотрудничества в сфере зеленой энергетики, в особенности использования низкоэмиссионных источников энергии, включая возобновляемые и чистые источники энергии; обозначены в качестве перспективных направлений развитие ветровой энергетики, солнечной энергетики, гидроэнергетики, атомной энергетики, биоэнергетики, водородной энергетики, технологий накопления энергии и других низкоэмиссионных технологий.

3–4 октября 2023 г. в г. Астане в ходе казахстанской энергетической недели состоялся первый Энергетический форум ШОС. На этом Форуме Министр энергетики Российской Федерации Н.Г. Шульгинов обозначил следующие актуальные для России направления и проекты в рамках ШОС на треке развития низкоуглеродной энергетики [9]. Во-первых, это увеличение экспорта в Китай и иные дружественные страны Азии природного газа как наиболее низкоуглеродного ископаемого источника энергии, в том числе СПГ. Во-вторых, это перспективные проекты развития сегмента газомоторного топлива (ГМТ), в частности, создание инфраструктуры ГМТ на территории государств ШОС. В-третьих, развитие безуглеродной гидроэнергетики: реализация проекта Сангтудинская ГЭС-1 в Таджикистане, строительство Муллалакской ГЭС в Узбекистане и Камбаратинской ГЭС-1 в Киргизии. В-четвертых, развитие возобновляемых источников энергии, прежде всего там, где у России есть хороший задел, – это водородная энергетика и, конечно, энергетика атомная.

Полагаем, в перспективе в рамках ШОС следует разработать и заключить международный договор о сотрудничестве по такому приоритетному направлению, как энергетика, в том числе о развитии низкоуглеродной энергетики. Но вероятнее, государства – члены данной Организации заключат ряд таких соглашений применительно к отдельным видам энергии и об обеспечении энергетической безопасности. Последний вариант в большей степени будет укладываться в общемировую тенденцию международно-правового регулирования энергетических отношений [5, с. 123-127]. В любом случае, несмотря на порой расходящиеся интересы членов ШОС и преимущественно их двусторонние взаимодействия

в анализируемой сфере, этой Организации объективно необходимо выстраивать многосторонний правовой механизм энергетического сотрудничества [16, с. 177]. К этому стоит добавить, что в условиях глобального энергоперехода ожидается усиление конкуренции экспортеров энергоресурсов на мировой экономической арене [2, с. 191, 192]. В связи с этим Россия кровно заинтересована в своем активном участии в установлении норм международного права в данной сфере, причем норм справедливых, учитывающих наши интересы.

Список использованных источников

1. Алимов Р.К. Шанхайская организация сотрудничества: становление, развитие, перспективы. М.: Весь Мир, 2017. 336 с.
2. Варламова А.Н. Конкуренция в условиях глобального энергоперехода // Правовая парадигма энергетики в условиях устойчивого экономического роста: монография / А.Н. Варламова, О.А. Символоков, В.А. Северин [и др.]. М.: Издательская группа «Юрист», 2022. С. 191-212.
3. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Бишкек, 16 августа 2007 г.) // Бюллетень международных договоров. 2018. № 7.
5. Долинская В.В. Источники правового регулирования отношений в сфере энергетики // Правовая парадигма энергетики в условиях устойчивого экономического роста: монография / А.Н. Варламова, О.А. Символоков, В.А. Северин [и др.]. М.: Издательская группа «Юрист», 2022. С. 118-145.
6. Душанбинская декларация двадцатилетия Шанхайской организации сотрудничества (г. Душанбе, 17 сентября 2021 г.) // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 01.12.2023).
7. Заявление Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной энергетической безопасности (г. Самарканд, 16 сентября 2022 г.) // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 01.12.2023).
8. Заявление Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества по реагированию на изменение климата (г. Самарканд, 16 сентября 2022 г.) // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 01.12.2023).
9. Николай Шульгинов: «Государства ШОС должны вместе продвигать своё видение энергетического будущего» // Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/25025> (дата обращения: 01.12.2023).
10. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (утверждена решением Совета глав правительств (премьер-министров) государств – членов ШОС, г. Ташкент, 2 ноября 2019 г.) //

Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/shanhayskaya_organizaciya_s_otrudnichestva_shos/ (дата обращения: 01.12.2023).

11. Реализована инициатива Эмомали Рахмона: утверждена Стратегия экономического развития ШОС на период до 2030 года // Avesta.tj. URL: <https://avesta.tj/2023/07/05/realizovana-initsiativa-emomali-rahmona-utverzhdena-strategiya-ekonomicheskogo-razvitiya-shos-na-period-do-2030-goda/> (дата обращения: 01.12.2023).

12. Совместное коммюнике по итогам двадцать второго заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств – членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Бишкек, 26 октября 2023 г.) // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 01.12.2023).

13. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года (утверждена решением Совета глав государств – членов ШОС, г. Уфа, 10 июля 2015 г.) // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (дата обращения: 01.12.2023).

14. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (г. Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.): с изменениями от 15.06.2006 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 43. Ст. 4417.

15. Чукреев А.А. Региональное экономическое взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества: становление правовой основы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 89-105. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-89-105.

16. Qihong M., Nan G. Research on the legal mechanism for SCO energy cooperation // The Shanghai Cooperation Organization: exploring new horizons / edited by S. Marochkin, Yu. Bezborrowodov. London; New York: Routledge, 2022. Pp. 165-179. DOI: 10.4324/9781003170617-15.

Шугуров Марк Владимирович,
профессор кафедры международного права
Саратовской государственной юридической академии,
главный научный сотрудник лаборатории
проблем правового регулирования научной
и инновационной деятельности
Алтайского государственного университета,
доктор философских наук, доцент
(Саратов, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПЕРЕХОДА К НИЗКОУГЛЕРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы сбалансированного развития энергетического сектора на глобальном уровне в свете ЦУР № 7, которые оказались в фокусе динамично развивающегося международно-правового сотрудничества. Большое внимание в работе уделено характеристике самых последних инициатив, а также их систематизации. Сделан вывод о том, что, несмотря на сохраняющийся риск недостижения целевых показателей в области перехода к устойчивой энергетике в рамках намеченных сроков, целый ряд инновационных мер, предпринимаемых на национальном и международном уровнях, вполне могут приблизить наступление фазы устойчивой энергетике и энергетической справедливости.*

***Ключевые слова:** устойчивое развитие, энергетический переход, международное право, международное сотрудничество, «чистая» энергетика, ООН, энергетически диалог.*

К важнейшей сфере современного международного сотрудничества относится наращивание совместных усилий самых разных субъектов по реализации парадигмы низкоуглеродного развития в контексте борьбы с климатическими изменениями. Наибольшую значимость данная парадигма имеет для энергетического сектора, который, как известно, открыт для осуществления возможностей, которое демонстрирует повышение интенсивности международного сотрудничества. Переход к низкоуглеродной энергетике в свете парадигмы низкоуглеродного развития в глобальном масштабе осуществляется в русле Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 год (далее – Повестка-2030). В связи с этим энергетика представляет собой тематическую область международного сотрудничества, которая открыта другим направлениям международного взаимодействия в смежных областях, таких как охрана окружающей среды, устойчивое ведение сельского и лесного хозяйства, устойчивая индустриализация и т. д.

Более того, энергетика рассматривается сегодня в качестве важнейшего сектора, изменения в рамках которого, в том числе изменения технологического плана, призваны содействовать достижению целей и решению задач Парижского соглашения по климату 2015 г., не говоря уже о выполнении международно-правовых обязательств, предусмотренных Рамочной конвенцией ООН об изменении климата 1992 года. Международное сотрудничество в современных условиях призвано стать пространством реализации климатических обязательств и стать катализатором энергетического перехода на всех его уровнях (местном, региональном, глобальном), но одновременно помочь в решении проблем, связанных с экономическим неравенством и отсутствием социальной справедливости. Иными словами, энергетический переход не только призван стать ключом к решению экологических, но и экономических, а также социальных проблем.

Как отмечается в зарубежной литературе, «учитывая как укоренившийся характер экономики, основанной на ископаемом топливе, так и различные социальные, политические, экономические и экологические факторы, которые формируют энергетический переход, пути к декарбонизации неизбежно будут сопряжены со сложными компромиссами, например, между энергетической безопасностью и экологическими целями или между выбором энергии и экономией за счет масштаба» [1, р. 199]. По этой причине энергетический переход вообще достаточно узко понимать как переход от использования ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии. Подобного рода трактовка идеи энергетического перехода в ряде случаев вызывает недоверие [2; 3].

С учетом сказанного отметим, что план глобального сотрудничества в сфере энергетики в свете ЦУР № 7 включает в себя разнообразные задачи и отличается комплексным, т.е. нередуцируемым содержанием: обеспечение всеобщего доступа к недорогому, надежному и современному энергоснабжению (7.1); значительное увеличение к 2030 году доли энергии из ВИЭ в мировом энергетическом балансе (7.2); удвоение глобального показателя повышения эргоэффективности к 2030 году (7.3.); активизация международного сотрудничества в целях облегчения доступа к исследованиям и технологиям в области экологически чистой энергетики, включая возобновляемую энергетику, повышение энергоэффективности и переход к передовым и более чистым технологиям использования ископаемого топлива, поощрение инвестиций в энергетическую инфраструктуру и технологии экологически чистой энергетики (7.a); расширение к 2030 году инфраструктуры и модернизация технологии для современного и устойчивого энергоснабжения в развивающихся странах, в частности в наименее развитых странах, малых островных развивающихся государствах и развивающихся странах, не имеющих выхода к морю, с учетом их соответствующих программ поддержки (7.b).

Эффект координации усилий как на национальном, так и международном уровнях стал возможен благодаря формату Десятилетия

устойчивой энергетики для всех (2014–2024 гг.), которое было объявлено Генеральной Ассамблеей ООН в 2014 году, т. е. за год до принятия Повестки-2030. Как показала практика, инициативы, предусмотренные в рамках Десятилетия, стали плацдармом для реализации задач Повестки-2030 применительно к энергетическому сектору. В дополнение к этому нельзя не отметить деятельность партнерств с участием многочисленных заинтересованных сторон, например, инициативу «Устойчивая энергетика для всех», которая придает мощный импульс популяризации возобновляемых источников (далее – ВИЭ) и энергоэффективности. Кроме этого, следует указать на инициативы в рамках Глобальной программы действий в связи с изменением климата, а также инициативу «Маяки» для малых островных развивающихся государств, инициативу в области устойчивой энергетики для малых островных развивающихся государств. Все указанные форматы международного взаимодействия служат важным условием реализации политических и правовых обязательств государств в области устойчивого развития, которые предполагают обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех в контексте и при учете стратегии устойчивого развития.

Глобальное сотрудничество в энергетическом секторе, которое направлено на решение указанных задач, координирует ООН. В экспертной среде высказывается подход, согласно которому ООН заложила основы правовой базы развития энергетического сектора в соответствии с принципами устойчивости и защиты климата. Однако, в силу того, что ООН имеет самый большой охват стран, достичь консенсуса бывает подчас затруднительно. По этой причине актуализируется значимость других институтов, выполняющих миссию глобального энергетического управления, таких как Большая двадцатка, ОПЕК+, Мировой энергетический совет и т. д. [4, р. 367]. С нашей точки зрения, указанные структуры должны рассматриваться в качестве дополняющих работу ООН в сфере энергетики, ибо в противном случае может возникнуть феномен фрагментации международного энергетического сотрудничества. В другой формулировке это означает, что ООН «занимает особое место в центре системы, определяя концепции, цели и институты, обеспечивая правовую основу для управления энергетикой путем заключения конвенций и соглашений, а также обеспечивая основу для сотрудничества между всеми основными международными энергетическими организациями» [Ibid., р. 372]. Более того, именно благодаря ее усилиям система Глобального управления энергетикой функционирует на основе парадигмы устойчивого развития в целом и фокусируется на достижении ЦУР № 7 в частности.

Функциональной основой координации в данной системе выступает Механизм «ООН-энергетика». Задача повышения скоординированности и эффективности международного энергетического сотрудничества в свете достижения ЦУР № 7 связана с необходимостью решения целого ряда обнаружившихся проблем. Так, некоторые государства и регионы мира

сумели добиться значительных успехов в достижении ЦУР № 7. Согласно статистике, уровень электрификации был доведен в мире в 2020 году до 91 % [5]. Это стало возможным благодаря значительным усилиям развивающихся стран. Однако в качестве результата мониторинга процесса достижения ЦУР № 7 сформулирован вывод о том, что есть все основания заявлять об отсутствии необходимых темпов в развитии и трансформации энергетического сектора, что могло бы дать основание для уверенности в достижимости ЦУР № 7 к 2030 году. Аналогичные выводы, сформулированные в тематических резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, докладах Генерального Секретаря ООН, а также в целом ряде политико-правовых и экспертных документов, стали причиной обеспокоенности. Например, в преамбуле резолюции 77/170 «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» Генеральная Ассамблея ООН выразила обеспокоенность о том, что при текущих темпах прогресса к 2030 году не будет выполнена ни одна из глобальных задач в сфере энергетики, поставленных в рамках ЦУР № 7 [6].

К основным экономическим факторам, препятствующим современному достижению ЦУР № 7 в глобальном масштабе, относятся: неопределенность макроэкономических перспектив, высокий уровень инфляции, колебания курсов валют, долговой кризис в возрастающем числе стран, недостаточное финансирование, сбои в системе снабжения, усиление бюджетно-финансовых ограничений и резкий рост цен на материалы. Тем не менее данные затруднения не приводят к фатализму. В частности, в ходе Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию 2023 года [7] был проведен углубленный обзор прогресса в достижении ЦУР № 7. В обзоре было подчеркнуто, что, несмотря на отставание от графика, достижение данной цели все еще возможно за счет быстрого ускорения глобальных усилий в ближайшие 7,5 лет.

Представляется, что указанное ускорение усилий требует реализации уже имеющихся, а также новых инициатив. К наиболее важной инициативе относится проведение 24 сентября 2021 года в Нью-Йорке в рамках семьдесят шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН Диалога на высоком уровне по вопросам энергетики. В работе встречи приняли участие более 130 глав государств и правительств. Диалог способствовал выработке мер по достижению связанных с энергетикой целей и выполнению задач Повестки-2030 в поддержку проведения Десятилетия устойчивой энергетики для всех на 2014–2024 гг., включая Глобальный план действий по проведению Десятилетия. В сущности, Диалог стал первым за последние сорок лет глобальным мероприятием, которое было специально посвящено энергетике и послужило уникальным средством для укрепления политической воли и ускорения темпов достижения поставленных целей.

Диалог был сосредоточен на следующих пяти ключевых темах: доступ к источникам энергии; энергетический переход; обеспечение возможности достижения целей в области устойчивого развития посредством инклюзивного

и справедливого энергетического перехода; инновации, технологии и данные; финансы и инвестиции. Как результат, был дан импульс для практической нацеленности всех заинтересованных сторон на мобилизацию действий по достижению ЦУР № 7 и обеспечению чистого нулевого уровня выбросов при одновременном содействии ликвидации бедности, а также достижению других ЦУР.

В качестве важного результата диалога 2021 года стала решимость по разработке договоров по энергетике, в которых свое отражение нашли добровольные обязательства всех заинтересованных сторон, включая государства-члены, предприятия, гражданское общество, молодежь, города и субнациональные органы власти. Договоры по энергетике призваны ускорить действия по решению задач Повестки-2030, одновременно согласовываясь с определяемыми на национальном уровне вкладами в рамках Парижского соглашения по климату и с обязательствами по достижению чистого нулевого уровня выбросов к 2050 году. Заключение договоров планировалось осуществлять при посредничестве Механизма «ООН-энергетика». В настоящее время добровольные обязательства нашли свое закрепление в форме около 200 заключенных энергетических договоров [8]. В качестве эффективной инициативы энергетические договоры предполагают стимулирование действий по устранению пробелов в доступе к энергии, постепенному отказу от угольной энергетики, декарбонизации энергетических систем, а также обеспечение роста экономики и создания рабочих мест.

Отметим еще одну инициативу. В частности, в развитие замысла Диалога Генеральный секретарь ООН предложил в 2022 году глобальную дорожную карту по ускорению действий по достижению ЦУР № 7. Она изложена в его тематическом докладе по энергетической проблематике за 2022 год [9]. Цель глобальной дорожной карты – обеспечение продвижения коллективных действий. В ней предусматривается следующее: преодоление разрыва в доступе к источникам энергии; быстрый переход к декарбонизированным энергетическим системам; мобилизация адекватного и предсказуемого финансирования, а именно увеличение втрое объема глобальных инвестиций в ВИЭ и повышение уровня энергоэффективности; устранения цифрового разрыва в энергетическом секторе; укрепление международного сотрудничества для содействия передаче технологий развивающимся странам.

Более того, глобальная дорожная карта включает в себя в качестве практического руководства набор контрольных показателей на период 2025–2030 гг. В п. 6 доклада за 2022 год Генеральный секретарь ООН отметил острую необходимость в принятии повышенных обязательствах всеми заинтересованными сторонами в отношении перехода на «чистую» энергию и чистый нулевой баланс выбросов, что должно ограничить глобальное потепление в пределах 1,5 °С.

Далее перейдем к характеристике средств достижения ЦУР № 7 и решения соответствующих целевых задач.

1. *Существенное увеличение в кратчайшие сроки инвестиций в «чистую» энергию и объема финансирования этого сектора.* Вследствие этого открываются колоссальные возможности, и, чтобы воспользоваться ими должным образом, потребуются согласованные меры в области политики, государственное финансирование и частные инвестиции.

2. *Инновации.* Стимулирование инноваций при создании пакета проектов, новых технологий, наращивание потенциала и качественных данных. Вместе с тем замечено, что использование данной категории средств связано с серьезными и постоянными политическими, технологическими, финансовыми и социальными трудностями. В частности, имеющиеся технологии применяются недостаточно широко: около 50 % технологий, которые необходимы для достижения задачи нулевого выброса, находятся на ранних стадиях разработки и демонстрации.

3. *Осуществление договоров в области энергетики, которые являются ключевым средством, позволяющим трансформировать глобальную «дорожную карту» в конкретные действия и партнерства.* В 2022 году были зарегистрированы договоры с обязательствами на сумму более 600 млрд долл. Мобилизация добровольных обязательств всех заинтересованных сторон представляет собой эффективный инструмент для стимулирования целостных и инклюзивных действий, которые позволяют получать зримые результаты. Согласно статистике, отраженной на сайте указанной инициативы по энергетическим договорам, реализация предусмотренных в них обязательств содействовала улучшению доступа к электроэнергии для 129 млн человек и обеспечению доступа к экологически чистой энергии для приготовления пищи для 22 млн человек. В мае 2022 года произошло важное событие, а именно был дан старт функционированию Сети по договорам в области энергетики. Сеть, поддерживаемая Механизмом «ООН-энергетика», представляет собой многостороннюю структуру, объединяющую правительства, деловые круги и других участников, взявших на себя обязательства по договорам в области энергетики с целью мобилизации инвестиций, ресурсов и ноу-хау для обеспечения выполнения обязательств, принятых в рамках достижения ЦУР № 7. Сеть нацелена на мобилизацию усилий по заключению дополнительных договоров, соответствующих амбициям глобальной «дорожной карты». Механизмом «ООН-энергетика» создана онлайн-платформа для отслеживания выполнения обязательств по договорам в области энергетики.

4. *Укрепление слаженности и координации через Механизм «ООН-энергетика».* В мае 2022 года Механизм «ООН-энергетика» обнародовал план действий на период до 2025 года, коррелирующий глобальной дорожной карте ускоренного достижения ЦУР № 7. План ориентирован на обеспечение ясности, целенаправленности и ожидаемых результатов, которые позволят ему внести решающий вклад в ускорение действий по всему миру в поддержку осуществления Повестки-2030 и Парижского соглашения по климату.

5. *Проведение Десятилетия устойчивой энергетики для всех на 2014–2024 гг.* В соответствии с итогами Диалога на высоком уровне по вопросам энергетики Десятилетие устойчивой энергетики для всех Организации Объединенных Наций на 2014–2024 гг. продолжает оставаться уникальной глобальной платформой для провозглашения более смелых задач и принятия более решительных мер.

В свою очередь, глобальное подведение итогов после завершения Десятилетия призвано обеспечить уникальную возможность для дальнейшей активизации политических обязательств, усиления согласованных действий в поддержку достижения ЦУР № 7 и выполнения задач, поставленных в Парижском соглашении по климату.

б). *Развитие диалога.* В связи с тем, что ускорение темпов энергетического перехода предполагает следование принципам справедливости и равноправия, то весьма продуктивным представляется развитие диалога по энергетике в целях стимулирования дальнейших действий. В рамках подготовки обзора достижения ЦУР № 7 в Нью-Йорке было проведено совещание Глобальной группы экспертов (11–12 мая 2023 г.). Итогом совещания стала выработка основных рекомендаций в поддержку обзора прогресса в достижении ЦУР № 7 на основе последующей деятельности по итогам диалога на высоком уровне по вопросам энергетики и Десятилетия устойчивой энергетики.

Нельзя не обратить внимание на самые последние инициативы, предпринятые в преддверии 28-го совещания Конференции Сторон РКИК ООН/SOP28 (декабрь 2023 г.). На этом совещании было осуществлено первое глобальное подведение итогов Парижского соглашения в качестве отправной точки для формирования новой основы действий по борьбе с изменением климата, направленных на ускорение перехода к новой низкоуглеродной, высокоразвитой и устойчивой экономической модели. Соответственно, в рамках SOP28 обсуждались инициативы по аспектам таким парадигмам низкоуглеродного развития, как ускорение энергетического перехода и сокращение выбросов до 2030 года; преобразование финансирования борьбы с изменением климата путем выполнения прежних обещаний и создания основы для нового соглашения по финансированию и др.

Заметим, что в преддверии 28СОР Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (далее – ИРЕНА) совместно с Глобальным альянсом по возобновляемым источникам энергии представили совместный доклад «Утроение возобновляемой энергии и удвоение энергоэффективности к 2030 году», в котором были подведены итоги и сформулированы рекомендации по следующим направлениям: инфраструктура и эксплуатация систем; политика и регулирование; цепочка поставок, навыки и потенциал; расширение государственного и частного финансирования; расширение международного сотрудничества [10].

Если затрагивать предложения по расширению международного сотрудничества, то главным образом ИРЕНА предлагает укреплять

сотрудничество Север – Юг и Юг – Юг, чтобы максимизировать социальные и экономические выгоды от чистой индустриализации, с особым вниманием к мобилизации капитала посредством усовершенствованных механизмов финансирования энергетики и климата – от зеленых облигаций до существующих многосторонних банков развития. ИРЕНА не обошло стороной ключевое значение международного сотрудничества в области исследований и инноваций в области ВИЭ. В докладе было специальным образом подчеркнуто, что международное сотрудничество в этой сфере будет иметь важное значение для обеспечения того, чтобы наилучшие технологии и практики применялись бы не только на зрелых рынках ВИЭ, но и на пограничных рынках, например, экологически «чистых» производных водорода, что способно оказать положительное влияние на декарбонизацию.

В соответствии с рекомендациями ИРЕНА необходимо поощрять участие в платформах для обмена знаниями и опытом в области исследований в сфере ВИЭ, инноваций и передового опыта в различных областях политики, включая организацию аукционов и корпоративные закупки. Более того, делается вывод о том, что обмен технологиями и гармонизированные стандарты могут повысить устойчивость глобальной цепочки поставок возобновляемой энергии за счет достижения экономической эффективности, поддержки разработки лучших в своем классе активов и снижения барьеров на рынке.

Если затрагивать проблематику инвестиций в соответствующие технологии и инфраструктуру, то согласно существующей статистике глобальные инвестиции по секторам и технологиям достигли рекордного уровня в 1,3 триллиона долларов США в 2022 году. Тем не менее, ежегодные инвестиции, согласно ИРЕНА, должны увеличиться более чем в четыре раза, чтобы обеспечить удержание траектории повышения температуры на 1,5 °С. Данный вывод в очередной раз подтверждает значимость технологического фактора в реализации парадигмы низкоуглеродного развития, дальнейшая актуализация которого во многом зависит от решения смежных вопросов, в частности, финансирования НИОКР, экономической устойчивости, мер в сфере модернизации энергетического сектора и т.д.

Список использованных источников

1. ETTY Th., HEYVAERT V., CARLARNE C. *et al.* Energy transition in a transnational world // *Transnational Environmental Law*. 2021. Vol 10. Issue 2. P. 197–204.
2. Schwab J., Diaz N.C.C. The discursive blinkers of climate change: energy transition as a wicked problem // *The Extractive Industries and Society*. 2023. Vol. 15: 101319.
3. Sovacool K. Who are the victims of low-carbon transitions? Towards a political ecology of climate change mitigation // *Energy Research & Social Science*. 2021. Vol. 73: 101916.

4. Zue V. Setting up a Global system for sustainable energy governance // The geopolitics of the global energy transition / ed. by M. Hafner and S. Tagliapietra. Cham (Switzerland): Springer, 2020. P. 365–381.

5. Tracking SDG 7: The Energy Progress Report (2021). URL: <https://www.irena.org/publications/2021/Jun/Tracking-SDG-7-2021>.

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 77/170 от 14 декабря 2022 года «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» // A/RES/77/170 (28 декабря 2022). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/756/73/PDF/N2275673.pdf?OpenElement>.

7. High-Level Political Forum on Sustainable Development – 2023 (New York, 10–19 July 2023). URL: <https://council.science/ru/events/hlpf-2023/>.

8. Energy Compacts. URL: <https://www.un.org/en/energycompacts>.

9. Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. Доклад Генерального секретаря, п. 74–79 // A/77/211 (21 июля 2022 г.). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/584/34/PDF/N2258434.pdf?OpenElement>.

10. IRENA/GRA. Tripling renewable power and doubling energy efficiency by 2030. Crucial steps towards 1,5° C (2023). URL: <https://www.irena.org/Publications/2023/Oct/Tripling-renewable-power-and-doubling-energy-efficiency-by-2030>.

ВОПРОСЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Семейкин Антон Юрьевич,
директор Департамента
экономической безопасности в ТЭК
Министерства энергетики Российской Федерации,
действительный государственный советник
Российской Федерации 2 класса

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОМ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблем обеспечения энергетической безопасности в сфере топливно-энергетического комплекса. Автором рассмотрены угрозы незаконного вмешательства в данную сферу, методы повышения уровня готовности к функционированию в современных условиях. Детально анализируются: обеспечение безопасности, антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса и критической информационной инфраструктуры. Уделено внимание решению актуальных проблем и совершенствованию нормативно-правового регулирования. В завершение представлены проблемы правонарушений, таких как майнинг, вывод активов энергетических компаний за рубеж и другие.*

***Ключевые слова:** энергетическая безопасность, антитеррористическая защищенность, топливно-энергетический комплекс, противоправная деятельность в топливно-энергетическом комплексе.*

Современная геополитическая ситуация ставит перед государственными структурами новые вызовы, количество которых увеличивается в геометрической прогрессии, а характер меняется в зависимости от социальных треков. Специфика деятельности по обеспечению энергетической безопасности государства требует знаний, связанных с технологическими процессами на объекте, и умений быстро адаптироваться к новым угрозам, принимая своевременные решения. Начатая работа над проектом документа, а затем принятие закона от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [2] приобрели масштабное значение.

Анализ состояния безопасности на объектах топливно-энергетического комплекса свидетельствует о наличии угроз совершения актов незаконного вмешательства с использованием информационных технологий, беспилотных аппаратов, артиллерии, действий диверсионно-разведывательных групп на

территории страны. В Доктрине энергетической безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2019 № 216 [7], обозначены и четко структурированы потенциальные угрозы и вызовы. Они выделены основываясь на анализе и симбиозе основополагающих документов в сфере стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности: Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, Основ государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу. Комплексный характер возможных посягательств требует командной работы различных структур и выработки единой политики. В этих целях в Министерстве организована и проводится работа, направленная на повышение уровня готовности отраслей топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) к устойчивому функционированию в различных условиях. Совершенствования требуют области мобилизационной готовности, антитеррористической защищенности и информационной безопасности объектов топливно-энергетического комплекса.

Более пяти лет назад в Минэнерго создан Департамент экономической безопасности в топливно-энергетическом комплексе, который объединил в себе вышеназванный функционал в части компетенции Министерства, а также вопросы профилактики правонарушений в сфере топливно-энергетического комплекса, антикоррупции и ревизионной работы. За время работы структурное подразделение достигло определенных результатов. Его результаты представлены в анализе ниже.

Обеспечение безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК

Помимо постоянной работы по актуализации нормативной базы и анализу правоприменения, начиная с 2022 года, проводится работа по выработке и принятию дополнительных мер обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности на объектах топливно-энергетического комплекса. Работу по этому направлению ведется не только в соответствии с поручениями и плановыми документами Президента и Правительства России, решениями Совета Безопасности Российской Федерации, но и в инициативном порядке, а также консолидированно отрабатываются предложения компаний.

Одной из главных угроз являются атаки с использованием беспилотных аппаратов. Сложность решения данной проблемы заключается не только и даже не столько в выборе технических средств противодействия беспилотным аппаратам, сколько в недостаточном (для текущих реалий) регулировании полномочий по их применению. Структурированная система физической защиты своих объектов имеется не у всех компаний ТЭК. Правом противодействия беспилотным аппаратам изначально были наделены силовые ведомства и их структуры, потом ведомственные охраны, а принятым законом

от 04.08.2023 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] такое право было дано частным охранным предприятиям. Несмотря на работу с авторами этой законодательной инициативы, из круга охраняемых объектов такими частными охранными предприятиями выпали в последний момент объекты ТЭК.

Ведомственная охрана по закону от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [2] есть только у трёх организаций – Газпрома, Роснефти и Транснефти. Часть объектов – под охраной Росгвардии. А безопасность более 80 % объектов ТЭК в настоящее время обеспечивают частные охранные организации, в том числе «корпоративные». В целях устранения данного правового пробела в срочном порядке был инициирован вопрос внесения необходимых изменений в закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [2]. Данный документ имеет архиважное значение, поскольку является организационно-рамочным и может выступать основой для регламентации данной деятельности. Однако не урегулированными остаются вопросы – когда, как, в каких случаях и границах применять средства противодействия.

В законодательстве обозначены общие контуры: частные охранные предприятия по закону от 04.08.2023 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] – в целях защиты объекта, работников и третьих лиц на объекте, ведомственная охрана по закону от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране» [4] – в целях отражения нападения либо угрозы нападения. Возникает вопрос – как определять этот момент? Нужно ли установление границ воздушного пространства вокруг объектов в пределах которых будут запрещены полеты, а при нарушении этого запрета – применены средства пресечения функционирования беспилотников? Размеры этих границ? То есть с предоставлением права пресекать беспилотники возникает вопрос определения пространственных пределов этого права. «Сбивать» беспилотники или подавлять их системами радиоэлектронной борьбы над объектом уже поздно и может принести еще больший вред, значит необходимо определить расстояние за периметром объекта в пределах которого такие действия будут правомерными.

В целях решения данного вопроса Департамент экономической безопасности в ТЭК совместно с Минтрансом и Росавиацией:

1) организована и ведется прикладная работа по установлению запретных зон и зон ограничения полетов над объектами ТЭК (в Росавиацию на сегодняшний день направлена информация о согласовании по 765 объектам ТЭК);

2) прорабатывается альтернативный механизм, предусматривающий внесение в Федеральные правила использования воздушного пространства изменений, которыми будет установлен безусловный запрет полетов беспилотных воздушных судов над объектами ТЭК, которым присвоена категория опасности.

У компаний ТЭК на этот второй механизм пока различные точки зрения (*Транснефть/Лукойл*), а также по размерам границ (как вертикальных, так и горизонтальных) запретных для полетов зон – *по вертикали от 500 м до 2 км, по горизонтали от 600 м до 3 км (см. подробную справку)*. На повестке остаются системные вопросы – какой механизм будет более оперативный, какими будут порядок и критерии установления таких границ. Кроме того, остается открытым вопрос противоправного использования в таких зонах воздушных судов, не являющихся беспилотниками, но со схожими техническими и летными характеристиками (например, сверхмалой пилотируемой авиации).

В законе от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [2] есть такой особый правовой институт – «зоны безопасности» (вводился в отношении Керченских объектов – энергомота и газопровода), но из-за их подводного расположения общее понятие «зона безопасности объекта ТЭК» не включает в себя воздушное пространство. При этом у Правительства есть полномочия установить вокруг отдельных объектов такую зону, но, чтобы ее вводить для наземных объектов – надо также поправить указанный закон, расширив это понятие.

Возникла объективная потребность выработки новых типовых моделей угроз в части объектов ТЭК, предложений по перечню конкретных средств противодействия беспилотным аппаратам, а также взаимодействия с Минцифры в части использования полос радиочастот для подавления каналов навигации беспилотных летательных аппаратов. Кроме «тематических» изменений законодательства, Минэнерго проводит работу по совершенствованию требований безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК, а также порядка проведения категорирования объектов. С представителями Газпрома разработаны 2 проекта постановлений Правительства, которые по сути утверждают 3 взаимосвязанных документа: Требования обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности, Положение о категорировании, а также Перечень видов объектов, не подлежащих категорированию. В Требованиях разделили площадные и линейные объекты, исключили избыточные требования, расширили полномочия комиссии по категорированию, предусмотрели право субъекта ТЭК самостоятельно принимать решения о необходимости оборудования объекта отдельными видами инженерно-технических средств охраны и специальными техническими средствами противодействия беспилотным аппаратам, включили дополнительные меры безопасности объектов в случае введения Президентом на территории субъекта специального режима, пока предусмотрели при максимальном или среднем уровне реагирования (*например, усиление пропускного и внутриобъектового режимов, оборудование объекта конструкциями для защиты охраны от поражения оружием, укрытиями на случай обстрела объекта или атаки беспилотников, оборудование критических элементов пассивной защитой (установка бетонных блоков, габионов, защитных сеток и т.д.)*).

В Положении о категорировании:

- структурировали сроки процедур в рамках подготовки и проведения категорирования, убрали лишние стадии, упростили и сделали более четкой саму процедуру;
- установили обязанность субъектов ТЭК направлять информацию об объектах, подлежащих категорированию, в органы исполнительной власти субъектов;
- определили критерии категорирования и их показатели в целях присвоения объекту категории опасности, а также критерии отнесения и перечень видов объектов, не подлежащих категорированию.

Проект Требований направлен на согласование в федеральный орган исполнительной власти, а проект Положения в самое ближайшее время также поступит на согласование в заинтересованные органы государственной власти.

Первостепенными для субъектов ТЭК является:

- проведение актуализации субъектовых перечней объектов, подлежащих категорированию, и завершение категорирование всех объектов ТЭК, которые в них включены;
- актуализация паспортов безопасности объектов ТЭК и анализ угроз нападения на объект ТЭК с использованием беспилотных аппаратов (как воздушных, так и водных (включая подводные), наземных и подземных);
- построения модели нарушителя, исходя из указанной угрозы;
- принятие мер по приведению инженерно-технических средств охраны объектов в соответствии с требованиями законодательства, в случае если по каким-либо причинам есть несоответствия;
- с учетом степени угрозы и присвоенной категории опасности принятие мер по установке пассивной защиты критических элементов.

Обеспечение безопасности

объектов критической информационной инфраструктуры ТЭК

За последние годы количество кибератак на информационную инфраструктуру ТЭК постоянно растёт, особенно ощутимо это стало с началом специальной военной операции.

В этих условиях одним из ключевых направлений информационной безопасности ТЭК является поддержание устойчивого функционирования объектов критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ), вопросы безопасности которых регулируются Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [1] и соответствующими нормативными подзаконными актами, а также Указами Президента Российской Федерации от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической

информационной инфраструктуры Российской Федерации» [9] и от 01.05.2022 № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» [8]². Вместе с тем, понимая важность решения данных вопросов, а также учитывая задачи, стоящие перед Министерством как отраслевым регулятором, в целях координации обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры ТЭКа по инициативе Минэнерго России, создана соответствующая комиссия, в состав которой вошли представители ФСТЭК России, ФСБ России, Минцифры России, а также всех крупных компаний ТЭКа. С 2020 года регулярно проводятся отраслевые командно-штабные учения и кибертренировки, по результатам которых на базе ведомственного центра реализован «пилотный проект» по созданию отраслевого центра управления кибербезопасностью в ТЭК. В целях определения состояния информационной безопасности объектов ТЭК совместно с ФСТЭК России и ФСБ России проводятся мероприятия по оценке защищенности информационных ресурсов компаний ТЭК. Ведется активная работа по заключению с субъектами КИИ ТЭК, а также заинтересованными федеральными органами исполнительной власти соглашений о взаимодействии по вопросам обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и угроз информационной безопасности. Кроме того, совместно с компаниями ТЭК, которым выдано мобилизационное задание, совершенствуется деятельность по организации обеспечения информационной безопасности в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время. В рамках этой работы отрабатываются вопросы эффективности выполнения мобилизационных заданий в условиях проведения целенаправленных кибератак на их информационные ресурсы.

² Министерство как субъект КИИ реализовало требования указанного законодательства (проведено категорирование объектов КИИ, значимых объектов нет). Еще до выхода Указа Президента РФ № 250 от 1 мая 2022 г. был назначен заместитель Министра энергетики, ответственный за информационную безопасность, а также создан отдел обеспечения информационной безопасности и противодействия киберугрозам. Кроме того, в целях мониторинга информационной безопасности собственных информационных ресурсов, а также ресурсов подведомственных Минэнерго организаций, Министерством создан ведомственный центр информационной безопасности Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (ГосСОПКА). В настоящее время полномочия Минэнерго России, предусмотренные нормативно-правовыми актами в части решения вопросов безопасности КИИ ТЭК, весьма ограничены.

Полномочия Минэнерго: по согласованию с ФСТЭК России может устанавливать дополнительные требования по обеспечению безопасности значимых объектов КИИ ТЭК, содержащие особенности функционирования таких объектов; осуществлять мониторинг представления субъектами КИИ актуальных и достоверных сведений о результатах присвоения объекту КИИ одной из категорий значимости либо не присвоения категории; по согласованию с ФСТЭК России может формировать перечень типовых отраслевых объектов КИИ ТЭК.

Также ведется работа по совершенствованию нормативно-правовой базы в области обеспечения информационной безопасности объектов ТЭК. Совместно с АО «СО ЕЭС» и при участии ведущих компаний электроэнергетического комплекса разработаны требования по обеспечению безопасности значимых объектов КИИ при организации и осуществлении дистанционного управления технологическими режимами работы и эксплуатационным состоянием объектов электроэнергетики из диспетчерских центров субъекта оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике. Требования приказа предусматривают дополнительные организационные и технические мероприятия по обеспечению информационной безопасности значимых объектов КИИ при осуществлении дистанционного управления технологическими режимами работы и эксплуатационным состоянием объектов электроэнергетики из диспетчерских центров.

Профилактика правонарушений

Одним из основных направлений деятельности Департамента является профилактика правонарушений в сфере ТЭК, а также декриминализация этой важнейшей отрасли экономики. По указанному направлению работы Департамент осуществляет свою деятельность в рамках требований Федерального закона от 23.06.2016 № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3], в соответствии с которым Минэнерго России, как и иные федеральные органы исполнительной власти являются субъектами профилактики правонарушений. Помимо этого, в целях повышения эффективности указанной деятельности, в соответствии с поручением Правительства Российской Федерации в 2020 году на площадке Минэнерго России была образована рабочая группа по профилактике правонарушений в сфере экономической безопасности ТЭК³.

Деятельность в рамках рабочей группы дала положительные результаты. С нашей помощью было возбуждено ряд резонансных уголовных дел по факту совершения преступлений в сфере ТЭК, связанных с хищением денежных средств, принадлежащих крупным энергетическим предприятиям, хищением денежных средств из бюджетов различных уровней, а также их последующей

³ Основными задачами рабочей группы являются выработка и реализация комплекса скоординированных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений в сфере экономической безопасности в ТЭК, а также осуществление мониторинга состояния профилактики правонарушений в указанной сфере. В состав рабочей группы входят представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФСБ России, МВД России, Росфинмониторинга, ФНС России, ФССП России. К деятельности рабочей группы при необходимости привлекаются представители органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и крупных компаний ТЭК. Рабочая группа является «пилотным проектом», призванным консолидировать усилия правоохранительных органов и органов государственной власти в сфере обеспечения экономической безопасности ТЭК, направленные на пресечение противоправных действий в отрасли.

легализацией. Ряд уголовных дел направлены в суд. Расследование некоторых уголовных дел продолжается. Помимо этого, результаты деятельности рабочей группы способствуют формированию на территории Российской Федерации *правоприменительной практики*, способствующей выработке *правовых механизмов* по предотвращению противоправных действий, возмещению причиненного ущерба, а также *выработке предложений по совершенствованию действующего законодательства*. В этом находит своё отражение суть работы в сфере профилактики правонарушений в сфере ТЭК.

В результате эффективного межведомственного взаимодействия в рамках деятельности рабочей группы удалось обеспечить возмещение ущерба, причиненного в результате совершения противоправных действий бюджетам различного уровня, а также юридическим лицам на общую сумму *свыше 100 млрд. рублей*.

В рамках проводимой работы по профилактике правонарушений удалось определить ряд основных нарушений и направлений противоправной деятельности в ТЭК.

Среди них:

1. Противодействие исполнению распоряжений Президента Российской Федерации о консолидации территориальных сетевых организаций.

В настоящее время на территории субъектов Российской Федерации осуществляют свою деятельность ряд независимых территориальных сетевых организаций (далее - ТСО), зачастую аффилированными с местными властями или местными представителями бизнеса, преследующих лишь одну цель – побыстрее заработать и уйти с рынка, или сменить название и еще раз заработать. При этом интересы потребителей электроэнергии и государственные интересы, выраженные в обеспечении гарантированного электроснабжения, указанными организациями практически не учитываются. Электросетевое хозяйство, принадлежащее таким организациям, зачастую находится в плачевном состоянии, действенных мер по ремонту или замене старого оборудования не предпринимается. Денежные средства, получаемые от потребителей, зачастую выводятся на счета фирм-однодневок и обналичиваются, говоря простым языком – похищаются. Такая деятельность независимых ТСО причиняет ущерб крупным компаниям котлодержателям, которые не получают предназначенных им денежных средств.

В связи с изложенным Президентом Российской Федерации было принято решение о консолидации ТСО на базе крупной компании с государственным участием – ПАО «Россети». Однако во многих регионах мы наблюдаем активное противодействие исполнению указанного распоряжения со стороны представителей бизнеса и представителей местной власти, создающее реальную угрозу надлежащему энергоснабжению потребителей, расположенных на территории Российской Федерации. Так, в ряде регионов совершаются противоправные действия, направленные на создание искусственных условий для получения статуса ТСО местными

организациями, которые со временем накапливают существенную задолженность перед поставщиками ресурсов и банкротятся. Сетевые активы указанных ТСО в процессе контролируемой процедуры банкротства выкупаются по заниженной стоимости вновь созданными сетевыми организациями, аффилированными общим бенефициаром. Таким образом, весь имущественный комплекс обанкротившейся организации продолжает оставаться под контролем бенефициаров, а задолженность перед поставщиками ресурсов не погашается.

В целях противодействия указанным противоправным проявлениям в настоящее время в действующее законодательство вносятся необходимые изменения в части установления более жестких критериев для получения статуса ТСО, а также в части создания на территории субъектов Российской Федерации системообразующей ТСО.

Второй пример противоправных действий в указанном направлении: в ряде субъектов выявлены факты необоснованного установления местными регуляторами искусственно завышенного тарифа для ряда ТСО путем включения в тарифные решения необоснованных или неподтвержденных расходов, произведенных указанными ТСО. Указанные решения, принятые тарифным органом, позволяют ТСО получить дополнительную необоснованную прибыль. При этом, понимая, что в связи с ужесточением критериев, указанные ТСО не смогут сохранить свой статус в будущем, а также то, что их сетевые активы будут консолидированы, полученная прибыль выводится на счета сторонних организаций и впоследствии похищается.

Третий пример: в ряде субъектов выявлены случаи совершения диаметрально противоположных противоправных действий. В данном случае представители местных властей, действуя совместно с местными регуляторами, а зачастую и по сговору с представителями местного бизнеса, по надуманным основаниям отказывают в установлении тарифа сетевым организациям, в том числе находящимся в муниципальной собственности, что, в свою очередь, делает невозможным осуществление указанными организациями своей хозяйственной деятельности и влечет их последующее банкротство. После этого имущество указанных муниципальных унитарных предприятий, в том числе и электросетевой комплекс, приобретает заинтересованными лицами по низкой стоимости и используется в дальнейшем для извлечения прибыли.

Указанные противоправные действия влекут негативные последствия, выраженные как в отчуждении муниципальной собственности по заниженной стоимости, так и в создании угрозы надежному энергоснабжению потребителей.

В связи с изложенным для решения указанных проблем целесообразно усилить контроль за обоснованностью решений, принимаемых тарифными органами. В числе прочего, предлагается рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности за совершение должностными лицами тарифных органов умышленных противоправных действий при установлении тарифа

в виде отдельной специальной статьи Уголовного кодекса Российской Федерации⁴.

2. Неисполнение бытовыми организациями обязательств по оплате услуг по передаче электроэнергии перед сетевыми компаниями, а также обязательств перед генерирующими компаниями по оплате за произведенную электроэнергию.

В качестве примера можно привести резонансное уголовное дело в отношении бенефициарных владельцев и руководителей энергосбытовых компаний, входящих в корпоративную структуру АО «МРСЭН», которые действуя в составе организованного преступного сообщества в течении длительного периода времени совершали хищение денежных средств, полученных от потребителей электроэнергии, подлежащих перечислению в пользу дочерних структур ПАО «Россети» и иных организаций. В результате были похищены и легализованы денежные средства в размере свыше 16 млрд рублей, а в отношении сбытовых компаний, входивших в структуру АО «МРСЭН», была введена процедура банкротства.

Неисполнение гарантирующими поставщиками обязательств по оплате услуг по передаче электроэнергии перед сетевыми компаниями, а также обязательств перед генерирующими компаниями по оплате за произведенную электроэнергию, создали угрозу надлежащего энергоснабжения потребителей, в том числе социально значимых объектов, объектов экономики, а также объектов военно-промышленного комплекса. Помимо этого, совершение указанных противоправных действий влечет необоснованный рост тарифной нагрузки для конечных потребителей.

С учетом итогов расследования указанного уголовного дела в настоящее время формируется правоприменительная практика, способствующая выработке правовых механизмов по предотвращению мошеннических действий при осуществлении энергосбытовой деятельности, влекущих причинение ущерба генерирующим и сетевым компаниям, а также рост тарифной нагрузки на потребителей.

3. Противодействие реализации программы проведения социальной газификации.

С 2021 года во исполнение поручения Президента Российской Федерации на территории страны активно реализуется программа социальной газификации, суть которой заключается в подключении домовладений физических лиц к газораспределительным сетям с учетом строительства газопроводов до границ земельных участков без привлечения средств жителей в газифицированных населенных пунктах, в том числе осуществление фактического присоединения к газораспределительным сетям газоиспользующего оборудования, расположенного в домовладениях.

⁴ В настоящее время противоправные действия должностных лиц тарифных органов квалифицируются по статьям 285 («злоупотребление полномочиями»), 286 («превышение полномочий»), 290 («получение взятки»), 293 («халатность») или иным статьями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Соответствующие изменения были внесены в Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» [6] законом от 18.03.2023 № 71-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» и Жилищный кодекс Российской Федерации».

Реализация указанных мероприятий имеет важный социальный аспект, а также способствует повышению эффективности и развитию системы газоснабжения в стране. Однако в ряде регионов, в которых оператором газификации выступает не ПАО «Газпром», а региональные компании, выявлены факты противоправных действий со стороны представителей указанных компаний. Указанные действия выражены в незаконном взимании денежных средств с граждан за выполнение работ по газификации принадлежащих им домовладений (в частности, за подведение газопровода до территории их домовладений и фактическое присоединение газового оборудования, принадлежащего жителям, к сетям). Указанные факты не только существенно усложняют реализацию поручений Президента Российской Федерации, но и компрометируют решения руководства государства, связанные с реализацией указанной программы.

В настоящее время по фактам совершения вышеуказанных противоправных деяний возбуждено и расследуется ряд уголовных дел.

4. Вывод активов энергетических компаний за рубеж.

Вывод финансовых активов крупных энергетических компаний за рубеж, зачастую сопряженный с их хищением, противодействует исполнению поручений Президента Российской Федерации по деофшоризации отраслей экономики, в том числе и энергетики.

В настоящее время государством выработан и активно реализуется правовой механизм изъятия и обращения в доход государства денежных средств и активов, полученных чиновниками и коммерческими организациями в результате совершения противоправных действий, в том числе связанных с нарушением законодательства в сфере противодействия коррупции, и выведенных за рубеж. В качестве иллюстрации данной проблемы может быть следующий пример. Недавно, при участии Минэнерго России удалось вернуть из-за рубежа активы крупнейшей энергетической организации ПАО «ТГК-2», принадлежавшие бывшему сенатору, находящемуся в международном розыске. Указанные активы были приобретены им и выведены за рубеж в результате осуществления незаконной предпринимательской деятельности в нарушение запретов, установленных законом. По иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации судом указанные активы были арестованы и обращены в доход государства. Подача и удовлетворение указанного антикоррупционного иска позволило в кратчайшие сроки вернуть государству активы, которые оцениваются в десятки миллиардов рублей. Но самое главное, удалось предотвратить банкротство указанного предприятия и обеспечить стабильное энергоснабжение пяти регионов Российской Федерации. Таким образом,

создан положительный прецедент в правоприменительной практике, который позволит обращать в казну государства финансы и активы, в том числе и выведенных за рубеж, полученных с нарушениями действующего законодательства.

В настоящее время Департаментом обобщается опыт и результаты формирования практики предъявления органами прокуратуры антикоррупционных исков к государственным служащим, которые используя свой специальный статус, действуя в нарушение антикоррупционного законодательства, продолжают осуществлять предпринимательскую деятельность. Предметом указанных исков является обращение в казну государства имущества и доходов указанных лиц, порученных в нарушение установленных запретов. Информация, полученная Департаментом, активно используется органами прокуратуры для предъявления указанных исков.

5. Майнинг.

В настоящее время майнинг продолжает оставаться большой серой зоной, которая, к сожалению, до сих пор не имеет четкого нормативно-правового регулирования. Где-то это вполне законная регулируемая деятельность, где-то «майнеры» получают льготы на электрическую энергию, а где-то незаконно присоединяются к сетям, допуская безучетное потребление электроэнергии. Сейчас нарушители, осуществляющие свою деятельность в сфере майнинга, пошли еще дальше – они активно используют инфраструктуру федеральных, муниципальных, региональных органов, коммерческих организаций для незаконного выработки криптовалюты. В настоящее время «майнинг» оказывает значительное влияние на рост теневого сектора экономики в Российской Федерации. Помимо этого, осуществление майнинговой деятельности сопряжено с существенным потреблением электроэнергии, что, в свою очередь влечет дополнительную нагрузку на электросетевое оборудование и повышает угрозу аварийного отключения указанного оборудования.

Полученная посредством «майнинга» криптовалюта зачастую используется при совершении имущественных преступлений, выступает в качестве платежного средства для оплаты услуг криминального характера (например, при приобретении оружия, наркотических средств, поддельных документов, иных предметов), а также используется в качестве предмета незаконного вознаграждения (взятки). В отсутствие законодательно установленных запретов полученная путем «майнинга» криптовалюта используется для вывода денежных средств за пределы Российской Федерации с целью последующего обналичивания, что способствует незаконному оттоку капитала из различных секторов экономики за рубеж. Кроме того, в контексте обсуждения правовой квалификации «майнинга» открытыми остаются вопросы, связанные с генерацией электроэнергии и объектами электросетевого комплекса.

Сегодня мы регулярно отмечаем факт присутствия «майнинга» в тех субъектах Российской Федерации (Иркутская область, Республика Дагестан),

где отсутствуют достаточный резерв и пропускная способность объектов электросетевого комплекса, а также невысокие мощности генерации, что, конечно, не только сокращает возможности технологического присоединения к объектам электросетевого комплекса, но и является крайне серьезным фактором риска надлежащему функционированию государственного топливно-энергетического комплекса. С одной стороны, можно своевременно реагировать на складывающуюся конъюнктуру, воспользовавшись формулой «возник дефицит мощности – строим дополнительную генерацию или модернизируем объекты электросетевого хозяйства». С другой стороны, возникают и обоснованные вопросы.

Государство в рамках обеспечения надежного функционирования Единой энергетической системы регулярно осуществляет финансовые вливания в генерацию как в резерв надежности, но при этом такие экономические затраты нивелируются технологическими сбоями и ростом финансовой нагрузки потребителей, вызванными «майнингом», зачастую осуществляемым противоправно и незаконно.

В связи с этим возникает вопрос: Готовы ли представители «майнинг-сообщества» инвестировать в развитие электроэнергетического сектора топливно-энергетического комплекса?

Помимо указанного, важно отметить, что в настоящее время остается крайне актуальным вопрос об отсутствии достаточных оснований для налогообложения криптовалют как конечного продукта, полученного при реализации «майнинга», а также для налогообложения операций с криптовалютой. Одним из наиболее значимых оснований, напрямую касающихся указанной проблематики, являются, как было указано, отсутствие легальных законодательных рамок, определяющих квалификацию и специфику правового статуса и формирование правоприменительной практики.

В настоящее время «майнинг» не имеет сопоставимых аналогов, но при этом вопросы, связанные с его налогообложением, можно, абстрагируясь от криптовалюты, рассмотреть на следующем примере. Лицо выращивает и получает на своем участке, расположенном в границах определенного садоводческого некоммерческого товарищества, сельскохозяйственные культуры для собственных нужд, при этом, исходя из указанного контекста, конечный продукт, то есть сельскохозяйственные культуры на этапе их непосредственного выращивания и получения не будут облагаться налогом. При этом в случае, если лицом выращивание и получение сельскохозяйственных культур осуществляется для их последующей розничной или оптовой продажи, то доходы, извлеченные по итогам реализации такой деятельности, будут облагаться налогом на доходы физических лиц (исключая условия, отдельно предусматриваемые положениями п. 13 ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации).

Безусловно, технологическая сторона вопроса «майнинга» с последующим получением криптовалюты и процесса выращивания и получения сельскохозяйственных структур существенно разнится, но логика

происходящих процессов близка по смысловой нагрузке – получение конечного продукта через использование имеющихся ресурсов.

Исходя из указанного, сегодня возник вопрос о необходимости выработки согласованной правовой позиции (с детальным рассмотрением отдельных аспектов, касающихся порядка учета специфики операций, в числе которых порядок и момент определения доходов, оценка и стоимость криптовалюты для целей налогообложения, состав и порядок учета и подтверждения расходов и иные) для разрешения вопроса о налогообложении «майнинга» криптовалют.

Несмотря на положительные результаты деятельности Департамента в сфере профилактики правонарушений в ТЭК, следует сделать вывод о недостаточности нормативно-правового регулирования в указанной области и необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в сфере профилактики правонарушений. Регламентированные Федеральным законом от 23.06.2016 № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3] полномочия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления в области профилактики правонарушений имеют общий, и зачастую декларативный характер.

При этом, на наш взгляд, в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [3] отсутствуют достаточные правовые механизмы, которые позволили бы обеспечить эффективное выполнение вышеуказанными органами власти возложенных на них функций по профилактике.

В связи с изложенным возникла объективная необходимость совершенствования действующего законодательства в части расширения полномочий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления в сфере профилактики правонарушений с целью их более глубокого вовлечения в указанную деятельность и повышения ее эффективности.

Список использованных источников

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 12 июля 2017 г.: ред. от 10 июля 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31, ст. 4736 (Часть I).

2. О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 6 июля 2011 г.: ред. от 25 декабря 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30, ст. 4604 (Часть I).

3. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 10 июня 2016 г.: ред. от 23 июня 2016 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26, ст. 3851 (Часть I).

4. О ведомственной охране: Федеральный закон от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 17 марта 1999 г.: ред. от 25 декабря 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 16, ст. 1935.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 20 июля 2023 года: ред. от 4 августа 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 32, ст. 6172 (Часть I).

6. О газоснабжении в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 12 марта 1999 г.: ред. от 18 марта 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14, ст. 1667.

7. Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216: ред. от 13 мая 2019 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20, ст. 2421.

8. О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 мая 2022 г. № 250: ред. от 1 мая 2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 18, ст. 3058.

9. О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 г. № 166: ред. от 22 ноября 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14, ст. 2242.

Седова Жанна Игоревна,
заместитель генерального директора –
директор по правовым вопросам
и корпоративным отношениям
ПАО «ЭЛ5-Энерго»,
доцент кафедры международного права
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

***Аннотация.** Вопросы обеспечения безопасности топливно-энергетического комплекса являются частью охраны энергетического суверенитета Российской Федерации. Государство в настоящий момент разрабатывает меры по защите объектов ТЭК, которые требуют надлежащего закрепления в нормах права: специальных правовых режимов; публичных сервитутов; объема прав подразделений и (или) организаций войск национальной гвардии, ведомственной охраны субъекта ТЭК, частной охранной организации субъекта ТЭК и особенностей реализации ими прав в случае крайней необходимости, к которому относится необходимость пресечения функционирования несанкционированных беспилотных аппаратов на территории и акватории объектов ТЭК, а также в зонах безопасности объектов ТЭК. В статье рассматривается совершенствование законодательства РФ по данному вопросу.*

***Ключевые слова:** топливно-энергетический комплекс, безопасность, пресечение функционирования беспилотных аппаратов, случай крайней необходимости.*

Эксплуатация объекта топливно-энергетического комплекса (ТЭК) включает в себя реализацию комплекса мер, направленных на обеспечение его безопасности. Одной из мер является пресечение функционирования беспилотных аппаратов в зонах безопасности объектов ТЭК, которое может осуществляться только такими специализированными субъектами права, как подразделениями и (или) организациями, указанными в части 4 статьи 9 Федерального закона от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (далее – «Федеральный закон № 256-ФЗ»), – это подразделения и (или) организации войск национальной гвардии, ведомственная охрана субъекта ТЭК, частная охранная организация субъекта ТЭК (далее – «спецподразделения и спецорганизации»).

Пресечение функционирования несанкционированных беспилотных аппаратов (далее – «БПА») в акватории и воздушном пространстве объектов ТЭК сопряжено с рядом важных вопросов о правовом режиме земель,

на территории которых могли бы размещаться средства подавления БПА и имели бы право беспрепятственного прохода спецподразделения и спецорганизации. Подавление БПА должно осуществляться вне территорий объекта ТЭК, чтобы такое подавление было эффективным и не повредило имущество объекта ТЭК в связи с их особой опасностью, поэтому логично производить такое подавление БПА в зонах безопасности объектов ТЭК.

В настоящий момент рассматривается проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 12 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (далее – «законопроект»), которым предлагается:

1) Уточнить определение понятия «зоны безопасности объекта топливно-энергетического комплекса», которое дано в пункте 3.1 статьи 2 Федерального закона № 256-ФЗ: *«зона безопасности объекта топливно-энергетического комплекса – территория или акватория вокруг определяемого Правительством Российской Федерации отдельного объекта топливно-энергетического комплекса, в границах которой реализуются меры, направленные на обеспечение особого режима защиты такого объекта от актов незаконного вмешательства»*. Данное определение не содержит указание на то, что зона безопасности объекта ТЭК включает в себя еще воздушное пространство над территорией и акваторией объекта ТЭК.

2) Ввести в Федеральный закон № 256-ФЗ новую статью о пресечении функционирования БПА в целях обеспечения безопасности объектов ТЭК, согласно которой спецподразделения и спецорганизации получают право пресекать функционирование всех видов БПА (воздушных, подводных, наводных, транспортных и иных автоматизированных).

В связи с указанными предложениями законопроекта следует четко ответить на два вопроса: (1) как будет обеспечиваться беспрепятственное право пользование спецподразделениями и спецорганизациями зонами безопасности объектов ТЭК, которые представляют собой земельные участки, находящиеся в собственности третьих лиц, за пределами объектов ТЭК; (2) будет ли установлена ответственность спецподразделений и спецорганизаций за причинение вреда в связи с осуществлением ими пресечения функционирования БПА.

1. Установление публичного сервитута для пресечения функционирования беспилотных аппаратов

Учитывая, что зоны безопасности расположены за территорией и акваторией объектов ТЭК, то для размещения средств подавления БПА и для прохода спецподразделений и спецорганизаций на территории зон безопасности, земельные участки которых могут находиться в собственности третьих лиц, следует установить публичный сервитут.

Публичный сервитут устанавливается в соответствии с Земельным кодексом РФ. К правоотношениям, возникающим в связи с установлением,

осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, не применяются положения Гражданского кодекса РФ о сервитуте и положения главы V.3 «Установление сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности» Земельного кодекса РФ (п. 3 ст. 23 Земельного кодекса РФ). Пункт 5 статьи 23 Земельного кодекса РФ разрешает устанавливать публичный сервитут в отношении нескольких земельных участков и (или) земель.

Подпункт 8 пункта 4 статьи 23 Земельного кодекса РФ устанавливает, что публичный сервитут может устанавливаться для: *«... использования земельного участка в целях, предусмотренных статьей 39.37 Земельного кодекса РФ»*. Таким образом, необходимо подобрать из статьи 39.37 «Цели установления публичного сервитута» Земельного кодекса РФ именно ту цель, которая позволит размещать средства подавления БПА на земельных участках, образующих зоны безопасности объектов ТЭК, и иметь право прохода по таким земельным участкам, принадлежащим третьим лицам в зонах безопасности. Такой целью установления публичного сервитута согласно пункту 1 части 1 статьи 39.37 Земельного кодекса РФ является: *«... эксплуатация ... объектов электросетевого хозяйства, тепловых сетей, водопроводных сетей, сетей водоотведения, линий и сооружений связи, линейных объектов системы газоснабжения, нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, их неотъемлемых технологических частей, если указанные объекты являются объектами федерального, регионального или местного значения, либо необходимы для оказания услуг связи, организации электро-, газо-, тепло-, водоснабжения населения и водоотведения, подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения, либо переносятся в связи с изъятием земельных участков, на которых они ранее располагались, для государственных или муниципальных нужд (далее также - инженерные сооружения)»*.

Таким образом, для установления публичного сервитута в соответствии с целью эксплуатации объектов ТЭК (т.е. целью, установленной подпунктом 8 пункта 4 статьи 23 и пунктом 1 части 1 статьи 39.37 Земельного кодекса РФ), в новом законе важно указать на то, что пресечение функционирования БПА является частью эксплуатации объектов ТЭК, то есть направлено на обеспечение надлежащей и безопасной эксплуатации объектов ТЭК и поэтому является частью процесса эксплуатации объектов ТЭК.

Более того, согласно ч. 2 ст. 23 Земельного кодекса РФ сервитут может быть установлен решением исполнительного органа государственной власти в целях обеспечения государственных нужд, а также нужд местного населения без изъятия земельных участков (публичный сервитут), а в порядке ч. 4 ст. 39.39 Земельного кодекса РФ *«установление публичного сервитута осуществляется независимо от формы собственности на земельный участок»*. Очевидным является то, что пресечение функционирования БПА обеспечивает государственные нужды, так как направлено на защиту энергетического суверенитета Российской Федерации, обеспечивает надежное и бесперебойное энергоснабжение населения страны.

Следует обратить особое внимание на то, что в силу ч. 3 ст. 39.39 Земельного кодекса РФ установление публичного сервитута допускается только при условии обоснования необходимости его установления в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 39.41 Земельного кодекса РФ, которые посвящены ходатайству об установлении публичного сервитута и требованиям к обоснованию, являющемуся частью такого ходатайства. Таким образом, для того, чтобы исключить неясность того, требуется ли еще какое-либо обоснование и подача ходатайства на основании установления нормой законопроекта публичного сервитута, нужно в новый закон включить норму о том, что ни обоснование, ни ходатайство не требуются. Сама норма проекта закона будет являться таким обоснованием, в связи с чем будет обладать самодостаточностью и представлять собой решение уполномоченного органа об установлении публичного сервитута.

Таким образом, проект новой нормы в Федеральный закон № 256-ФЗ, устанавливающей публичный сервитут для надлежащего пресечения функционирования БПА спецподразделениями и спецорганизациями в зонах безопасности объектов ТЭК, предлагается изложить в следующей редакции:

«3. Эксплуатация объектов топливно-энергетического комплекса включает в себя пресечение функционирования беспилотных аппаратов в зонах безопасности объектов топливно-энергетического комплекса. Пресечение функционирования беспилотных аппаратов обеспечивает безопасность объектов топливно-энергетического комплекса в целях государственных нужд. Для пресечения функционирования беспилотных аппаратов (в том числе прохода или проезда через земельные участки и (или) земли, размещения средств, которыми осуществляется пресечение функционирования беспилотных аппаратов) настоящая статья устанавливает публичный сервитут в отношении земельных участков и (или) земель, входящих в зоны безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, независимо от формы собственности на земельные участки и (или) земли, в связи с чем не требуется дополнительное обоснование необходимости установления публичного сервитута и подача ходатайства об установлении публичного сервитута организациями, владеющими на праве собственности или ином законном основании объектами топливно-энергетического комплекса, а также подразделениями и (или) организациями, указанными в части 4 статьи 9 настоящего Федерального закона.

В рамках установленного настоящей статьей публичного сервитута правом прохода или проезда через земельные участки и (или) земли, входящие в зоны безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, и правом размещения средств, которыми осуществляется пресечение функционирования беспилотных аппаратов, на земельных участках и (или) землях, входящих в зоны безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, пользуются работники организаций, владеющих на праве собственности или ином законном основании объектами топливно-энергетического комплекса, а также работники подразделений и (или) организаций, указанных в части 4 статьи 9 настоящего Федерального закона».

Оформление сервитута – это также один из примеров случая крайней необходимости в праве. Сервитут, по мнению Е. Спириной, является исключительной мерой, применяемой только в случаях крайней необходимости [3, с. 42-44], когда не существует другого кратчайшего варианта прохода к объекту собственности или объекту общего пользования. «Случай крайней необходимости» следует отличать от «состояния крайней необходимости»: случай характеризуется исключительностью, но не обладает морально-нравственной характеристикой в отличие от состояния субъекта.

2. Реализация прав в случае крайней необходимости

В российском законодательстве крайняя необходимость является не только конвергенцией обстоятельств для достижения определенного состояния в поведении субъекта права, но и случаем исключительности реализации прав. В частности, Федеральный закон от 30.04.2021 № 107-ФЗ «О внесении изменения в статью 1360 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» предоставил Правительству РФ право **в случае крайней необходимости** разрешать использование изобретения без согласия патентообладателя в случае необходимости охраны жизни и здоровья граждан за соразмерную компенсацию и при условии последующего (в кратчайший срок) уведомления патентообладателя о таком разрешении. До внесения этого изменения в Гражданский кодекс РФ Правительство РФ имело право разрешать использование изобретения без согласия патентообладателя в интересах обороны и безопасности государства. Таким образом, данная поправка закона уточнила исключительное право использования государством объектов патентных прав без согласия патентообладателя только в случае крайней необходимости. Пределы такой крайней необходимости определяются потребностью в охране жизни и здоровья граждан [2, с. 58-62].

Вышерассмотренный пример реализации властной компетенции государственным органом демонстрирует возможность создания аналогичных специальных норм для реализации в случае крайней необходимости спецподразделениями и спецорганизациями прав в зонах безопасности объектов ТЭК. При этом случае крайней необходимости следует признать необходимость пресечения функционирования БПА.

Подразделения и (или) организации, указанные в части 4 статьи 9 Федерального закона «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», могли бы быть приравнены к правоохранительным органам, пожарным и иным спасательным организациям в части осуществления ими деятельности по пресечению функционирования БПА на территории, акватории и в воздушном пространстве объектов ТЭК, а также в зонах безопасности объектов ТЭК, так как причинение вреда правоохранительными органами, пожарными и иными спасательными организациями, чья деятельность сопряжена с риском и своим прямым назначением имеет

спасение жизни и здоровья людей, рассматривается как правомерное причинение вреда, если не доказано иное.

В процессе реализации спецподразделениями и спецорганизациями пресечения функционирования БПА можно говорить о презумпции правомерности причинения вреда. В частности, У. Зеленая отмечает, что «предъявлять претензии пожарным бессмысленно, их действия регламентированы состоянием крайней необходимости (ст. 22 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»). Даже если пострадавшая сторона посчитает, что действия пожарных были необоснованными, доказать это будет невозможно. Крайняя необходимость в данном случае подразумевает, что опасность при пожаре не могла быть устранена иными средствами» [1, с. 45-52].

Не случайно в 2021 году Федеральный закон от 01.07.2021 № 256-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» кроме понятий «оправданный риск» и «крайняя необходимость» вводит также термин «условия оправданного риска и (или) крайней необходимости», наличие которых презюмируется при проведении аварийно-спасательных работ. Таким образом, при проведении аварийно-спасательных работ и ликвидации чрезвычайных ситуаций не нужно доказывать состояние крайней необходимости, а единственное, что будет изучаться судом – это не было ли допущено превышение пределов крайней необходимости [2, с. 58-62]. Аналогичный правовой режим необходимо установить и для деятельности спецподразделений и спецорганизаций по пресечению функционирования БПА в зона безопасности объектов ТЭК.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы:

1. Необходимо уточнить, что пресечение функционирования БПА осуществляется как на территории и акватории самого объекта ТЭК, так и в зонах безопасности объектов ТЭК, которые должны включать в себя воздушное пространство.

2. Для размещения средств, которыми осуществляется пресечение функционирования БПА в зоне безопасности объекта ТЭК, необходимо установить публичный сервитут. Зона безопасности находится вокруг объекта ТЭК, то есть за его пределами, и земельные участки зон безопасности являются собственностью третьих лиц, поэтому публичный сервитут обеспечит спецподразделениям и спецорганизациям право прохода или проезда через земельные участки и (или) земли других собственников, а также право размещения средств, которыми осуществляется пресечение функционирования БПА.

3. Спецподразделения и спецорганизации должны освобождаться от ответственности на основании установления в законодательстве: (1) обстоятельств, исключающих такую ответственность, либо (2) создания специальных норм для реализации в случае крайней необходимости, к которому относится необходимость пресечения функционирования БПА,

спецподразделениями и спецорганизациями своих прав в зонах безопасности объектов ТЭК. К деятельности спецподразделений и спецорганизаций по пресечению функционирования БПА и ее последствиям должен применяться правовой режим, аналогичный деятельности аварийно-спасательных служб.

Список использованных источников

1. Зеленая У. Споры по пожарам с жильцами // Жилищное право. 2021. № 8. С. 45–52.
2. Седова Ж.И. Особенности квалификации поведения в праве: поведения в состоянии крайней необходимости и недобросовестного поведения // Закон и Власть. 2023. № 3. С. 58–62.
3. Спирина Е. Сервитут: основы, нюансы и практика // Расчет. 2019. № 7. С. 42–44.

Дзюба Анатолий Петрович,
старший научный сотрудник
кафедры экономики и финансов
Высшей школы экономики и управления,
Южно-Уральского государственного университета,
доктор экономических наук
(Челябинск, Россия)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию регулирования обеспечения надежности электроснабжения в системе современного энергетического права Российской Федерации. В материалах проводится исследование дефиниции терминов «надежность» и «надежность электроснабжения». Исследуются характеристики допустимых категорий надежности электроснабжения потребителей в Российской Федерации, регулируемых Правилами устройства электроустановок, а также допустимые параметры надежности для потребителей коммунальных услуг. На основе анализа современной нормативной базы приводятся условия, при которых энергоснабжающие организации получают право самостоятельного ограничения подачи электрической энергии потребителям. В завершении исследования автор приводит обоснования о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы регулирования деятельности по обеспечению надежности электроснабжения потребителей в Российской Федерации.

Ключевые слова: энергетическое право, надежность электроснабжения, качество электроэнергии, нормативное регулирование в электроэнергетике, регулирование в электроэнергетике.

В условиях влияния мировых санкций промышленность Российской Федерации действует в условиях внешних технологических вызовов, стимулирующих к модернизации производства, и повышению производительности труда и качества выпускаемой продукции. Действующие в России промышленные предприятия, как правило, имеют базу производственных фондов, которая была унаследована еще со времен СССР. При использовании физически и морально устаревшего оборудования отечественная промышленность все больше отстает от общемировых показателей эффективности производства, что определяет необходимость проведения масштабной модернизации основных фондов российских промышленных предприятий. Однако, производя постепенную замену основного технологического оборудования, промышленность сталкивается с

рядом серьезных проблем, в том числе связанных с возможностями эксплуатации нового оборудования. Одной из таких проблем является низкие показатели качества и надежности поставки электроэнергии от внешней сети электроснабжения. Описанию проблемы низкого качества электроэнергии и необходимости совершенствования нормативно-правовой базы в этой области автором посвящен ряд публикаций [1, 2]. При этом задача повышения надежности электроснабжения стоит на одном ряду с качеством электроэнергии и требует усовершенствования, прежде всего в плоскости нормативно-правового регулирования.

В соответствии с ГОСТ 27.002–89 «Надежность в технике. Основные понятия. Термины и определения» [3], под термином «надежность» принимается свойство объекта сохранять во времени в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях применения, технического обслуживания, хранения и транспортирования.

Согласно данным Энциклопедии техники [4], надежность – важнейший показатель качества любого изделия – прибора, механизма, машины или системы. Надёжность характеризует способность изделия нормально работать, сохраняя свои эксплуатационные показатели в определённых пределах, при заданных режимах и условиях использования, хранения и транспортирования. Надёжность – комплексный показатель качества, характеризуется безотказностью, долговечностью, сохраняемостью, ремонтпригодностью.

Следует отметить, что в термине, содержащемся в Энциклопедии техники, показатель надежности тесно связывается с показателем качества, что, по нашему мнению, свойственно и электроснабжению, однако, в отечественном законодательстве эти термины и области нормативно-правового регулирования разделяются.

Термин «надежность электроснабжения» не закреплен в отечественном законодательстве. В монографии В. Я. Хорольского [5] под надежностью электроснабжения понимается способность электрической системы обеспечивать присоединенных к ней потребителей электрической энергией заданного качества в любой интервал времени. При этом понятие надежности включает в себя как бесперебойность снабжения потребителей электроэнергией, так и ее качество – стабильность частоты и напряжения.

Низкие показатели надежности электроснабжения выражаются в частых нарушениях в ритмичности подачи электрической энергии из электрических сетей территориальных сетевых организаций.

Особенности технологических процессов всех электропотребляющих объектов выражается в непрерывном потреблении электрической энергии из электросети. В случае даже кратковременного нарушения подачи электрической энергии из электросети, работа электропотребляющего оборудования мгновенно прерывается.

Нарушение подачи электроэнергии потребителям может иметь за собой ряд серьезных последствий:

✓ Остановка работы оборудования и технологического процесса, в котором данное электропотребляющее оборудование участвует. Для восстановления ритмичной работы оборудования требуются временные затраты, как на запуск производственного цикла, так и на отладку технологических процессов [6];

✓ Остановка работы оборудования либо технологического процесса может сопровождаться производством бракованной продукции, а также порчей сырья в результате нарушения технологического процесса [7];

✓ Выход из строя (поломка) некоторых элементов и узлов участвующих в технологическом процессе, что потребует материальных и временных затрат на восстановление работы;

В любом случае внезапные нарушения в подаче электрической энергии нарушают обычный ритмичный режим работы предприятия, что также приводит к излишним материальным затратам и убыткам [8].

При этом в действующем отечественным законодательством регулируются перерывы в подаче электрической энергии.

В Правилах устройства электроустановок (ПУЭ) (утверждены Министерством энергетики Российской Федерации, приказ от 8 июля 2002 г. № 204) ПУЭ определяют три категории надежности электроснабжения потребителей электрической энергии, описание которых представлено в таблице 1 (ПУЭ, п. 1.2.18 – 1.2.21).

Несмотря на то, что ПУЭ регулируют допустимые периоды перерывов, периодичности таких перерывов не уделяется внимания. Постановлением Правительства РФ № 861 от 27.12.2004 г. «Об утверждении правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг...» регулируется суммарное допустимое число часов отключения в год лишь для электроприемников третьей категории надежности электроснабжения, которое составляет не более 24 часов подряд и 72 часов в год (п. 31(6) [9]).

Для электроприемников первой и второй категории надежности электроснабжения допустимое число часов отключения в год и сроки восстановления энергоснабжения определяются сторонами в договоре в зависимости от параметров схемы электроснабжения, но не могут быть более величин, предусмотренных для третьей категории надежности, а именно 72 часа в год. Однако данная норма имеет исключения, действующие в случаях, когда для производства ремонта объектов электросетевого хозяйства необходимы более длительные сроки, согласованные с Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору.

Также законодательство нормирует продолжительность отключения электрической энергии для потребителей коммунальных услуг (Постановление Правительства РФ № 354 от 06.05.2011 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов»).

Таблица 1

Характеристики категорий надежности электроснабжения потребителей, регулируемых ПУЭ

Номер	Описание	Требования энергоснабжения	Допустимые периоды перерывов
Первая	Устанавливается для электроприемников, перерыв электроснабжения которых может повлечь за собой опасность для жизни людей, угрозу для безопасности государства, значительный материальный ущерб, расстройство сложного технологического процесса, нарушение функционирования особо важных элементов коммунального хозяйства, объектов связи и телевидения	В нормальных режимах должны обеспечиваться электроэнергией от двух независимых взаимно резервирующих источников питания	Перерыв при нарушении электроснабжения от одного из источников питания может быть допущен лишь на время автоматического восстановления питания
Первая особая	Особая группа электроприемников, бесперебойная работа которых необходима для безаварийного останова производства с целью предотвращения угрозы жизни людей, взрывов и пожаров	Предусматривается дополнительное питание от третьего независимого взаимно резервирующего источника питания (в том числе от местных генераторов и систем бесперебойного питания)	
Вторая	Устанавливается для электроприемников, перерыв электроснабжения которых приводит к массовому недоотпуску продукции, массовым простоям рабочих, механизмов и промышленного транспорта, нарушению нормальной деятельности значительного количества городских и сельских жителей	От двух независимых взаимно резервирующих источников питания	Допустимы перерывы на время, необходимое для включения резервного питания действиями дежурного персонала или выездной оперативной бригады
Третья	Устанавливается для всех остальных электроприемников, не подпадающих под определения первой и второй категорий	От одного источника питания	Допустимые перерывы не превышают 1 суток

Для потребителей коммунальных услуг закреплено требование обеспечения электрической энергией бесперебойно и круглосуточно в течение года. При этом допустимая продолжительность перерыва электроснабжения для потребителей коммунальных услуг составляет два часа при наличии двух независимых взаимно резервирующих источников питания, при наличии одного источника питания – 24 часа.

При этом у энергоснабжающих (энергосбытовых) организаций существует право самостоятельного ограничения подачи электрической энергии потребителям.

Постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 утверждены «Правила полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии», которые регулируют следующий порядок для ограничения подачи электрической энергии:

- ✓ поступление требования судебного пристава о введении ограничения подачи электрической энергии;
- ✓ ненадлежащее исполнение обязательств по оплате электрической энергии;
- ✓ неисполнение условий договора, касающихся обеспечения работы релейной защиты, сетевой, противоаварийной и режимной автоматики, устройств компенсации реактивной мощности;
- ✓ нарушение характеристик технологического присоединения, в том числе превышения максимальной мощности;
- ✓ расторжение договора энергоснабжения (купли-продажи электроэнергии);
- ✓ бездоговорное потребление электрической энергии;
- ✓ ненадлежащее технологическое присоединение;
- ✓ поступление от потребителя заявки на введение ограничения;
- ✓ окончание действия временной схемы технологического присоединения;
- ✓ возникновение аварийных электрических режимов, либо угроза возникновения таковых.

Для потребителей коммунальных услуг Постановлением Правительства РФ № 354 предусмотрены следующие основания для ограничения или приостановления подачи электроэнергии без предварительного уведомления потребителя:

- ✓ возникновения или угрозы возникновения аварийной ситуации в централизованных сетях инженерно-технического обеспечения. Ограничение подачи вводится с момента появления угрозы возникновения такой ситуации;
- ✓ при возникновении стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций;
- ✓ выявления факта несанкционированного подключения внутриквартирного оборудования потребителя к внутридомовым инженерным системам или централизованным сетям инженерно-технического обеспечения;

✓ использования потребителем бытовых машин (приборов, оборудования), мощность подключения которых превышает максимально допустимые нагрузки;

✓ получения исполнителем предписания Ростехнадзора либо Роспотребнадзора.

Для потребителей коммунальных услуг ограничение либо приостановление подачи электроэнергии с предварительным уведомлением осуществляется в случаях:

✓ нарушения условий оплаты за электроэнергию (в сумме, превышающей величину 2-месячного платежа);

✓ проведения планово-профилактического ремонта сетей электроснабжения (уведомление не ранее чем за 10 рабочих дней);

В качестве санкций за нарушение показателей надежности электроснабжения законодатель предусматривает ряд норм ответственности.

В статье 7.23 Кодекса об административных правонарушениях «Нарушение нормативов обеспечения населения коммунальными услугами» предусматривается административная ответственность за нарушение нормативного уровня или режима обеспечения населения коммунальными услугами и наказывается штрафом.

При нарушении перерывов в электроснабжении потребителям коммунальных услуг за каждый час превышения, исчисленной суммарно за расчетный период, размер платы за коммунальную услугу снижается на 0,15 % размера платы [10]. Также за нарушение договорных обязательств по подаче электроэнергии поставщик несет ответственность, предусмотренную Гражданским кодексом РФ.

Представленный выше обзор нормативно-правовой базы в области регулирования надежности электроснабжения потребителей в России, подчеркивает, что современная нормативно-правовая база имеет ряд существенных недостатков, которые выражаются, во-первых, надежность электроснабжения зависит только от поставщиков электроэнергии, на которые потребители не могут оказывать влияния, во-вторых, современное законодательство дает энергетическим компаниям значительное количество маневров, позволяющих уйти от ответственности за низкую надежность электроснабжения (например, сказав, что перерыв в подаче электроэнергии был вызван существенной аварией), в-третьих, возможности потребителей электроэнергии взыскать убытки, вызванные недостаточной надежностью электроснабжения являются минимальными, т.к. законодатель также дает много возможностей для защиты интересов именно энергоснабжающих организаций. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования нормативно-правовой базы регулирования деятельности по обеспечению надежности электроснабжения потребителей в Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Дзюба А.П. Актуальность модернизации Российского законодательства в части обеспечения качества электрической энергии, отпускаемой промышленным потребителям / сб. мат. IV Международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития». – Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – С. 46-50.
2. Дзюба А.П. Исследование дефиниции понятия «качество электрической энергии» в современной системе права Российской Федерации / Актуальные вопросы общества, науки и образования. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2023. – С. 136-138.
3. ГОСТ 27.002–89. Надежность в технике. Основные понятия. Термины и определения. – Введ. 01.07.90. – М. : Гос. ком. СССР по управлению качеством продукции и стандартам : Изд-во стандартов, 1990. – 37 с.
4. Энциклопедия техники / [пер. с англ.: В. А. Жукова и др.]. – Москва : АСТ : Астрель, 2009. – 126 с.
5. Хорольский, В. Я. Надежность электроснабжения / В. Я. Хорольский, М. А. Таранов. – Ростов н/Д : Терра Принт, 2007. – 128 с.
6. Надежность электроснабжения потребителей агропромышленного комплекса : учеб. пособие / Т. В. Алферова, О. Ю. Пухальская, А. А. Алферов. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2017. – 112 с.
7. Анализ времени перерывов в электроснабжении сельских потребителей и методы его сокращения за счет мониторинга технического состояния линий электропередачи / Виноградов А.В., Васильев А.Н., Семенов А.Е., Синяков А.Н., Большев В.Е. // Вестник ВИЭСХ. – 2017. – № 2 (27). – С. 3-11.
8. Лесных А.В. Оценка ущерба и регулирование ответственности за перерывы в электроснабжении: зарубежный опыт / Лесных А.В., Лесных В.В. // Проблемы анализа риска. – 2005. – Т. 2. – № 1. – С. 33-49.
9. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 (ред. от 31.08.2023) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/>.
10. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 29.07.2023) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/>.

Табунщиков Андрей Тихонович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

**ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

***Аннотация.** Статья посвящена актуальным проблемам возмещения вреда, причиненного использованием энергетических станций. Показано становление и развитие нормативно правовой базы, регламентирующей исследуемую область общественных отношений в России и за рубежом. Обоснована необходимость внесения изменений в п. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса РФ.*

***Ключевые слова:** альтернативные источники энергии, альтернативная энергетика, возобновляемые источники энергии, вред, энергетические ресурсы, деликт, деликтное право, источник повышенной опасности, напряжение, нетрадиционная энергетика, объекты электроэнергетики, электричество, электрическая энергия, электрический ток, энергия, энергетика, энергетическое право, электроэнергетическая станция, энергоснабжение, электроэнергетическая установка.*

Основополагающей, базовой идеей Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г. является переход энергетического сектора на более высокий качественный уровень (к высокоэффективной, гибкой и устойчивой энергетике), реализация которой приведет к широко-масштабным изменениям – диверсификации энергетического сектора и переходу на более эффективную модель государственного управления (переформатированию как архитектуры, так и принципов государственного управления) [2, с. 25].

В настоящее время среди основных видов генерации электроэнергии ученые выделяют: гидро, тепловую, ядерную и альтернативные виды электроэнергетики [19, с. 75]. Производство (выработка) и передача электроэнергии традиционными источниками электрогенерации регламентируется положениями Федерального закона № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. [18]. В ст. 3 данного закона раскрывается содержание термина «объекты электроэнергетики», под которыми предлагается понимать - имущественные объекты, непосредственно

используемые в процессе производства, передачи электрической энергии, оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике и сбыта электрической энергии, в том числе объекты электросетевого хозяйства. Под сферу действия ФЗ «Об электроэнергетике» попали и объекты микрогенерации. В качестве таковых выступают объекты по производству электрической энергии, принадлежащие на праве собственности или ином законном основании потребителю электрической энергии, энергопринимающие устройства которого технологически присоединены к объектам электросетевого хозяйства с уровнем напряжения до 1000 вольт, функционирующие в том числе на основе использования возобновляемых источников энергии и используемые потребителем для производства электрической энергии в целях удовлетворения собственных бытовых и (или) производственных нужд, а также в целях продажи в порядке, установленном основными положениями функционирования розничных рынков, в случае, если объем выдачи электрической энергии такими объектами по производству электрической энергии в электрическую сеть не превышает величину максимальной присоединенной мощности энергопринимающих устройств указанного потребителя и составляет не более 15 киловатт и если для выдачи электрической энергии такого объекта в электрическую сеть не используется электрическое оборудование, предназначенное для обслуживания более одного помещения в здании, в том числе входящее в состав общего имущества многоквартирного дома.

Не оставил без внимания российский законодатель и возобновляемые источники энергии. Так, согласно ст. 3 ФЗ «Об электроэнергетике», таковыми признаются: энергия солнца, энергия ветра, энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках.

Наряду с ФЗ № 35, правовая регламентация использования альтернативных источников энергии в России осуществляется на основании еще нескольких подзаконных нормативных правовых актов: Постановления Правительства РФ № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» от 28 мая 2013 г. [14], Постановления Правительства РФ № 1145 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования

возобновляемых источников энергии» от 27 сентября 2018 г. [13]. Следует отметить, что все эти подзаконные нормативные правовые акты призваны регламентировать порядок стимулирования использования возобновляемых источников энергии, но не содержат даже элементарных базовых понятий, применяемых в данной отрасли. Нет в них и ни одной нормы, посвященной возмещению вреда, причиненного эксплуатацией таких источников. Достаточно прогрессивным в области гражданско-правового регулирования использования альтернативных источников энергии и возмещения вреда, причиненного их эксплуатацией видится нам законодательство Украины. Данную область общественных отношений в этой стране регламентирует Закон 555-IV «Об альтернативных источниках энергии» от 22 февраля 2003 г. [7]. В этом источнике, наряду с определением базовых терминов альтернативной энергетики, украинский законодатель в ст. 11 устанавливает порядок эксплуатации таких источников энергии. Так, например, эксплуатация данных источников энергии на объектах альтернативной энергетики Украины должна осуществляться в условиях: безопасного проведения работ, осуществления государственного надзора за режимами потребления энергии; энергетической безопасности, гарантирующей техническое и экономическое удовлетворение периодических, текущих и перспективных потребностей потребителей энергии; выполнения технологических требований по производству, аккумулированию, передаче, поставке и потреблению энергии; соблюдения единых государственных норм, правил и стандартов всеми субъектами отношений, связанных со строительством (созданием), эксплуатацией, выводом из эксплуатации объектов альтернативной энергетики, систем диспетчерского (оперативно-технологического) управления; соблюдением правил эксплуатации объектов альтернативной энергетики, регламентируемых нормативно-правовыми актами, обязательными для выполнения всеми субъектами предпринимательской деятельности. В качестве положительных черт украинского законодательства, регламентирующего использование возобновляемых источников, следует отметить наличие в нем норм, посвященных ответственности эксплуатантов таких источников энергии. Так, согласно ст. 14 Закона 555-IV «Об альтернативных источниках энергии», нарушение законодательства об использовании возобновляемых источников энергии влечет за собой ответственность согласно законам Украины. Следует отметить, что сходные положения об ответственности за нарушение законодательства в сфере использования возобновляемых источников энергии можно найти в ст. 28 Закона Республики Беларусь № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» от 27 декабря 2010 г. [6], а также в ст. 25 Закона Республики Узбекистан № ЗРУ-539 «Об использовании возобновляемых источников энергии» от 21 мая 2019 г. [7].

Следует отметить, что ни российское, ни зарубежное законодательство, за исключением нормативных правовых актов Республики Беларусь, Республики Узбекистан и Украины не содержит специальных норм,

посвященных ответственности эксплуатантов энергетических установок за причиненный ими вред.

Такой подход отечественного и иностранных законодателей к вопросам ответственности эксплуатантов объектов электроэнергетики может свидетельствовать только об одном – об уверенности в отсутствии вредоносности таковых. Такой подход находит свое обоснование и в специальной литературе. Так, например, Б.В. Ермоленко, Г.В. Ермоленко и М.А. Рыженков, исследуя проблемы взаимодействия ветроэнергетики и окружающей среды, основываются на мнении ВОЗ, согласно которому, нет никаких доказательств того, что шум ниже слухового порога вызывает какие-либо физиологические или психологические эффекты. Результаты исследований в Северной Америке трех английских ветроэнергетических станций показали: шум, производимый современными ветрогенераторами, не может привести к вредным последствиям для здоровья людей, проживающих рядом с ветропарком [5, с. 12]. Ученые указывали на то, что причиной негативного воздействия на здоровье (разного рода расстройства на нервной почве) мог стать сам человек из-за беспокойства, вызванного боязнью негативного влияния ВЭС [5, с. 12]. В итоге Б.В. Ермоленко, Г.В. Ермоленко и М.А. Рыженков пришли к выводу о том, что «на сегодняшний день, при тщательном учете и минимизации всех возможных факторов отрицательного воздействия ветроэнергетических станций на человека и окружающую среду на всех этапах их жизненного цикла, ветроэнергетика является одним из наиболее безопасных видов электрогенерации» [5, с. 19].

С такой позицией авторов вряд ли можно согласиться. В отечественной судебной практике можно встретить дела, в которых вредоносность объектов ветроэнергетики была доказана на основании заключения экспертов. Так, например, при рассмотрении дела по существу Ленинградским районным судом Калининграда по результатам рассмотрения обращения гр. К. с жалобой на повышенную опасность жизни и здоровью граждан, причинении вреда движимому и недвижимому имуществу от ветроэнергетической станции (ВЭС) 5,1 МВт, на основании результатов натуральных измерений шума (протокол ИЛЦ ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Калининградской области») было установлено, что уровни шума у домов СНТ на расстоянии 100 метров от ветроэнергетической турбины превышают предельно допустимые для дневного времени уровни на 3 дБа, для ночного времени – на 5–13 дБЛ, кроме того, лопасти турбин генерируют инфразвук, превышающий ПДУ на 2–4 дБЛин [16]. Таким образом, утверждение о том, что ветроэнергетика представляет собой один из наиболее безопасных видов электрогенерации, является в корне неверным. На наш взгляд, наиболее безопасным, с точки зрения возможности причинения вреда третьим лицам и окружающей среде, способом генерации электрической энергии выступает использование солнечной энергии. В настоящее время для получения

электричества и тепла используются следующие способы использования солнечной энергии: применение солнечных батарей в электростанциях; использование коллекторов, нагреваемых солнечными лучами, для использования разогретой воды в отоплении и электрогенераторах; термовоздушные электростанции, преобразующие солнечную энергию для раскручивания турбогенераторов; аэростатные солнечные электростанции. Но и этот, казалось бы, безопасный способ генерации электроэнергии не исключает вероятности причинения вреда жизни и здоровью гражданина, например, в результате поражения электрическим током. Не безопасна солнечная энергетика и для экологии. Как уверяют нас продавцы и производители солнечных панелей, таковые вырабатывают энергию без загрязнения окружающей среды и выброса вредных веществ, однако при этом не афишируются особенности производства фотоэлектрических элементов. Однако для производства солнечных панелей используются опасные химические элементы и вещества. Побочными продуктами такого производственного процесса выступают: мышьяк, хром, ртуть и др. Все это может нанести серьезный ущерб окружающей среде при неправильной эксплуатации и утилизации солнечных батарей. Следует отметить, что на данном этапе в России нет технологий для утилизации солнечных батарей и ветроэнергетических станций [10, с. 19]. Помимо этого, размещенные на больших площадях солнечные батареи могут влиять на климат, нарушая естественный температурный баланс.

Нельзя признать безвредным и использование установок в сфере малой гидроэнергетики. Следует обратить внимание на то, что определение малой ГЭС во всех странах различное. Например, в Испании, Португалии и Греции малыми считаются энергостанции до 10 Мвт., в Австрии, Германии и Польше – до 5 Мвт. В России к малой гидроэнергетике относят бесплотинные гидроэлектростанции (ГЭС), мощность которых не превышает 30 МВт, а мощность единичного гидроагрегата составляет менее 10 МВт. Проблемы развития малой гидроэнергетики в России кроются в отсутствии стратегии развития данной отрасли, административно-хозяйственных и финансовых проблемах на федеральном и региональном уровнях, отсутствии нормативной базы для проектирования и создания таких энергетических установок. Вредоносный результат от использования энергетических установок малой гидроэнергетики проявляется, как правило, в нарушении популяции ихтиофауны, илонаполнении, затоплении плодородных земель [4, с. 116].

Способны причинить вред жизни и здоровью, имуществу третьих лиц и окружающей природной среде энергоустановки, работающие на биогазе. Помимо этого, при сгорании биогаза, как и при сгорании природного газа, выделяются оксиды азота (NO, NO₂) и оксиды углерода (CO, CO₂). В некоторых случаях биогаз и природный газ могут содержать в своем составе сероводород [17, с. 244]. Биогаз, также как и природный газ, горюч и

взрывоопасен. При всех этих недостатках, по мнению отдельных исследователей, биогаз и природный газ являются одними из самых экологичных веществ, наносящими минимальный ущерб окружающей природной среде [12, с. 274].

Что касается вредности теплоэлектростанций, работающих на нефти и мазуте, то таковые наносят непоправимый ущерб, как окружающей природной среде, так и здоровью людей. Малые разливы нефтепродуктов на таких объектах никем не регистрируются, в лучшем случае снимается верхний нефтесодержащий грунт и вывозится, в худшем случае просто засыпается землей или песком. В связи с чем вблизи таких электростанций наблюдается загрязнение почвы и водоемов [1, с. 14].

Самый большой ущерб окружающей среде и здоровью человека по сравнению с другими источниками энергии наносит угольная энергетика [11, с. 54]. Как отмечают отдельные исследователи: «При сжигании угля в окружающую среду выбрасывается значительное количество вредных веществ - пыли, золы, сажи, оксидов серы (99% составляет сернистый ангидрид - SO_2), оксидов азота, угарного и углекислого газа (CO и CO_2), озона, токсических элементов (свинец, ртуть, мышьяк, селен, кремний, алюминий, германий, ванадий, марганец, фтор, хлор и др.), органических канцерогенов (полициклические ароматические углеводороды, в частности, 3,4-бензпирен, и др.), мутагенных и тератогенных веществ, радионуклидов и др. Атмосферные выбросы от угольных станций стали причиной так называемых кислотных дождей, которые губят растительность, почву, водоемы и здоровье людей. Так, к примеру, одна тепловая электростанция (ТЭС) мощностью 1000 МВт, работающая на угле с содержанием серы около 3,5%, несмотря на применение средств очистки, выбрасывает в год в атмосферу 140 тыс. тонн сернистого ангидрида, из которого образуется около 280 тыс. тонн серной кислоты. Ежегодный объем золошлаковых отходов ТЭС в СНГ в настоящее время превышает 120 млн тонн. С поверхностей золоотвалов ветер образует пыльные бури. При сжигании угля происходит и небольшое радиоактивное загрязнение окружающей среды, т.к. в нем содержатся радионуклиды (уран, торий, радий, полоний, свинец-210, калий-40 и др.). Подсчитано, что индивидуальные дозы облучения населения в районе ТЭС превышают дозы вблизи АЭС в 5-10 раз, хотя они и ничтожно малы, чтобы вызвать какие-нибудь значимые нарушения в состоянии здоровья. Мировой выброс урана и тория в результате сжигания угля составляет около 40 000 тонн ежегодно, а в России ТЭС на угле выбрасывают радионуклиды в количестве, превышающем 1000 тонн в год по урану» [17, с. 245-246].

Потенциально вредной может быть и деятельность объектов атомной энергетики. Как справедливо было отмечено по этому поводу в специальной литературе, «к основным недостаткам АЭС можно отнести риски возникновения радиационных аварий с негативными последствиями для здоровья населения и окружающей среды, нерешенные проблемы захоронения отходов ядерного топлива, которые также представляют опасность для

природы и человека, и очень продолжительный период вывода АЭС из эксплуатации, составляющий не менее всего срока эксплуатации АЭС, а именно – 30-60 лет, с большой стоимостью вывода – до 20% от стоимости строительства АЭС. К негативным проявлениям работы АЭС также относят и газоаэрозольные выбросы» [17, с. 249]. Следует отметить, что реально в мире произошло всего лишь три крупных аварии на АЭС: 1) АЭС Три-Майл-Айленд, 1979 год, США; 2) Чернобыльская АЭС, 1986 год, СССР; 3) АЭС «Фукусима-1», 2011 год, Япония.

В отечественной цивилистической науке все объекты электроэнергетики принято относить к категории источников повышенной опасности [9, с. 37], причинение вреда которыми регламентируется положениями ст. 1079 Гражданского кодекса РФ [3]. Пункт 1 данной статьи гласит о том, что: «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего». Как видим, отечественный законодатель признает источником повышенной опасности деятельность, связанную с использованием электрической энергии высокого напряжения без указания конкретных пороговых значений его вредоносности. Определиться с электрическими величинами, представляющими опасность для жизни и здоровья человека, нам помогут Правила устройства электроустановок (ПУЭ) [15]. Согласно п. 1.7.53. данного источника, защиту при косвенном прикосновении следует выполнять во всех случаях, если напряжение в электроустановке превышает 50 вольт переменного и 120 вольт постоянного тока. Полагаем, что именно этими пороговыми электрическими величинами необходимо руководствоваться при определении, относится ли та или иная деятельность, связанная с использованием электрических установок к источникам повышенной опасности или нет.

В этой связи считаем необходимым внести соответствующие изменения и дополнения в п. 1 ст. 1079 ГК РФ, после которых данный пункт должен будет приобрести следующий вид:

«1. Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения (если напряжение в электроустановке превышает 50 вольт переменного и 120 вольт постоянного тока), атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего». На наш взгляд,

такое нововведение, при наличии спорных ситуаций, позволит отечественному правоприменителю четко ответить на вопрос, относится ли та или иная деятельность, связанная с использованием объектов электроэнергетики к деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих или нет.

Список использованных источников

1. Балакирева С.В., Булатова Д.Р., Митрофанов Д.А. Особенности расчета экологического ущерба при локальном загрязнении почвы нефтепродуктами // Материалы II Международной научно-практической конференции: Проблемы обеспечения безопасности (Безопасность 2020). Уфа, 2020. С. 14.
2. Габов А.В., Черкесова Л.И. Энергетическая стратегия Российской Федерации как политико-правовой документ в сфере энергетики // Сборник материалов II международной научно-практической конференции: Энергетическое право: модели и тенденции развития / под ред. А.В. Габова. Белгород, 2021. С. 17-34.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (в ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу 12.09.2023) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Грустнов В.А. Некоторые правовые проблемы гидроэнергетики в Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики. 2022. № 1 (26). С. 116.
5. Ермоленко Б.В., Ермоленко Г.В., Рыженков М.А. Ветроэнергетика и окружающая среда // Энергия: экономика, техника, экология. Издательство Наука. 2011. № 8. С. 14.
6. Закон Республики Беларусь № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» от 27 декабря 2010 г. // Документ зарегистрирован в Национальном реестре правовых актов РБ 28 декабря 2010 г. № 2/175.
7. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-539 «Об использовании возобновляемых источников энергии» от 21 мая 2019 г. (Принят Законодательной палатой 16.04.2019, одобрен Сенатом 03.05.2019) // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2019. № 21. Ст. 382.
8. Закон Украины 555-IV «Об альтернативных источниках энергии» от 22 февраля 2003 г. // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). 2003. № 24. Ст. 155.
9. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966. С. 37.
10. Кукушкин С.Н., Балаханова Д.К. Особенности расчета себестоимости генерации «зеленой» энергии // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 1. № 5 (137). С. 103.
11. Кумратова, Ж. Р. Экологические проблемы, связанные со способами получения электроэнергии / Ж.Р. Кумратова, Г.С. Овсепян, К.А. Чебанов. Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 4-2. С. 54.

12. Литвиненко К.В. Оценка влияния газовой промышленности на прикладную экологию // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 7. С. 274.

13. Постановление Правительства РФ № 1145 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии» от 27 сентября 2018 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. № 41. Ст. 6241.

14. Постановление Правительства РФ № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» (вместе с «Правилами определения цены на мощность генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии») от 28 мая 2013 г. (ред. от 20.05.2022) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 23. Ст. 2909.

15. Правила устройства электроустановок (ПУЭ) // СПС КонсультантПлюс: Законодательство.

16. Решение Ленинградского районного суда Калининграда по делу № 2а-1496/16 от 21 марта 2016 г. // СПС КонсультантПлюс: Судебная практика.

17. Семененя И.Н. Мировая энергетика: экологические проблемы // Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции с международным участием: Радиационная и экологическая медицина / отв. ред. А. С. Александрович. Гродно, 2022. С. 237-300.

18. Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. (в ред. от 02.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

19. Хондошко Ю.В., Музыченко В.Е., Золотов Н.В. Современные способы получения электрической энергии // Вестник АмГУ. 2022. Выпуск 97. С. 75.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Беляева Ольга Александровна,
главный научный сотрудник Центра частного права,
заведующий кафедрой частноправовых дисциплин,
ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»,
доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКУПОК В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР

***Аннотация:** Автор анализирует трансформацию закупочной деятельности субъектов энергетики, обусловленную принятием Правительством Российской Федерации защитных мер в ответ на санкционную политику. В статье дается критическая оценка политике непубликуемых закупок, отмечается значительное число нерешенных вопросов, в первую очередь, неопределенность правового режима таких закупок и последствий его несоблюдения. Автор предлагает несколько путей оптимизации режима закупок подсанкционными заказчиками энергетики.*

***Ключевые слова:** субъекты энергетики, закупки, закрытые закупки, неконкурентные закупки, квазиконкурентные закупки, Единая информационная система, санкции, ограничительные меры, специализированная электронная площадка.*

Абсолютное большинство ограничительных мер (санкций) касаются возможности реализации интересов экономического характера и по сути являются инструментом конкурентной борьбы за мировое господство [1]. Российский правопорядок оперативно и эластично отреагировал на беспрецедентное санкционное давление: административное и уголовное право были перестроены на реабилитационный вектор, Правительство Российской Федерации запустило информационный навигатор антисанкционной поддержки бизнеса и граждан, появились особенности трудовых отношений на особых производственных объектах, введены особые режимы деятельности организаций (системообразующих, общественно значимых и проч.), функционирует платформа поддержки медицинской и фармацевтической отраслей и проч.

В бизнесе на первый план выходит новый формат комплаенса – антисанкционный. Юристам требуется оценивать риски работы с компаниями, находящимися под санкциями, определять правовые основы взаимодействия с зарубежными партнерами. При этом, как никогда раньше, необходимо и юридическое прогнозирование, заключающееся в умении предугадать будущие ограничительные меры, причем не только со стороны недружественных стран.

Энергетический сектор нашей экономики уже долгое время находится под санкционным натиском со стороны недружественных государств (распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р). Так, запрещены любые инвестиции (включая финансирование путем кредитов и займов), создание совместных предприятий, участие в юридическом лице любой юрисдикции, если оно ведет свою деятельность в энергетическом секторе России, строительство объектов и монтаж оборудования, которые используются в хозяйственной деятельности по выработке энергии (мощности). Кроме того, введены персональные санкции (запрет совершения сделок) в отношении отечественных энергетических компаний, а также лиц, их возглавляющих.

Безусловно, отрицательным влиянием санкций стало появление рисков, обусловленных спадом экономической активности. Ряд компаний, производящих или обслуживающих электроэнергетическое оборудование, покинули отечественный рынок. При этом произошло осознание российским энергетическим сектором необходимости защиты энергетического суверенитета Российской Федерации [2].

Очевидно, что международные санкции, направленные на разрушение долгосрочных экономических связей, оказывают существенное влияние на экономические аспекты развития отношений в области энергетических ресурсов [3].

В энергетической сфере распространено не обычное заключение договоров, а применение конкурентных процедур, что обусловлено спецификой деятельности субъектов энергетического рынка, которые зачастую являются «заказчиками» по смыслу п. 1 ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон о закупках) [4].

В 2022 году среди отечественных корпоративных заказчиков обособилась группа так называемых подсанкционных заказчиков в связи с принятием постановления Правительства Российской Федерации от 06.03.2022 № 301 «Об основаниях неразмещения в единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд сведений о закупках товаров, работ, услуг, информации о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми заключены договоры».

С того момента правовой режим «подсанкционных» заказчиков изменился кардинальным образом: на них наложена обязанность (не право!)

не размещать в Единой информационной системе (ЕИС) сведения о закупках и сведения о поставщиках. В практике это квалифицируется и как универсальный запрет размещения сведений в открытом доступе, что в целом следует признать верным (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2023 № 09АП-50584/2023 по делу № А40-36650/2023). Как следствие, инструментарий закупок автоматически сократился только до двух их видов: закрытые конкурентные закупки и неконкурентные закупки (письмо Минфина России от 14.03.2022 № 24-03-08/18813).

Непубликуемые закупки нельзя считать льготным режимом, скорее, это некие специальные правила. Однако за время, прошедшее с момента установления такого специального правового режима закупок, ясности с ним больше не стало. Более того, многие крупнейшие заказчики ратуют за его отмену, полагая, что это непропорциональная защитная мера. Почему?

Во-первых, точное количество подсанкционных заказчиков никому не известно, какого-либо учета компаний, попавших под санкции, нет. Заказчики вынуждены себя самоидентифицировать, проще говоря, изучать сайты финансовых ведомств недружественных стран, поскольку единый источник сведений о введенных санкциях и их адресатах в Российской Федерации отсутствует. Как быть в случае с секторальными санкциями, которые наложены на отечественную энергетику в целом? Если хозяйствующие субъекты персонально себя идентифицировать не могут, то у них нет достаточных оснований для перехода в особый правовой режим закупок (письмо Минфина России от 18.04.2022 № 24-01-09/34211). Представляется, что такой подход категорически неверен, ведь действие нормативного правового акта по кругу лиц не должно допускать разночтений. Не определены и правовые следствия ситуации ошибочной самоидентификации, например, заказчик не считает себя подсанкционным субъектом и реализует свою закупочную политику с размещением всех сведений в открытом доступе. Может ли он быть привлечен к ответственности и, если да, то к какой? Вероятно, нет. Ответственность за неразмещение того, что должно быть размещено, у нас есть (части 4, 5 статьи 7.32.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее – КоАП РФ), а вот обратная ситуация – размещение того, что не должно быть размещено, – не урегулирована. Квалификация сведений о закупках в качестве информации с ограниченным доступом для целей применения статьи 13.14 КоАП РФ невозможна, поскольку анализируемый особый правовой режим закупок введен не федеральным законом, а подзаконным актом высшего органа исполнительной власти. Таким образом, мы имеем дело с императивными нормами, соблюдение которых не простимулировано какими-либо мерами юридической ответственности, что вряд ли является правильным.

Во-вторых, неясно и само содержание понятий «санкции» и «ограничительные меры». Федеральные органы исполнительной власти уходят от ответа на данный вопрос, указывая, что все эти меры противоречат

международному праву и являются нелегитимными (письмо МИД России от 13.01.2023 № 373/дэс) или что содержание данных понятий не относится к существу закупок (письмо Минфина России от 16.12.2022 г. № 24-07-07/123675).

Представляется, что термины «санкции» и «ограничительные меры» – это калька с норм Федерального закона от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», однако и здесь камнем преткновения является отсутствие их легальной дефиниции. Поэтому следует полностью согласиться с А.В. Габовым в том, что в нашем законодательстве отсутствует общее понятие, которым можно было бы эти меры охватить. Отсутствует, кстати сказать, и полноценная система правовых средств (мер) противодействия санкциям, направленная на устранение или снижение негативных последствий ограничительных мер (санкций), пока находится в состоянии становления (формирования) [5]. Как раз релевантным примером неудачного и непоследовательного ответа на санкции видится нам режим закупок подсанкционных заказчиков.

Подытог: вновь имеет место отсутствие ясного алгоритма самоидентификации заказчиков, не только по персоналиям, но и относительно инструментария воздействия на их деятельность со стороны недружественных государств.

В-третьих, этот особый правовой режим вызвал всплеск интереса к так называемым квазиконкурентным закупкам. Хотя, как верно полагает контролирующий закупки орган власти, факт введения в отношении заказчика санкций и мер ограничительного характера со стороны недружественных государств не подразумевает, что конкурентные по своему содержанию способы закупок становятся неконкурентными (решение ФАС России от 21.08.2023 г. № 223ФЗ-320/23).

Как известно, закупки делятся на открытые и закрытые в зависимости от способа приглашения участников. Открытые – для всех желающих, закрытые – по персональным приглашениям. Закрытые закупки могут быть только конкурентными. Относительно неконкурентных закупок использование понятий «открытые» либо «закрытые» является безосновательным, поскольку в них никого не приглашают, а направляют проект договора как оферту конкретному лицу (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.02.2022 г. № Ф07-19495/2021 по делу № А56-105238/2020).

Ключевым показателем конкурентной закупки, по нашему убеждению, является наличие претендентов и сопоставление (сравнение) поданных ими заявок, сократив, можно обозначить квинтэссенцию конкурентной закупки одним словом – «сопоставление»; и это не тот набор характеристик данной процедуры, который дан в части 3 статьи 3 Закона о закупках. Однако отнесение того или иного способа закупки к числу конкурентных либо неконкурентных – прерогатива заказчика, из-за этого и сложилась ситуация, когда по сути конкурентные процедуры именуется «неконкурентными».

Поначалу мотивом такой маскировки было стремление заказчиков избежать соблюдения требований, установленных к конкурентным закупкам ст. 3 Закона о закупках в части описания объекта закупки, сроков проведения, возможности отказа, порядка заключения договора (см., например, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.06.2021 № Ф03-2013/2021 по делу № А51-6038/2020). Теперь же квазиконкурентные закупки пришлись ко двору и подсанкционным заказчикам. Причем палитра подобных замаскированных процедур является очень красочной: маркетинговые исследования (Группа Газпром, МОЭК, Сибирская генерирующая компания), состязательный отбор (Группа Русгидро), запрос цен по результатам предварительного отбора (Россети) и проч.

Причиной обращения подсанкционных заказчиков к таким процедурам являются объективные сложности применения закрытых процедур закупки. Так, закрытую процедуру можно провести исключительно в случаях, прямо перечисленных в части 1 статьи 3⁵ Закона о закупках; закрытая процедура может быть реализована в «бумажной» форме, но это, образно говоря, прошлый век; если же закрытая процедура проводится в электронном формате, то заказчик обязан воспользоваться услугами специализированной электронной площадки (часть 4 статьи 3⁵ Закона о закупках). Это задавало новый тренд для развития закрытых конкурентных закупок и увеличения числа специализированных электронных площадок, программное обеспечение которых функционирует без подключения к сети Интернет. Так, на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 23.11.2022 г. № 3574-р сейчас определены три специализированные площадки для проведения закрытых закупок: АСТ ГОЗ, ЭТП ГПБ и ООО ЭТП. По сути, формируется рынок такого рода услуг [6]. Однако идея введения особого правового режима закупок, первоначально продиктованная стремлением защитить поставщиков от так называемых вторичных санкций (мер по наказанию лиц за нарушение существующих режимов санкций или связей с подсанкционными странами или лицами, при которых нарушитель санкций де-факто уравнивается в правах с лицами, против которых введены изначальные рестрикции), породила набор проблем иного рода.

Так, среди закрытых закупок невозможен автоматический поиск тендеров с использованием разного рода агрегаторов информации; участникам требуется прохождение специальной процедуры аккредитации на каждой специализированной электронной площадке в отдельности; каждая площадка устанавливает тарифы для участия в процедурах; электронные площадки используют разное (несовместимое друг с другом) программное обеспечение, поэтому участнику закупки необходимо наличие обособленного рабочего места, не имеющего доступа к внешним сетям (компьютер с периферийными устройствами) для работы на каждой площадке; многие банки отказываются оформлять гарантии для закрытых закупок в принципе; расходы на участие в закрытых закупках стали отталкивающим фактором для субъектов малого и среднего предпринимательства и проч.

Наконец, режим закрытой информации о закупках не обеспечивается в должной степени, проще говоря, сведения, не размещаемые в ЕИС, транслируются на других интернет-ресурсах, например, в картотеке арбитражных дел; а также путем передачи информации контрагентам по договорам «второй руки». Вместе с тем увлечение квазиконкурентными закупками, по нашему мнению, в конечном итоге даст отрицательный результат: права и законные интересы участников таких закупок будут ущемлены, поскольку приглашая их состязаться, заказчик не связан никакими обязательствами.

Сценариев для разрешения вышеперечисленных вопросов нам представляется несколько:

1) «универсальный» – отрегулировать неясные ситуации (но предстоит тотальное погружение в бесконечную детализацию норм и создание новых правил);

2) «фрагментарный» – заменить обязанность подсанкционных заказчиков не контактировать с функционалом ЕИС на их право (проблемы сами по себе не разрешаются, но заказчик перестает с ними сталкиваться);

3) «радикальный» – отменить особый правовой режим закупок подсанкционных заказчиков (вернуть все на круги своя).

Именно третий сценарий для субъектов отечественного энергетического сектора представляется достаточно оптимальным на сегодняшний день.

Список использованных источников

1. Габов А.В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 3. С. 98.

2. Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов IV Международной научно-практической конференции) / А.В. Габов, Е.Е. Тонков, Р.Н. Шалайкин, Л.Д. Туршук // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 1. С. 222.

3. Энергетический переход как фактор влияния на энергетическое законодательство: обзор Международной научно-практической конференции, Москва, Институт государства и права Российской академии наук, 20 июня 2022 г. / А.В. Габов, С.Б. Зинковский, М.С. Лизикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26, № 4. С. 1010.

4. Беляева О.А. Уяснение конституционного смысла принципа договорной свободы при заключении договора на торгах в сфере энергетики // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / под. ред. А.В. Габова. Белгород, 2023. С. 92.

5. Габов А.В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18, № 3. С. 101-119.

6. Беляева О.А. Цифровая эволюция публичных закупок: новые горизонты // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 3. С. 76.

Зарубин Алексей Валентинович,
судья Двадцать первого
арбитражного апелляционного суда,
кандидат юридических наук, доцент
(Севастополь, Россия)

ФАКТИЧЕСКИ СЛОЖИВШИЕСЯ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

***Аннотация.** Рассматривая дела, связанные с энергоснабжением, суды нередко констатируют наличие «фактических договорных отношений». Наука гражданского права смотрит на это не всегда одобрительно, указывая, что, во-первых, институт «фактических договорных отношений» заимствован из немецкого права, которое давно и не обоснованно от него отказалось; во-вторых, теория «фактических договорных отношений» противоречит принципам современного права России. В результате исследования особенностей договора энергоснабжения, а также обзора научных точек зрения по рассматриваемому вопросу, в статье делаются следующие выводы: 1) «фактические договорные отношения энергоснабжения» не имеют ничего общего с одноименным институтом немецкого права; 2) в действительности суды имеют в виду случаи заключения ординарных договоров энергоснабжения путем совершения фактических действий.*

***Ключевые слова:** договор; поставка; энергоснабжение; фактические отношения; договорные отношения; заключение договора; исполнение договора; воля сторон.*

О «фактически сложившихся договорных отношениях» суды упоминают в делах о выполнении работ, об аренде, поставке и так далее, но более всего, как видно из практики Верховного Суда РФ, всё же в области энергоснабжения. В качестве примерного ориентира для определения «фактически сложившихся договорных отношений» возьмём теплоснабжение, применительно к которому Верховный Суд РФ указал: «...при условии надлежащего технологического присоединения объекта абонента к тепловой сети и внесения абонентом платы за тепловую энергию теплоснабжающей организации на основании указанных последней платежных реквизитов, отношения между теплоснабжающей организацией и абонентом могут быть квалифицированы как фактически сложившиеся договорные отношения...» (Обзор судебной практики по спорам об оплате неучтенного потребления воды, тепловой и электрической энергии, поставленной по присоединенной сети (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 декабря 2021 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3, март; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020)

(утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10, октябрь; и др.).

Частому упоминанию «фактических договорных отношений» в области энергоснабжения способствуют две причины: 1) преобладающее публичное регулирование; 2) такая характерная черта договора, как наличие присоединенной сети.

Преобладание в области энергоснабжения публичного регулирования приводит к тому, что на усмотрение сторон остаётся не так уж много вопросов. Так, публичными актами, как правило, устанавливается цена ресурса, периодичность платежей, ответственность за просрочку оплаты, разграничение балансовой принадлежности сетей, обязанность по установке приборов учёта, его поверке и так далее. В общем, сторонам не обязательно скрупулезно прописывать взаимные права и обязанности в отдельном документе, достаточно их взаимной воли на заключение договора энергоснабжения в принципе. Другая особенность энергоснабжения состоит в том, что договорные отношения между сторонами могут сложиться только при наличии определенной технической предпосылки: присоединению энергопотребляющих установок потребителя к сети поставщика (пункт 2 статьи 539 ГК РФ). Поэтому суды часто идут «от обратного», полагая, что раз есть присоединение к сети, то стороны, скорее всего, состоят в договорных отношениях.

Итак, отношения энергоснабжения стали благодатной почвой для внедрения категории «фактические договорные отношения», потому что, во-первых, для регулирования взаимных отношений поставщика и потребителя достаточно констатации факта заключения договора; во-вторых, договорные отношения энергоснабжения имеют достаточно выраженный внешний признак: подключение энергопотребляющих установок к сети поставщика. Впрочем, судебная практика настаивает на том, что для признания фактических договорных отношений требуются ещё и взаимные действия по оплате (поставщик должен выставить счета, а потребитель – оплачивать их).

И вот, казалось бы, такое нужное и прочно вошедшее в практику новшество под названием «фактические договорные отношения» неожиданно столкнулось если не с противодействием, то уж точно с неполным пониманием научной общественности.

Во-первых, отмечают ученые, всё новое – хорошо забытое старое. Почти сто лет назад – в начале 30-х годов XX в. немецкий пилот без предварительного согласования совершил посадку на частную взлетно-посадочную полосу. В свою очередь, собственник аэродрома выдвинул пилоту требование об оплате, которое обычно предъявляют заказчикам услуг по использованию взлетно-посадочной полосы. Разрешая спор, суд пришёл к выводу, что стороны не выразили прямой воли на заключение договора, но совершили молчаливые действия, которые свидетельствуют о вступлении в договорные отношения, а потому плата должна быть взыскана [7, с. 59-98]. Этот казус был положен в основу института немецкого права под названием: «фактические договорные отношения».

Во-вторых, в литературе отмечается, что фактические договорные отношения не прижились в немецком праве и, по всей видимости, не имеют перспектив в российском праве в силу ряда причин, главная из которых – невозможность существования договорных отношений помимо воли участников. Возможно, что здесь имеются в виду какие-то другие, но точно не договорные отношения.

К примеру, существует точка зрения, что констатация фактических договорных отношений – насилие над стороной, поскольку ей, вследствие собственных неосторожных действий, приписывается волеизъявление даже в том случае, если она прямо отрицает желание заключить договор [4]. Высказывается мнение, что фактические договорные отношения – вовсе не договорные; основанием возникновения правоотношения здесь выступают согласованные действия, которые вполне правомерны, а потому нуждаются в защите [1, с. 63-66]. Сродни ему точка зрения о том, что фактические договорные отношения самостоятельны и должны именоваться «квазидоговорными» [3, с. 23-27]. Встречается и такое суждение: с одной стороны, фактические договорные отношения лишены воли, поэтому, строго говоря, не являются договорными; с другой стороны, подобного рода отношения объективно складываются и нуждаются в регулировании, поэтому следует прибегать к процедуре «толкования воли», отыскивая её в действиях сторон [7, с. 59-98].

Справедливости ради отметим, что часть цивилистов все же считают «фактические договорные отношения» – в чистом виде договорными. Например, нам встретилось утверждение, что фактические договорные отношения складываются по воле сторон, которая может выражаться не только в едином документе, но и действиях сторон, поэтому речь здесь идёт о самых обычных договорных отношениях [6, с. 330-348]. Считается также, что фактические договорные отношения – вполне себе договорные, но с одной особенностью – в них стороны вступают посредством встречных предоставлений [2, с. 127-131; 8, с. 43-47]. Наконец, высказывается мысль, что так называемые договорные отношения – действия сторон договора, устраняющие пороки соглашения (договора), в первую очередь – пороки формы [5].

Полагаем, что причиной разлада между практиками и теоретиками, а также теоретиков между собой стала довольно распространённая логическая ошибка – сравнение несравнимых понятий (*notiones disparatae*). Дело в том, что «фактические договорные отношения» в том смысле, в каком их понимало германское гражданское право, по крайней мере, если взять случай с пилотом и аэродромом, в нашей действительности были бы квалифицированы, как неосновательное обогащение в форме сбережения. В качестве примера здесь можно привести определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05 апреля 2022 г. по делу № 305-ЭС21-21139 по делу № А40-117928/2020. В нём указано, что пользование ответчиком услугами по предоставлению причалов – инфраструктуры

морского порта для стоянки судна влечёт обязательство из неосновательного обогащения (статьи 1102, 1105 Гражданского кодекса Российской Федерации).

То, что современная практика называет «фактическими договорными отношениями», на самом деле представляют собой самые обычные договорные отношения, в которые стороны вступают не путем подписания единого документа, а посредством совершения взаимных действий. Именно по этой причине судебные акты, констатировавшие «фактические договорные отношения», в том числе в области энергоснабжения, содержат ссылку на п. 3 ст. 432 ГК РФ (постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18 апреля 2022 г. № Ф10-6967/2021 по делу № А48-3359/2020), который говорит о том, что сторона принявшая исполнение по договору не вправе требовать признания его незаключенным; а также на п. 3 ст. 438 ГК РФ (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апреля 2022 г. № Ф07-3722/2022 по делу № А56-9242/2021), в котором указано, что акцепт может быть выражен в действиях по исполнению оферты. Таким образом, исследуемые нами отношения скорее можно именовать договорными отношениями, возникшими вследствие действий сторон.

Что же касается вопросов о том, могут ли договорные отношения существовать помимо воли сторон и можно ли разглядеть в действиях сторон волю на заключение договора, то ответ на них мы дадим на примере энергоснабжения.

Договор – соглашение сторон, то есть акт волевой (п. 1 ст. 420 ГК РФ). Закон предъявляет внешнему изъявлению воли, направленной на заключение договора, ряд требований (статьи 160-162 ГК РФ), но в конечном итоге подлинная воля может взять верх над формализованными требованиями к её внешнему проявлению. К примеру, если стороны не облекли волю в форму документа, подписанного ими, но проявили её в действии, очевидно свидетельствующем о желании вступить в договор, закон, видимо полагая, что подлинная воля важнее формальностей, предлагает считать, что договор всё же состоялся (п. 3 ст. 432, п. 3 ст. 438 ГК РФ).

Чтобы договор считался заключенным, необходимо согласование воли по всем его существенным условиям (п. 1 ст. 432 ГК РФ). К существенным условиям договора энергоснабжения мы бы отнесли лишь точку поставки (п. 2 ст. 539 ГК РФ). Ранее судебная практика настаивала на том, что количество энергии – это тоже существенное условие (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 17 февраля 1998 г. № 30 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором энергоснабжения»), но сейчас это требование не выдвигается. Итак, чтобы договор энергоснабжения считался заключенным, стороны должны договориться о том, в каком месте будет поставляться энергия.

Обзор ВС РФ по неучтенному потреблению добавляет еще одно условие: потребитель должен вносить плату по предоставленным энергоснабжающей организацией реквизитам. По нашему мнению, данное условие введено не для того, чтобы указать на размер платы или объем ресурса

как существенные условия договора, а для того, чтобы отделить фактические договорные отношения от внедоговорных.

В итоге, по крайней мере применительно к договору энергоснабжения, мы имеем вполне привычную, нормативно обоснованную и успешно работающую конструкцию, в которой есть и подлинная воля сторон, о которой мы судим по технологическому присоединению, выставлению счетов и их оплате; и её достаточность для вывода о согласовании существенных условий.

Итак, «фактические договорные отношения» по-разному понимаются практикой и юридической наукой. Судьи видят здесь договорные отношения, в которые стороны вступили путём совершения фактических действий (п. 3 ст. 432, п. 3 ст. 438 ГК РФ), учёные – институт немецкого права, который в отдельных случаях допускает вменение договорных отношений помимо прямого изъявления воли одного из участников. Во избежание конфликтов можно было бы уступить науке, впредь не упоминая этот термин в судебных актах и ограничиваясь ссылками на п. 3 ст. 432, п. 3 ст. 438 ГК РФ.

Список использованных источников

1. Зейналова Р.А. К вопросу о значении фактических отношений контрагентов в аспекте признания договора незаключенным // Юридический мир. 2016. № 10. С. 63-66.

2. Кожевина Е.В. Фактические договорные отношения // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 127-131.

3. Кононкова Н.В., Швец А.В. Договорные и внедоговорные обязательства в ГК КНР и ГК РФ: сравнительно-правовое исследование // Юрист. 2022. № 4. С. 23-27.

4. Материалы к изучению совершения сделок через цифровые платформы: Германия // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 211-248.

5. Стенограмма Научной конференции «Генезис и развитие российского договорного права», приуроченной к 80-летию со дня рождения С.А. Хохлова // СПС «Консультант Плюс».

6. Чеговадзе Л.А. Договор как нормоустановительный источник частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 330-348.

7. Щепин Д.С. Теория фактических договорных отношений: история становления и критика // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 59-98.

8. Луценко С.И. Договорные отношения и неосновательное обогащение: дифференциация правовых категорий // Современное право. 2018. № 9. С. 43-47.

Туршук Людмила Дмитриевна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы правового регулирования отношений энергоснабжения. Прежде всего, анализируется дискуссия об энергии как объекте гражданского права. Также рассматривается другой дискуссионный вопрос об отношениях, регулируемых договором энергоснабжения и о его предмете. В результате делается вывод, что правовые нормы § 6 главы 30 Гражданского кодекса Российской Федерации практически не применяются, поскольку отношения снабжения электрической энергией и тепловой энергией регулируются специальным законодательством (ФЗ «Об электроэнергетике» и ФЗ «О теплоснабжении»). Договоры в этих сферах существенно отличаются от конструкции, предусмотренной ГК РФ. Таким образом, назрела существенная необходимость совершенствования гражданского законодательства, приведения его в соответствие со сложившимися в реальности отношениями энергоснабжения.*

***Ключевые слова:** договор энергоснабжения, энергия, электроэнергия, тепловая энергия, теплоснабжение, гражданское законодательство.*

Прежде чем перейти к рассмотрению проблем правового регулирования договора энергоснабжения, проанализируем основные дискуссионные вопросы в данной сфере, поскольку неопределенность в юридической науке всегда отражается в законодательстве и правоприменительной практике.

Основной дискуссионный вопрос о правовой природе энергии, может ли она выступать объектом гражданского права в целом и объектом права собственности в частности. Можно выделить следующие позиции авторов.

Первая точка зрения впервые сформулирована С.М. Корнеевым: «энергия, в отличие от вещей, представляет собой определенное свойство материи – способность производить полезную работу, обеспечивать выполнение различных технологических операций, создавать необходимые условия для предпринимательской и любой иной деятельности» [1, с. 118].

Другая позиция: «электрическая энергия не является ни правом, ни вещью, следовательно, по договору на электроснабжение электростанция обязуется совершить работу, необходимую для доставления потребителю энергии, а не передавать последнему какое-либо имущество» [2, с. 13].

Третья точка зрения – энергия признается вещью, определенной родовыми признаками (большинство авторов). Так, И.В. Елисеев говорит, что «вещи – суть материальные предметы внешнего по отношению к человеку окружающего мира. С точки зрения действующего законодательства вещами признаются не только традиционные предметы быта, средства производства и т.п., но и различные виды подвластной человеку энергии (например, тепловой, электрической, атомной и т.п.)» [3, с. 219].

Законодатель дает следующие определения: «тепловая энергия – энергетический ресурс, при потреблении которого изменяются термодинамические параметры теплоносителей (температура, давление)» [4]; «энергия – продукция, являющаяся средством труда для выполнения работы, оказания услуги или предметом труда для выработки энергии другого вида» [5]. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» не содержит определения электрической энергии, что, конечно же, является упущением, но называет электроэнергию особым товаром [6]. Таким образом, законодатель относит энергию к объектам гражданского права, выступающую при этом предметом договора купли-продажи.

Гражданский кодекс Российской Федерации определил, что отношения по передаче энергии опосредуются договором энергоснабжения, при этом выделил договор энергоснабжения в качестве разновидности договора купли-продажи, предусмотрев правовые нормы, регулирующие отношения энергоснабжения в § 6 главы 30 [7]. Согласно пункту 1 статьи 539 ГК «по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии». При этом в Гражданском кодексе предусмотрен приоритет специального энергетического законодательства перед нормами параграфа 6 главы 30 ГК.

Если же мы обратимся к специальному энергетическому законодательству, то увидим, что в отношении энергии заключаются не только различные виды договоров купли-продажи, в том числе и договор энергоснабжения, но и договоры об оказании услуг по передаче энергии и других услуг, а также смешанный договор [6]. При этом даже договор энергоснабжения значительно отличается от одноименного договора, предусмотренного Гражданским кодексом.

Так, согласно п. 28 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии «по договору энергоснабжения гарантирующий поставщик обязуется осуществлять продажу электрической энергии (мощности), а также самостоятельно или через привлеченных третьих лиц оказывать услуги по передаче электрической энергии и услуги, оказание которых является неотъемлемой частью процесса поставки электрической

энергии потребителям, а потребитель (покупатель) обязуется оплачивать приобретаемую электрическую энергию (мощность) и оказанные услуги» [8]. То есть фактически это смешанный договор, поскольку включает в себя и куплю-продажу, и возмездное оказание услуг.

Взаимосвязь купли-продажи с возмездным оказанием услуг по передаче энергии в договоре энергоснабжения объясняется особенностями энергии. Она характеризуется такими специфическими свойствами, как бестелесная материальная природа, непрерывность процесса производства энергии и его неразрывная связь с ее транспортировкой и потреблением, невозможность накопления в значительном количестве и хранения [9, с. 11]. Такая особенность энергии обусловила практическую необходимость заключения, в соответствии с энергетическим законодательством, в отношении энергии не только различных видов договоров купли-продажи, но и договоров об оказании услуг по передаче энергии.

Кроме того, законодателем установлен запрет совмещать деятельность по передаче электрической энергии и (или) оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике с деятельностью по производству и (или) купле-продаже электрической энергии, за исключением некоторых хозяйствующих субъектов, к которым относится и лицо, получившее статус гарантирующего поставщика электрической энергии [10]. Поэтому заключаются и договоры купли-продажи (поставки) электроэнергии, и договоры по оказанию услуг по передаче электроэнергии, и другие договоры оказания услуг, в т. ч. и договор оказания коммунальных услуг электроснабжения, и договоры энергоснабжения.

Ближе всего к характеристике договора энергоснабжения, предусмотренного Гражданским кодексом, относится определение договора теплоснабжения: «по договору теплоснабжения теплоснабжающая организация обязуется поставить тепловую энергию (мощность) и (или) теплоноситель, а потребитель тепловой энергии обязан принять и оплатить тепловую энергию (мощность) и (или) теплоноситель, соблюдая режим потребления тепловой энергии» [11]. При этом буквальное толкование статьи 548 ГК, которая называется «Применение правил об энергоснабжении к иным договорам», позволяет сделать вывод, что теплоснабжение, а также снабжение через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами регулируется иными договорами, чем договор энергоснабжения, хотя правила о нем применяются к этим отношениям, если иное не установлено специальным законодательством.

В цивилистической литературе нет единства мнений о том, какие отношения регулируются договором энергоснабжения. Большинство авторов согласны с тем, что к энергоснабжению относится снабжение электрической энергией. В отношении же снабжения другими ресурсами через присоединенную сеть мнения авторов различны.

Одни цивилисты полагают, что договором энергоснабжения регулируются отношения электроснабжения, теплоснабжения, а также

снабжение через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами [3].

Другие отмечают, что «в соответствии с п. 1 ст. 539 ГК договором энергоснабжения регулируются лишь такие отношения снабжения через присоединенную сеть, когда через нее передается энергия, а не любые ресурсы или товары. Что же касается положений ст. 548 ГК о распространении действия правил о договоре энергоснабжения на некоторые другие правоотношения (по терминологии ст. 548 ГК – «иные договоры»), то это не более чем прием законодательной техники, призванный компенсировать отсутствие норм, регулирующих соответствующие договоры» [12, с. 234]. То есть договором энергоснабжения охватываются лишь те правоотношения, которые складываются при снабжении потребителей через присоединенную сеть электрической или тепловой энергией.

Возникает вопрос: какие же отношения имел в виду законодатель, предусматривая в п. 3 ст. 539 ГК, что «к отношениям по договору энергоснабжения, не урегулированным настоящим Кодексом, применяются законы и иные правовые акты об энергоснабжении, а также обязательные правила, принятые в соответствии с ними». Вероятно, отношения снабжения через присоединенную сеть электрической энергией. Поскольку п. 4 ст. 539 ГК установивший, что «к отношениям по договору снабжения электрической энергией правила настоящего параграфа применяются, если законом или иными правовыми актами не установлено иное», был введен Федеральным законом от 26.03.2003 № 37-ФЗ, то есть в связи с принятием ФЗ «Об электроэнергетике». Данный закон существенно изменил отношения в сфере электроснабжения, сделав невозможным прямое применение к ним положений параграфа 6 главы 30 ГК.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовые нормы § 6 главы 30 Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре энергоснабжения практически не применяются, поскольку отношения снабжения электрической энергией и тепловой энергией регулируются специальным законодательством (ФЗ «Об электроэнергетике» и ФЗ «О теплоснабжении») и призваны лишь восполнить пробелы специального энергетического законодательства.

Как справедливо замечают Габов А. В. и Мельников О. О., «в реальных отношениях участники гражданского оборота стали использовать формы договоров, которые можно охарактеризовать как quasi-договоры энергоснабжения (а сами отношения могут быть названы в целом квазиэнергоснабжением)» [13, с. 115].

В правовой литературе отмечается, что тепловая и электрическая энергии выступают в качестве объектов гражданских прав и к ним применяются общие положения обязательственного права, которые касаются любых объектов гражданских прав. Вместе с тем отношения по электро- и теплоснабжению должны регулироваться нормами, которые учитывают их специфику как социальных объектов. Особый акцент необходимо делать на социальную значимость тепловой и электрической энергии. В отношениях,

связанных со снабжением потребителей электрической и тепловой энергией, должен превалировать публичный интерес над частным. Такой взгляд на сложившуюся ситуацию в сфере электро- и теплоснабжения в наибольшей степени отвечает потребностям правовой регламентации социальных связей, корректен и юридически сбалансирован [14, с. 51].

Также, учитывая, что в отношении энергии возникают не только отношения купли-продажи, но и возмездного оказания услуг, предлагается предусмотреть в Гражданском кодексе среди других договоров о возмездном оказании услуг договор оказания услуг по передаче энергии.

Другие авторы, учитывая, что договор энергоснабжения относится к категории «смешанных договоров», содержащих в себе договорные элементы различных гражданско-правовых договоров, говорят о самостоятельном месте договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров и предлагают это законодательно закрепить [15, с. 39].

Таким образом, назрела существенная необходимость совершенствования гражданского законодательства, приведения его в соответствие со сложившимися в реальности отношениями энергоснабжения.

Список использованных источников

1. Корнеев С.М. Юридическая природа договора энергоснабжения // Закон. 1995. № 7. С. 118.
2. Агарков М.М. Гражданский кодекс. Практический комментарий. Подряд (текст и комментарий к статьям 220-235 ГК). М., 1924. С.13-14.
3. Гражданское право: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т.1. М.: Проспект, 2009. С. 219.
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 01.05.2022) «О теплоснабжении» // СПС «КонсультантПлюс».
5. ГОСТ Р 53905-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Энергосбережение. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 09.11.2010 № 350-ст). М.: Стандартинформ, 2011.
6. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2023) «Об электроэнергетике» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 28.09.2023) «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») // СПС «КонсультантПлюс».
9. Шилов О. Ю. Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения: монография. М.: Норма – Инфра-М, 2015.

10. Федеральный закон от 26.03.2003 № 36-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об особенностях функционирования электроэнергетики и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об электроэнергетике» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Правительства РФ от 08.08.2012 № 808 (ред. от 27.05.2023) «Об организации теплоснабжения в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами организации теплоснабжения в Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

12. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011.

13. Габов А. В., Мельников О. О. Субабонентские и квазисубабонентские отношения снабжения электроэнергией // Энергетическое право: модели и тенденции развития: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции / под. ред. А.В. Габова. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2023. – С. 104 – 122.

14. Руфф А. Ю. Договор теплоснабжения как один из видов договоров энергоснабжения // Законодательство и экономика. 2016. № 8. С. 48-52.

15. Сабирова Т. Р. К вопросу об определении места договора энергоснабжения в системе гражданско-правовых договоров // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2 (158). С. 36-39.

Мельников Олег Олегович,
руководитель проекта
ПАО «Россети Московский регион»
(Москва, Россия)

ДОГОВОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ: СТРУКТУРИРОВАНИЕ И ОПТИМИЗАЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СТОРОН

***Аннотация.** В статье исследуются проблемные вопросы исполнения договора технологического присоединения к электрическим сетям. Автором установлено, что особенности правового регулирования данных отношений (возложение части обязанностей по технологическому присоединению на заказчика технологического присоединения) могут вызвать неблагоприятные имущественные последствия для сетевой организации. Автором предложены возможные способы преодоления данных негативных последствий: наделение сетевой организации правом на взыскание полной платы за технологическое присоединение в случае выполнения ею своих обязательств, а также возможность принудительного взыскания аванса по договору технологического присоединения.*

***Ключевые слова:** договор технологического присоединения, исполнение обязательств, максимальная мощность, аванс, плата за технологическое присоединение, технические условия, мероприятия по технологическому присоединению.*

Вступление.

Значение исполнения обязательства заключается в том, что благодаря этой стадии развития правоотношения осуществляется гражданский оборот, достигается цель, которую преследуют участники обязательства, удовлетворяется интерес управомоченного лица действиями лица обязанного [1]. Основная цель участников договора технологического присоединения к электрическим сетям (далее – договор ТП) – обеспечить доступ к электроэнергии заказчику технологического присоединения (далее – заказчик ТП) для эксплуатации своего оборудования и обеспечения технологических процессов. Интерес в доступе к электроэнергии удовлетворяется им за счет возмездного приобретения у сетевой организации определенного объема максимальной мощности (имущественного права, которое является самостоятельным материальным благом, принадлежащим субъекту, прошедшему процедуру технологического присоединения, и обладает обязательственным характером, поскольку фактически представляет собой право потребителя требовать от электросетевой организации оказания услуг по передаче энергии в размере мощности, соответствующей количественной характеристике этого блага) [8].

Однако особенности правоотношения по технологическому присоединению к электрическим сетям (далее ТП) нередко создают препятствия в достижении заказчиком ТП и сетевой организацией тех целей, которые они ставят перед собой, заключая договор ТП. Настоящая статья посвящена исследованию проблем исполнения договора ТП и возможных способов их разрешения.

Предметом исполнения по договору ТП является, с одной стороны, имущественное право (максимальная мощность), а с другой стороны – плата за ее приобретение. Поэтому статья состоит из двух частей: в первой изложены вопросы, которые касаются передачи максимальной мощности, а во второй – оплаты ее приобретения. Выводы автора изложены в заключении.

Передача максимальной мощности.

Исполнения договора ТП в части передачи максимальной мощности включает в себя выполнение мероприятий по ТП, предусмотренных договором ТП (подпункт в) пункта 7 Правил ТП [11]) и составление акта об осуществлении технологического присоединения (подпункт е) пункта 7 Правил ТП). Мероприятия по ТП относятся к существенным условиям договора (подпункт а) пункта 16 Правил ТП), определяются в технических условиях (далее – ТУ), а их исполнение возлагается как на заказчика ТП, так и на сетевую организацию [5]. Выполнение сторонами договора ТП мероприятий по технологическому присоединению является необходимым условием передачи заказчику ТП согласованного объема максимальной мощности. Акт об осуществлении технологического присоединения, далее – акт ТП (приложение № 1 к Правилам ТП) составляется после осуществления сетевой организацией фактического присоединения объектов заказчика ТП к электрическим сетям и фактического приема (подачи) напряжения и мощности (пункт 19 Правил ТП).

Как следует из Правил ТП, осуществление технологического присоединения и присоединение максимальной мощности – это обязанность сетевой организации. Однако осуществление технологического присоединения невозможно без выполнения заказчиком ТП своей части мероприятий по ТП. В практике хозяйственной деятельности нередки случаи, когда сетевая организация своевременно и в полном объеме исполняет мероприятия по ТП (реконструирует собственные сети), а заказчик ТП свою часть мероприятий по ТП не исполняет. Причины просрочки могут быть разные: например, объект ТП отсутствует по причине задержки его строительства, у заказчика ТП есть споры в отношении земельного участка, на котором возводится объект ТП, не согласована проектная документация в отношении ТП и другое. Сколь бы ни были разнообразны причины такой задержки, их последствия для сетевой организации всегда негативные: несмотря на исполнение своей части мероприятий по ТП, сетевая организация денежные средства за ТП в полном объеме получить не может, реконструированная инфраструктура, предназначенная для передачи

электроэнергии, простаивает. И это притом, что инициатором реконструкции сетей (технологического присоединения) являлся заказчик ТП.

Возможные способы защиты сетевой организацией своих прав наталкиваются на два взаимоисключающих обстоятельства: с одной стороны, очевидно ущемление ее имущественных интересов, когда сторона обязательства их исполнила, но плату в полном объеме получить не может. С другой стороны, ограничивать ТП только действиями сетевой организации нельзя. В этом случае подключение к сетям и передача максимальной мощности не осуществляется, а обеспечение доступа к электроэнергии – не достигается.

Выход видится в структурировании обязательств сторон договора ТП, а именно: наделение сетевой организации правом в случае надлежащего исполнения своей части ТУ и отсутствия исполнения заказчиком ТП его части ТУ уведомить заказчика ТП об обеспечении возможности передачи максимальной мощности и требования оплаты за ТП. При этом обязанность сетевой организации по присоединению заказчика ТП и передаче ему максимальной мощности после исполнения последним своей части ТУ сохраняется. Результат исполнения заказчиком ТП своей части ТУ, как и в случае технологического присоединения в общем порядке, удостоверяется актом ТП.

Правительство Российской Федерации в Правилах ТП сделало попытку структуризации обязательств по договору ТП аналогичным способом. Постановлением Правительства РФ от 30.06.2022 № 1178 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии к электрическим сетям и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [13] в Правила ТП внесены изменения в части оформления завершения процедуры технологического присоединения. В отношении части заказчиков ТП (указанных в пунктах 12(1), 13(2)–13(5) и 14 Правил ТП) сетевая организация после выполнения мероприятий по технологическому присоединению составляет уведомление *об обеспечении возможности присоединения к электрическим сетям* по форме, предусмотренной приложением № 1(1) к Правилам ТП. Уведомление подтверждает оказание сетевой организацией заявителю услуги по ТП *в полном объеме*. Исполнение сетевой организацией указанных обязательств осуществляется вне зависимости от исполнения заявителем его обязательств по осуществлению мероприятий по технологическому присоединению (абзац второй пункта 108 Правил ТП).

Правила ТП предоставили сетевой организации возможность обеспечить собственные интересы в части последствий исполнения своих обязательств – потребовать платеж за ТП. Проблема, однако, состоит в том, что данная процедура распространяется только на часть заказчиков ТП. Во-вторых, и самое главное, цель ТП – технологическое присоединение

заказчика ТП и передача ему максимальной мощности в рассмотренном случае не достигается, а обязательства сетевой организации по обеспечению фактического присоединения заказчика ТП отсутствуют. Тот факт, что Правила ТП содержат Раздел X, регулирующий порядок ТП путем одностороннего уведомления, который предусмотрел обязанность сетевой организации по размещению в личном кабинете заказчика ТП инструкции о перечне мероприятий, обеспечивающих безопасное осуществление действиями заказчика ТП фактического присоединения (абзац пятый пункта 105 Правил ТП), данный пробел законодательства не восполняет. Представляется, что такой порядок осуществления ТП противоречит принципам надлежащего исполнения, недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства.

Возможное разрешение данной проблемы видится в дополнении статьи 26 Закона «Об электроэнергетике» [14] правом сетевой организации на направление уведомления заказчика ТП об обеспечении возможности присоединения к электрическим сетям и передачи максимальной мощности, а также соответствующим правовым последствиям такого уведомления: право сетевой организации потребовать оплату за ТП, а также ее обязанность обеспечить присоединение заказчика ТП и передачу ему максимальной мощности после выполнения заказчиком ТП своей части мероприятий по ТП. Наличие данного правомочия поможет защитить интересы сетевой организации в части получения полной платы за ТП при сохранении и обеспечении интереса заказчика ТП в доступе к электроэнергии. Представляется, что такое урегулирование имущественных отношений в части исполнения обязательств по ТП соответствует принципу разумности и добросовестности, не противоречит принципу надлежащего исполнения обязательств и не может ущемить интересы заказчика ТП.

Плата за технологическое присоединение.

Размер платы за технологическое присоединение, а также порядок и сроки ее внесения относятся к существенным условиям договора ТП (пункты 16 д) и е) Правил ТП). Размер платы за ТП определяется исходя из расходов на выполнение мероприятий, подлежащих осуществлению сетевой организацией в ходе технологического присоединения, включая строительство, реконструкцию объектов электросетевого хозяйства [12] и устанавливается уполномоченным исполнительным органом субъекта Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов.

Проблема платежей по ТП связана с тем, что заказчик ТП зачастую не заинтересован в строгом соблюдении сроков технологического присоединения. Причины этого указаны выше – нежелание или невозможность выполнения им своей части мероприятий по ТП. Но тогда у заказчика ТП отсутствует и интерес к своевременному перечислению данных платежей.

Действующее законодательство содержит положения в части мер, которые может предпринять кредитор по защите своих прав при просрочке перечисления аванса. В случае непредставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков (пункт 2 статьи 328 ГК РФ). Ни одна из сторон обязательства, по условиям которого предусмотрено встречное исполнение, не вправе требовать по суду исполнения, не предоставив причитающегося с нее по обязательству другой стороне (пункт 3 статьи 328 ГК РФ). То есть, по общему правилу принудительное взыскание аванса как способ защиты права действующее законодательство не допускает. В этом случае сетевая организация вправе приостановить осуществление мероприятий по ТП или отказаться от исполнения договора ТП и потребовать возмещения убытков.

Акты органов судебной власти подтверждают данный вывод [6]. Плата за оказание услуг по технологическому присоединению подлежит взысканию при подтверждении сетевой организацией факта выполнения своих обязательств по договору. Суд указал, что существенный для правильного рассмотрения данного дела факт - выполнение сетевой организацией своих обязательств по договору как основание для взыскания платы по технологическому присоединению - судами не установлен. В такой ситуации, если принять во внимание встречный характер обязательств заказчика ТП по оплате услуг сетевой организации и разъяснения, содержащиеся в пункте 57 постановления Пленума Верховного Суда от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [9], оснований для взыскания заявленной суммы до установления факта оказания услуг не имелось.

Позиция о невозможности принудительного взыскания авансов имеет своих сторонников и в науке. А.Г. Карапетов отмечает, что право ощущает нежелательность принудительного взыскания предоплаты [3]. Комментарий к ГК РФ (ст. 328 ГК РФ) содержит разъяснения, согласно которым должник, который по договору должен исполнить обязательство вторым, не вправе понудить в судебном порядке к исполнению обязательства первого должника, а первый должник, до исполнения им обязательства, получит отказ в иске о понуждении к исполнению обязательства вторым должником [10].

В свою очередь, сторонники принудительного взыскания авансов считают, что наличие договоренности сторон о том, что одна из них должна исполнить обязательство первой по очереди само по себе должно свидетельствовать - требование о выплата авансов может быть реализовано в судебном порядке; если стороны решили, что для исполнения договора необходимо авансирование, то правопорядок не должен вмешиваться и пересматривать данное решение, запрещая взыскание авансовой оплаты;

требование о взыскании авансов во многих случаях в полной мере также соотносится с разумной экономической логикой [4].

В случае технологического присоединения наличие в Правилах ТП сроков для перечисления заказчиком ТП платы как раз обусловлено экономической логикой. Сетевая организация может присоединить заказчика ТП, только выполнив мероприятия по технологическому присоединению последнего. Данные мероприятия сопряжены с материальными издержками, зачастую весьма существенными. Задержка финансирования ставит сетевую организацию перед дилеммой – приостановить реконструкция сетей (что не всегда технологически осуществимо и сопряжено с дополнительными расходами), либо продолжить осуществление мероприятий по ТП за счет кредитных средств [7]. Но и в первом, и во втором случае задержка финансирования мероприятий по ТП сопряжена с издержками, что отражается на росте тарифов. Следует добавить, неблагоприятные последствия такой задержки испытывают на себе в первую очередь заказчики ТП и потребители, которые своевременно профинансировали технологическое присоединение и платят за потребляемую ими электроэнергию.

Такое положение представляется неправильным. Если заказчик ТП инициировал процедуру ТП, заключил договор и взял на себя обязательства по финансированию мероприятий по ТП, то риски, связанные с невозможностью осуществления им ТП и соответствующие им издержки должны ложиться на заказчика ТП, какими бы причинами они не были вызваны. Выход в данном случае видится в наделении сетевой организации правом на принудительное взыскание авансовых платежей по договорам ТП. Данное право вытекает из содержания правоотношения по ТП, обусловлено необходимостью исполнения сетевой организацией своей обязанности по присоединению заказчика ТП к сетям и является лишь необходимой предпосылкой такого исполнения. Соответственно лишение права на принудительное взыскание аванса затрудняет исполнение договора ТП его сторонами, то есть достижение той цели, ради которой он был заключен. К этому можно добавить, что возможность правоохранительного характера включается в само содержание субъективного материального требования как одно из его правомочий, поскольку субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь декларативным правом [2]. Принимая во внимание достижение цели договора, представляется целесообразным дополнить статью 26 Закона «Об электроэнергетике» и Правила ТП нормами, которые предусматривают право сетевой организации на принудительное взыскание авансовых платежей в случае просрочки заказчиком ТП их перечисления.

Заключение.

Неисполнение заказчиком ТП своей части обязательств по технологическому присоединению влечет отрицательные имущественные последствия для сетевой организации - невозможность получения в полном

объеме денежных средств за ТП. Структурирование обязательств сторон договора ТП, а именно: наделение сетевой организации правом в случае надлежащего исполнения своей части ТУ и неисполнением заказчиком ТП его части ТУ уведомить заказчика ТП об обеспечении возможности передачи максимальной мощности и требования оплаты за ТП, позволяет преодолеть указанные отрицательные последствия. При этом обязанность сетевой организации по присоединению заказчика ТП и передаче ему максимальной мощности после исполнения последним своей части ТУ сохраняется. Внесение соответствующих изменений в статью 26 Закона «Об электроэнергетике» законодательно закрепит предложенный механизм структуризации обязательств по ТП.

Просрочка заказчиком ТП оплаты технологического присоединения препятствует достижению цели договора ТП. Установление в статью 26 Закона «Об электроэнергетике» права на принудительное взыскание авансовых платежей по договорам ТП позволит оптимизировать исполнение сетевой организацией своих обязательств, так как является необходимой предпосылкой такого исполнения.

Введение вышеназванных изменений, во-первых, будет подталкивать стороны договора ТП к своевременному исполнению принятых на себя обязательств, то есть – достижению той цели, ради которой они вступают в договорные отношения, а во-вторых, исключит несение ими расходов и издержек, к возникновению которых они не имеют никакого отношения. Представляется, что вышеуказанные изменения в целом окажут положительный эффект на исполнение обязательств по договору ТП и обеспечат надлежащее соблюдение имущественных интересов сторон данного договора.

Список использованных источников

1. Гражданское право. Учебник в 2 томах. 5-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Б.М. Гонгало. М., 2023. С. 67.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 96.
3. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М., 2003. СПС «КонсультантПлюс».
4. Косцов В.Н., Сирота А.Н. Запрет взыскания авансовых платежей: критический анализ складывающегося подхода / «Вестник экономического правосудия Российской Федерации». 2021, № 11. СПС «КонсультантПлюс».
5. Мероприятия в пределах границ участка, на котором расположены энергопринимающие устройства заказчика ТП, осуществляются заказчиком ТП, а до границы участка – сетевой организацией (подпункт а(2)) пункта 25 Правил ТП).
6. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2021), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022. Бюллетень Верховного Суда РФ, № 4, апрель, 2022, № 5, май, 2022.

7. Отказ сетевой организации от исполнения договора ТП в данном случае не рассматривается. Данная мера защиты затруднена в связи со статусом договора ТП как публичного. См. определение Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС22-22536 по делу № А56-49289/2021. СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2019 по делу № А45-8901/2016. СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». «Российская газета», № 275, 05.12.2016.

10. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / под ред. Л.В. Санниковой. М., 2016. СПС «КонсультантПлюс».

11. Правила технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденные постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (ред. 29.11.2023) // СЗ РФ, 27.12.2004, № 52 (часть 2), ст. 5525.

12. Пункт 2 статьи 23.2 и статья 24 Закона об электроэнергетике, постановление Правительства РФ от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (вместе с "Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике») («Собрание законодательства РФ», 23.01.2012, № 4, ст. 504).

13. «Собрание законодательства РФ», 04.07.2022, № 27, ст. 4863.

14. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 02.11.2023) // СЗ РФ, 31.03.2003, № 13, ст. 1177.

Символоков Олег Анатольевич,
ведущий научный сотрудник
центра частного права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
(Москва, Россия)

ОСНОВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДКЛЮЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ САДОВОДСТВА К СЕТЯМ ГАЗОРАСПРЕДЕЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируются основные проблемы правового регулирования отношений по подключению (технологическому) присоединению объектов капитального строительства и газопотребляющих установок, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, к сетям газораспределения, в частности проблемы, обусловленные необходимостью подачи общей заявки садоводческим или огородническим товариществом и выдачи общих технических условий на подключение всех объектов капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества. Рассматриваются основные характеристики догазификации домовладений, расположенных в границах территории садоводства*

***Ключевые слова:** газоснабжение, сети газораспределения, подключение (технологическое присоединение), садоводческое или огородническое некоммерческое товарищество, территория садоводства, догазификация*

Порядок подключения (технологического присоединения) газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства к сетям газораспределения регламентируется комплексом нормативных правовых актов, ключевое значение среди которых имеют: Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (далее – Закон о газоснабжении) и Правила подключения (технологического присоединения) газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства к сетям газораспределения, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2021 г. № 1547 «Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства к сетям газораспределения и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (далее – Правила № 1547).

В соответствии с частью 2 статьи 8 Закона о газоснабжении Правительство Российской Федерации: утверждает типовые формы документов, необходимых для подключения (технологического

присоединения) объектов капитального строительства к сети газораспределения; утверждает правила технологического присоединения газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям; в соответствии с частью 3 статьи 27 Закона о газоснабжении юридические лица, владеющие на праве собственности или ином законном основании газораспределительными сетями и их объектами и (или) сетями газопотребления и их объектами, не вправе препятствовать транспортировке и подаче газа по указанным сетям и их объектам потребителям, а также технологическому присоединению к указанным сетям и их объектам при наличии пропускной способности таких сетей в которых закреплены требования к участникам отношений по подключению.

В Правилах № 1547 определен порядок подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к сетям газораспределения в границах территории садоводства или огородничества, включая этапы такого подключения, в том числе, порядок заключения договора о подключении. Составной частью Правил № 1547 являются типовые формы различных документов, используемых в процессе подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к сетям газораспределения.

Практика применения Правил № 1547 выявила значительное количество недостатков и пробелов правового регулирования, препятствующих реализации права собственника или иного законного владельца объекта капитального строительства, расположенного в границах территории садоводства или огородничества, на доступ к газораспределительной инфраструктуре и удовлетворение потребностей в газоснабжении.

Основная проблема заключается в том, что Правила № 1547 фактически ставят возможность подключения каждого отдельного объекта капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества в зависимость от совокупного подключения всех объектов капитального строительства, расположенных на территории садоводства или огородничества. До тех пор, пока не будут полностью выполнены требования технических условий в отношении всех объектов капитального строительства, которые выдаются в целом на садоводческого или огороднического некоммерческого товарищество (далее – СНТ), подключение не будет считаться завершенным, а, следовательно, невозможным будет и завершение процедуры подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства на территории садоводства или огородничества, в том числе, не будет осуществлен фактический пуск газа. Именно завершенность процедуры подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к сетям газораспределения дает право газораспределительной организации включать соответствующие расходы в тариф на услуги по транспортировке газ по газораспределительным сетям в соответствии с Законом о газоснабжении.

И если в этом случае все же был заключен договор о подключении на основании общей заявки СНТ, но его исполнение не может быть завершено и следует решать вопрос о расторжении договора о подключении и определении имущественных последствий такого расторжения, то в другом случае, возникает не менее крупная проблема иного рода, состоящая в целом в невозможности заключения договора о подключении в связи с неподачей общей заявки о подключении со стороны СНТ, например, в связи с невозможностью получить необходимое количество голосов при проведении голосования на общем собрании членов СНТ по вопросу о подаче заявки о подключении в газораспределительную организацию (региональному оператору газоснабжения).

Отказаться от заключения договора о подключении (технологическом присоединении) объектов капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества сетевая газораспределительная организация вправе лишь в отсутствия технической возможности подключения (технологического присоединения) объекта капитального строительства к сети газораспределения исполнителя (мотивированный отказ от заключения договора о подключении). При необоснованном отказе или уклонении исполнителя от заключения договора о подключении заявитель (СНТ) вправе обратиться в суд или антимонопольный орган [3]. Сетевые газораспределительные организации как субъекты естественной монополии ограничены в свободе договора. Принудительное заключение договора о подключении объектов капитального строительства к сетям газораспределения, а также типированность его условий, отражает принудительность (императивность) в частном праве, в котором проявляется взаимное влияние публично-правового и частноправового методов регулирования [2].

По существу в Правилах № 1547 не учитывается, что наличие технической возможность подключения объектов капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества, расположенных на садовых или огородных земельных участках, к сетям газораспределения газораспределительной организации, зависит не только от пропускной способности таких сетей, но также и от наличия и достаточной пропускной способности сетей газораспределения, расположенных на общих земельных участках к границах территории садоводства или огородничества, а также сетей газопотребления. Строительство (реконструкция) газораспределительной организацией своих сетей газораспределения до границ садоводства или огородничества – необходимое, но не единственное условие для завершения процедуры подключения объекта капитального строительства, расположенного на садовом или огородном земельном участке, к сетям газораспределения. Следует также построить (реконструировать) сети газораспределения основного абонента от границ садоводства или огородничества по общему земельному участку до границ садового или огородного земельного участка, на котором построен (будет построен) объект

капитального строительства, а также сеть газораспределения в границах садового или огородного земельного участка. Тем самым обеспечивается физическая связь сети газораспределения газораспределительной организации, сети газораспределения основного абонента (СНТ), сети газопотребления собственника (владельца) садового или огородного земельного участка, а, следовательно, и техническая возможность подключения (технологического присоединения) объекта капитального строительства, расположенного на садовом или огородном земельном участке, к сетям газораспределения.

Наиболее приемлемым вариантом решения указанных основных проблем [1]⁵, возникающих при подключении (технологическом присоединении) объектов капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества, как представляется, может быть отказ от закрепленной в Правилах № 1547 обязанности подачи общей заявки СНТ и общих технических условий для СНТ и предоставление права подачи индивидуальной заявки о подключении каждому собственнику (владельцу) садового или огородного земельного участка, расположенного в границах территории садоводства или огородничества. Удовлетворение такой заявки будет зависеть от наличия технической возможности подключения соответствующего объекта капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества (а именно, от наличия пропускной способности сетей газораспределения газораспределительной организации и основного абонента, то есть сетей СНТ).

Правительство Российской Федерации 16 апреля 2024 г. приняло постановление № 484 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», которым распространило действие механизма догазификации (то есть бесплатного подключения домовладений, расположенных в границах территории садоводства к сетям газораспределения) на территорию садоводства. Указанным постановлением вносятся изменения в ряд подзаконных нормативных правовых актов. Ключевые изменения предусматривают: 1) введение механизма компенсации выпадающих доходов газораспределительной организации на выполнение мероприятий, подлежащих осуществлению в ходе технологического присоединения домовладений, расположенных в границах территории садоводства; 2) применение специальной надбавки к тарифу на транспортировку газа газораспределительными организациями для

⁵ Подробнее о правовых проблемах подключения (технологического присоединения) СНТ к сетям газораспределения см.: Символоков О.А. Совершенствование правового регулирования отношений, связанных с подключением объектов капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества к сетям газораспределения // Идеи и традиции отечественной цивилистики: рубежи эпох и новые горизонты: сборник материалов к XVII Научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / О.А. Беляева, М.М. Вильданова, О.В. Гутников и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД «Юриспруденция», 2023. С. 151–162.

финансирования программ догазификации домовладений, расположенных в границах территории садоводства; 3) дополнение понятия догазификации новой разновидностью догазификации, осуществляемой в границах территории садоводства. При этом определяются условия такой догазификации. В случае если территория садоводства располагается в границах населенного пункта, в котором проложены газораспределительные сети, по которым осуществляется транспортировка газа, или программой газификации жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций в текущем календарном году предусмотрено строительство газораспределительных сетей до границ территории садоводства, подключение (технологическое присоединение), в том числе фактическое присоединение газоиспользующего оборудования к газораспределительным сетям, расположенного в домовладениях, принадлежащих физическим лицам на праве собственности или на ином предусмотренном законом праве, намеревающимся использовать газ для удовлетворения личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской (профессиональной) деятельности, и находящихся внутри границ указанной территории садоводства, осуществляется исполнителем до границ земельных участков, занятых указанными домовладениями, без взимания средств с заявителя за оказание услуги по подключению (технологическому присоединению).

Таким образом, после принятия постановления Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2024 г. № 484 подключение домовладений, расположенных в границах территории садоводства в порядке догазификации значительно упрощается. Вместе с тем возможность подключения в рамках догазификации ограничена требованиями нормативных правовых актов, в частности Правил № 1547. Так, если в населенном пункте не проложены газораспределительные сети, по которым осуществляется транспортировка газа, или программой газификации жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций в текущем календарном году не предусмотрено строительство газораспределительных сетей до границ территории садоводства, подключение (технологическое присоединение) домовладений в рамках догазификации будет невозможным. Для таких случаев актуальность ранее рассмотренных проблем, связанных с подключением к сетям газораспределения объектов капитального строительства, расположенных в границах территории садоводства или огородничества, сохраняется.

Список использованных источников

1. Символоков О.А. Совершенствование правового регулирования отношений, связанных с подключением объектов капитального строительства в границах территории садоводства или огородничества к сетям газораспределения // Идеи и традиции отечественной цивилистики: рубежи эпох и новые горизонты: сборник материалов к XVII Научным чтениям памяти

профессора С.Н. Братуся / О.А. Беляева, М.М. Вильданова, О.В. Гутников и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., ИД «Юриспруденция», 2023. С. 15-162.

2. Символоков О.А. Принудительное обязательство по заключению договора в сфере энергетики // Гражданское право. 2023. № 5. С. 34-37.

3. Прохоров С.Г., Сомов М.А. О подключении объектов капитального строительства в границах садоводства или огородничества к сети газораспределения // Проблемы энергосбережения и экологии в промышленном и жилищно-коммунальном комплексах: сборник статей XXII Международной научно-практической конференции; Пенза, 15–16 декабря 2021 года. Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2021. С. 111-114.

Лиликова Оксана Сергеевна,
доцент кафедры трудового и предпринимательского права
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

АНТИМОНОПОЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

***Аннотация.** Статья посвящена антимонопольному регулированию в сфере энергетики и проблемам в данной деятельности. Автор приводит краткую характеристику нормативной правовой базы, которая непосредственно регулирует данный вопрос и определяет полномочия ФАС России в этом аспекте. Далее приводятся проблемные аспекты, связанные со следующими обстоятельствами: с системой перекрестного субсидирования электроэнергетики, с обстановкой на розничных рынках электроэнергии, с влиянием цифровой экономики на рынок электроэнергии. Автором анализируются потенциальные решения поставленных задач со стороны государственных органов и представителей научного сообщества и делается вывод о прогрессивной политике сведения проблемных аспектов к минимуму.*

***Ключевые слова:** сфера энергетики, антимонопольное регулирование, перекрестное субсидирование, цифровая экономика, конкуренция, естественные монополии, розничный рынок электроэнергии, оптовый рынок электроэнергии, субъекты рынка электроэнергии, тарифы на электроэнергию.*

Сфера энергетики предстаёт одной из основных инфраструктур, от состояния которой зависит дальнейшее положение государства. Сразу стоит отметить, что законодательство в сфере энергетики является одним из наиболее сложных и детально закреплённых в различных нормативных правовых актах. Энергетика охватывает определенные виды деятельности, например: добыча энергетических ресурсов, производство электроэнергии, сбыт, обслуживание электросетей, их ремонт и т.д. Соответственно, из-за такого разнообразия сопутствуют и конкурентные сферы, которые нуждаются в регулировании и контроле со стороны государства. Одним из направлений является антимонопольное регулирование, которое служит для предупреждения, пресечения и профилактики монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. Ещё одной функцией является стремление к балансу экономических интересов поставщиков и потребителей энергии.

Правовую основу антимонопольного регулирования в сфере энергетики составляют: Федеральный закон "О защите конкуренции", Федеральный закон "О естественных монополиях", Федеральный закон "Об электроэнергетике" и другие акты законного и подзаконного характера. Федеральный закон «Об электроэнергетике» закрепляет положения, которые касаются полномочий Федеральной антимонопольной службы (ФАС) в сфере энергетики. Считаю нужным привести некоторые из них:

- разработка и утверждение программ развития и регулирования розничного и оптового рынков электроэнергии;
- надзор за поставщиками в целях обеспечения населения достаточным количеством электроэнергии;
- контроль за применением установленных цен и тарифов за электроэнергию со стороны органов исполнительной власти субъектов;
- выдача разрешений на размещение объектов электроэнергетики на определённых территориях в рамках государства;
- иные полномочия, согласно ФЗ [1].

Антимонопольный орган издаёт собственные акты, направленные на более четкое регулирование вопросов энергетического рынка и его субъектов, например, Приказ от 26.06.2012 № 413 «Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по осуществлению контроля за действиями субъектов оптового и розничных рынков в части установления случаев манипулирования ценами на электрическую энергию на оптовом и розничных рынках электрической энергии (мощности)» [2]. ФАС уполномочена возбуждать дела о нарушении антимонопольного законодательства, что влечёт за собой привлечение к административной ответственности.

По своей сути рынок электроэнергии подпадает в большинстве своём под естественную монополию. Банально спрос не зависит от изменения цены. Конкуренция в большинстве своём отсутствует в силу особенностей производства, что достаточно очевидно в рамках рынка электроэнергии.

Несмотря на большой спектр законодательных мер в регулировании сферы энергетики, в этом вопросе все ещё наличествуют некоторые проблемные аспекты, которые нуждаются в изменениях и борьбе с ними.

Одной из наиболее главных проблем является перекрестное субсидирование в электроэнергетике. Эта система несёт в себе ряд негативных последствий, например, неравномерность распределения сумм перекрестного субсидирования по разным уровням напряжения. Соответственно, сумма у потребителей того или иного уровня напряжения также различен.

Из этого вытекает ещё одна проблема, которая заключается в дискриминационном подходе к отдельным категориям потребителей, которые подключены к сети более высокого уровня напряжения. Государство со своей стороны понимает неудобства системы перекрестного субсидирования и за все время вынесла ряд нормативных правовых актов, направленных на ликвидацию этой системы в секторе электроэнергетики. Но на настоящий момент на практике перекрестное субсидирование все ещё присутствует.

ФАС объясняет это тем, что резкий отказ от этой системы и переход на другую достаточно негативно скажется на социальной политике государства, т.к. тарифы резко вырастут и станут малодоступными для населения. На данный момент проводятся меры выравнивания перекрестного субсидирования по уровням напряжения и дальнейшее распределение между потребителями в регионе.

Д.А. Васильев также считает нужным дополнить меры снижения негативных последствий перекрестного регулирования путем перехода на целевой метод поддержки субъектам, которые действительно нуждаются в этом из средств бюджетной системы государства, а также расширение тарифного меню для населения, которое включает бы в себя доступность электроэнергии и меры по энергосбережению [3, с. 28].

Комитет Государственной Думы по энергетике по результатам круглого стола уже порекомендовал Правительству рассмотреть предложения о переносе объёмов перекрестного субсидирования тарифов для населения и приравненных к нему категорий на оптовую стоимость, а также определить ориентиры снижения объёмов перекрестного субсидирования с ежегодным темпом сокращения не менее 15% [4].

Что касается расширения тарифов, то считаем нужным согласиться с приложением Комитета Государственной Думы, которое заключается в переходе на двухставочный тариф с сохранением возможности одноставочного и разнообразие тарифов потребителей, исходя от надёжности сетевых организаций [4]. По нашему мнению, это решит проблему с дискриминацией тарифов и стимулирует сетевые организации добросовестно конкурировать и качественно оказывать свои услуги, что также положительно будет сказываться на рынке электроэнергии.

Одну из основных проблем представители научного сообщества видят в состоянии конкуренции на розничных рынках сбыта электроэнергии.

Считаем целесообразным для начала определить разницу между розничными и оптовыми рынками. Ключевое отличие заключается в конечной цели приобретаемого товара, в нашем случае, энергии. Оптовый рынок предполагает покупку товаров для дальнейшей её перепродажи. В нашем случае – это особая торговая площадка, в которой участвуют крупные производители, т.е. владельцы генерирующих объектов и покупатели в лице энергосбытовых компаний и иных субъектов, которые получили статус субъекта оптового рынка. Деятельность оптового рынка регулируется Постановлением Правительства от 27.12.2010 № 1172.

Розничный рынок предполагает покупку товара для личного потребления. Энергосберегающие организации занимаются продажей электрической энергии потребителям. Деятельность розничных рынков также регулируется Постановлением Правительства от 04.05.2012 № 442.

Возвращаясь к проблеме на розничных рынках сбыта электроэнергии: эти рынки формально признаны конкурентными, но фактически конкуренции не наблюдается. Как указывают А.В. Вениаминович и Р.Н. Сомсиков, причина

состоит в том, что: «структура розничных рынков, закреплённая в нормативно-правовых документах, устанавливает регулируемые цены для населения, которое потребляет большую долю электроэнергии, и привязывает потребителей к конкретному поставщику. В таких условиях другие энергосбытовые компании могут лишь конкурировать только за потребителей, вне категории населения» [5, с. 18].

Решение видится в формировании модели конкуренции на розничных рынках рассматриваемой сферы. Концепция должна включать в себя группу точек поставок в рамках определённой территории, что довольно облегчит процедуру смены сбытовой компании.

Научным сообществом широко обсуждается проблема рынка электроэнергии, которая связана с условиями цифровой экономики. Она выражается в том, что на данный момент появились компании, которые имеют в ресурсе "большие данные". Что касается определения, то точной трактовки не существует ни в законодательстве, ни в литературе. Ученые предполагают, что они представляют собой систему обработки структурированных и неструктурированных данных. Компании с помощью "больших данных" внедряют цифровые алгоритмы в ценообразование, используют права интеллектуальной собственности и т.д. В.В. Мананникова и В.В. Окшин отмечают проблему увеличения власти на рынке субъектов, которые имеют подобное преимущество, что может затруднить приход на рынок новых субъектов [6, с. 183]. Потенциальная угроза может ликвидироваться путем установления для субъектов с количеством данных, которые позволяют ему оказывать решающее влияние на рынок, ниже 35% его доли на рынке.

Таким образом, можно сделать вывод, что антимонопольное регулирование в сфере энергетики также остается несовершенным, но с учетом предложений представителей государственных органов и научного сообщества проблемные аспекты будут сведены к минимуму. Исходя из вышеизложенного, можно сделать соответствующие выводы:

1) стоит рассмотреть предложения о переносе объёмов перекрестного субсидирования тарифов для населения и приравненных к нему категорий на оптовую стоимость;

2) дополнить меры снижения негативных последствий перекрестного регулирования путем перехода на целевой метод поддержки субъектам, которые действительно нуждаются в этом из средств бюджетной системы государства, а также расширение тарифного меню для населения, которое включает бы в себя доступность электроэнергии и меры по энергосбережению;

3) целесообразно рассмотреть предложение Госдумы о переходе на двухставочный тариф с сохранением возможности одноставочного и разнообразие тарифов потребителей, исходя от надёжности сетевых организаций.

Список использованных источников

1. Об электроэнергетике : Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.

2. Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по осуществлению контроля за действиями субъектов оптового и розничных рынков в части установления случаев манипулирования ценами на электрическую энергию на оптовом и розничных рынках электрической энергии (мощности) : Приказ от 26.06.2012 № 413 (ред. от 10.04.2013) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 10. – 11.03.2013.

3. Васильев, Д.А. Перекрестное субсидирование в электроэнергетике: текущее состояние и векторы решения проблем / Д.А. Васильев // Современная конкуренция. – 2021. – Т. 15, № 3 (83). – С. 17-30.

4. Комитет Государственной Думы по энергетике на тему «Совершенствование нормативно-правового регулирования функционирования электроэнергетики и гарантированного обеспечения доступной электрической энергией населения» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://komitet-energo.duma.gov.ru/novosti/e4b372ee-ab08-4c29-a97b-8beee7f545f4> (дата обращения: 31.10.2023).

5. Чемезов, А.В. Направления совершенствования антимонопольного регулирования в сфере электроэнергетики / А.В. Чемезов, Р.Н. Сомсиков // Актуальные вопросы современной экономики. – 2023. – № 3. – С. 320-323.

6. Мананникова, В.В. Антимонопольное регулирование рынка электроэнергетики в условиях цифровой экономики // Теория и практика современной науки. – 2018. – № 9 (39).

Подольский Александр Владимирович,
доцент кафедры «Международное право»,
Тамбовского государственного технического университета,
кандидат юридических наук
(Тамбов, Россия)

Фокин Илья Владимирович,
юрисконсульт ООО Научно-производственное предприятие
«Компьютерные технологии»,
магистр права
(Воронеж, Россия)

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ СЕРВИТУТОВ ДЛЯ ЧАСТЕЙ ЛИНЕЙНОГО ОБЪЕКТА

***Аннотация.** В настоящее время энергетические и иные организации, имеющие в собственности линейные объекты – инженерные сооружения, сталкиваются с ситуацией, когда государственные органы необоснованно отказывают в установлении публичных сервитутов на часть такого объекта. В данной статье обосновывается несоответствие данной позиции существующему нормативному регулированию, показывается ее внутреннее противоречие посредством проведения системного анализа законодательства, а также предлагаются изменения в Земельный кодекс РФ.*

***Ключевые слова:** публичный сервитут, линейный объект, инженерное сооружение, реконструкция, охранная зона, зона размещения инженерного сооружения.*

Несмотря на то, что возможность установления публичного сервитута без образования земельного участка была неоднозначно воспринята научным сообществом [1], в настоящее время подавляющее большинство линейных объектов федерального или регионального значения размещается на частных земельных участках и (или) публичных земельных участках именно по правилам о публичных сервитутах из гл. V. 7 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ), что отмечается в юридической литературе [2].

Согласно п. 10.1 ст. 1 Градостроительному кодексу РФ (далее – ГрК РФ) линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы и другие подобные сооружения являются линейными объектами. По общему правилу линейные объекты являются недвижимостью, так как они относятся к сооружениям. Сооружения являются недвижимыми вещами (п. 1 ст. 141.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)). При этом они должны быть прочно связаны с землей, а их перемещение невозможно без несоразмерного ущерба их назначению (п. 1 ст. 130 ГК РФ).

Подпункт 8 п. 4 ст. 23 ЗК РФ закрепляет возможность установления публичного сервитута для использования земельного участка в целях,

предусмотренных ст. 39.37 ЗК РФ. В соответствии с данной нормой целями, в частности, являются строительство, реконструкция, эксплуатация, капитальный ремонт объектов электросетевого хозяйства, тепловых сетей, водопроводных сетей, сетей водоотведения, линий и сооружений связи, линейных объектов системы газоснабжения, нефтепроводов и нефтепродуктопроводов, их неотъемлемых технологических частей, если указанные объекты являются объектами федерального, регионального или местного значения, либо необходимы для оказания услуг связи, организации электро-, газо-, тепло-, водоснабжения населения и водоотведения, подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения, либо переносятся в связи с изъятием земельных участков, на которых они ранее располагались, для государственных или муниципальных нужд, именуемых также инженерные сооружения. Допускается установление публичного сервитута в целях реконструкции, капитального ремонта участков (частей) инженерных сооружений, являющихся линейными объектами. В данной статье речь будет вестись именно о вышеперечисленных линейных объектах – инженерных сооружениях.

Также до 31 декабря 2024 года включительно наряду с перечисленными случаями в целях модернизации и расширения магистральной инфраструктуры могут устанавливаться публичные сервитуты для строительства и реконструкции линейных объектов инфраструктуры (за исключением объектов, из-за размещения которых невозможно дальнейшее использование земельного участка или его части в соответствии с установленным видом разрешенного использования) (ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 254-ФЗ).

Таким образом, российское законодательство предусматривает возможность установления специальных сервитутов для строительства, реконструкции, эксплуатации, капитального ремонта отдельных видов линейных объектов - инженерных сооружений федерального, регионального или местного значения.

На практике заинтересованные организации часто сталкиваются с ситуацией, когда необходимо реконструировать линейный объект, в частности, посредством увеличения его длины или присоединения новой части, в связи с чем возникает потребность в установлении нового публичного сервитута. Однако в настоящее время государственные органы, уполномоченные на установление публичных сервитутов, отказываются принимать решения об их установлении на часть линейного объекта, ссылаясь на то, что такое действие возможно исключительно в отношении всего линейного объекта. В обоснование такой позиции делается абстрактная ссылка на положения действующего законодательства: указывается, что иное регулирование не предусмотрено ЗК РФ и иными нормативными актами. Несмотря на то, что такие разъяснения носят непубличный характер, они применяются повсеместно. Чаще всего такая ситуация происходит, когда необходимо поставить новый публичный сервитут на часть линейного

объекта, в отношении которого законодательство не предусматривает составление документации по планировке территории (далее – ДПТ).

Полагаем, что обозначенный подход необоснованно ограничивает право отдельных лиц на установление публичных сервитутов, вынуждает нести дополнительные организационные и финансовые расходы на то, чтобы найти и реализовать более сложные способы получения необходимых прав по отношению к земельным участкам. Более того, он вступает в прямое противоречие с существующим правовым регулированием.

Как предусмотрено п. 6 ст. 39.41 ЗК РФ, границы публичного сервитута, устанавливаемого в целях, предусмотренных пп. 1, 3 – 4.1 ст. 39.37 ЗК РФ, а также в целях реконструкции участков (частей) инженерных сооружений в соответствии с пп. 6 ст. 39.37 ЗК РФ определяются в соответствии с установленными ДПТ границами зон планируемого размещения объектов, а в случае, если для размещения инженерных сооружений, разработка ДПТ не требуется, в пределах, не превышающих размеров соответствующих охранных зон. В соответствии с п. 14.1 ст. 1 ГрК РФ реконструкция линейных объектов – это изменение параметров линейных объектов или их участков (частей), которое влечет за собой изменение класса, категории и (или) первоначально установленных показателей функционирования таких объектов (мощности, грузоподъемности и других) или при котором требуется изменение границ полос отвода и (или) охранных зон таких объектов.

Исходя из совместного толкования данных норм границы публичного сервитута в случае необходимости изменения параметров линейных объектов, при которых будут изменены границы полос отвода или охранных зон объектов, определяются в соответствии с установленными ДПТ границами зон планируемого размещения объектов либо в соответствии с размером полос отвода и (или) охранных зон. То есть ЗК РФ ставит размер публичного сервитута в зависимость либо от границ зон планируемого размещения объектов, указанных в ДПТ, либо от размера охранной зоны линейного объекта. Логично предположить, что в случае, если публичный сервитут ранее уже был установлен на линейный объект, и после реконструкции его площадь увеличилась, должна соразмерно увеличиться и площадь самого публичного сервитута. Вероятно, возможность уточнения границ самого публичного сервитута в такой ситуации могла бы быть вполне удобным и простым решением. Однако сам ЗК РФ ограничивает случаи и условия, при которых возможно уточнение местоположения границ публичного сервитута.

Согласно п. 6 ст. 39.50 ЗК РФ в связи с реконструкцией, капитальным ремонтом, влекущими изменение исключительно местоположения инженерного сооружения, обладатель публичного сервитута вправе самостоятельно уточнить местоположение границ публичного сервитута при соблюдении следующих условий:

- 1) общая площадь публичного сервитута не увеличивается;
- 2) действие публичного сервитута не распространяется на земельные участки, которые предоставлены или принадлежат гражданам и (или) юридическим лицам и ранее не были обременены публичным сервитутом;

3) расстояние от инженерного сооружения до границы публичного сервитута изменяется не более чем на десять процентов от первоначального расстояния;

4) такое изменение не приводит к нарушению требований безопасной эксплуатации зданий, сооружений.

Другими словами, уточнение границ уже существующего публичного сервитута возможно только в случае изменения местоположения инженерного сооружения, другие характеристики, в том числе увеличение площади объекта, изменяться не могут.

Складывается ситуация, при которой лицо, реконструировавшее свой линейный объект, и ранее установившее публичный сервитут на земельные участки, на которых он находится, не имеет иного выхода, кроме как ходатайствовать об установлении отдельного публичного сервитута на земельные участки, на которых расположена новая часть такого объекта.

Из вышесказанного следует, что российское законодательство если и не закрепляет, то как минимум не запрещает возможность установления публичного сервитута для нужд реконструкции части линейного объекта в случае изменения его параметров. Норма п. 6 ст. 39.37 ЗК РФ как раз подразумевает возможность и необходимость установления такого размера публичного сервитута, который требуется для реконструкции части инженерных сооружений, являющихся линейными объектами.

Однако у государственных органов иное мнение. По всей видимости, сформировавшаяся позиция по данному вопросу в своей основе опирается на буквалистскую трактовку отдельно взятых норм гл. V.7 ЗК РФ без их системного анализа. Так, придается слишком большое значение указанию во всех статьях ЗК РФ понятия «публичный сервитут» в единственном числе, что как бы должно обосновывать необходимость установления исключительно одного публичного сервитута для целей размещения линейного объекта. Как справедливо отмечает Т.С. Краснова, многие термины следует толковать расширительно в силу содержания статей гл. V.7 ЗК РФ [3].

В таком случае предлагаем развить позицию государственных органов. Например, если после реконструкции линейного объекта невозможно уточнить границы публичного сервитута, а также установить ещё один публичный сервитут, возможно стоит предпринять иные действия, необходимые для размещения такого объекта на чужих земельных участках. Прежде всего, пп. 2 п. 8 ст. 39.8 ЗК РФ устанавливает, что для размещения линейных объектов заключается договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок до сорока девяти лет, также на основании п. 2 ст. 49 ЗК РФ допускается изъятие земельных участков в случае строительства, реконструкции линейных объектов федерального и регионального значения, обеспечивающих деятельность субъектов естественных монополий (при отсутствии других возможных вариантов строительства, реконструкции этих объектов). В то же время такие варианты невозможно реализовать в силу той позиции, что

публичный сервитут подлежит установлению в отношении всего линейного объекта. В этом случае также неясно, каким образом возможно установить публичный сервитут на весь линейный объект. Установление нового публичного сервитута возможно только в порядке, предусмотренном гл. V.7 ЗК РФ. Представляется, что новый публичный сервитут не может накладываться на уже существующий, следовательно, старый публичный сервитут необходимо прекратить. Основания прекращения публичного сервитута можно разделить на две группы: в силу истечения срока сервитута, предусмотренного соглашением об осуществлении публичного сервитута (39.45 ЗК РФ), и в силу решения уполномоченного органа (п. 4 ст. 48 ЗК РФ). В первом случае публичный сервитут будет действовать до момента, установленного в соглашении, а значит не будет никакой возможности его прекратить при отсутствии такого намерения, а во втором необходимы виновные действия (бездействие) обладателя сервитута, такие как неосуществление деятельности, для обеспечения которой установлен публичный сервитут и невнесение платы либо отказ лица от этого сервитута.

Можно было бы предположить, что владелец публичного сервитута откажется от него в пользу установления нового, однако закон явно не допускает такой ситуации, при которой бы лицо отказалось от сервитута, а линейный объект все еще бы находился на земельных участках без их законно установленного обременения и использовался в хозяйственной деятельности.

Также в ЗК РФ отсутствует такое основание отказа в установлении публичного сервитута как «нарушение требования об установлении одного сервитута на весь линейный объект». Пункт 1 ст. 39.44 ЗК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для отказа в установлении публичного сервитута, лишь одно из которых можно интерпретировать как не допускающее установление нескольких публичных сервитутов на один объект. Так, согласно пп. 6 п. 1 ст. 39.44 ЗК РФ в установлении публичного сервитута должно быть отказано, если границы публичного сервитута не соответствуют предусмотренной ДПТ зоне размещения инженерного сооружения в случае подачи ходатайства об установлении публичного сервитута в целях, предусмотренных пп. 1, 3 - 4.1 и 6 ст. 39.37 ЗК РФ, за исключением случая установления публичного сервитута в целях капитального ремонта инженерных сооружений, являющихся линейными объектами, а также в целях капитального ремонта участков (частей) таких инженерных сооружений.

Буквальное толкование данной нормы позволяет утверждать, что одно лишь несовпадение границ публичного сервитута зоне размещения инженерного сооружения, предусмотренной в ДПТ, является основанием для установления такого сервитута. Такой подход в отрыве от всего контекста гл. V.7 ЗК РФ, который был описан ранее, в особенности нормы п. 6 ст. 39.41

ЗК РФ, представляется неверным, так как само по себе несовпадение границ публичного сервитута для части инженерного сооружения всей зоне его размещения, предусмотренной ДПТ, ещё не означает, что сервитут не может быть установлен, и его функции каким-либо образом не будут выполняться.

В данном случае, учитывая, что при реконструкции инженерного сооружения ДПТ требуется не всегда, существенным условием установления публичного сервитута видится его совпадение с прежде установленными сервитутами таким образом, чтобы вместе они покрывали всю фактическую область охранной зоны объекта даже в отсутствие таких сведений в ЕГРН. В некоторой степени такой подход уже нашел свое отражение в судебной практике. Так, Арбитражным судом Московского округа в деле №А40-109727/21 было отмечено, что размеры охранных зон газораспределительных сетей императивно определены нормативным правовым актом, а отсутствие сведений о границах охранной зоны газораспределительной сети в ЕГРН не является основанием для отказа в установлении публичного сервитута, поскольку это не предусмотрено статьей 39.44 ЗК РФ [4].

Еще один довод в пользу возможности установления нескольких публичных сервитутов содержится в пп. 3 п. 5 ст. 39.41 ЗК РФ – к ходатайству об установлении публичного сервитута прилагаются копии документов, подтверждающих право на инженерное сооружение, если подано ходатайство об установлении публичного сервитута для реконструкции или эксплуатации указанного сооружения, реконструкции или капитального ремонта его участка (части), при условии, что такое право не зарегистрировано. То есть сам закон предусматривает необходимость подачи ходатайства и документов для установления публичного сервитута в случае создания новой, еще не зарегистрированной в установленном законом порядке, части одного инженерного сооружения.

Решение данной проблемы видится в изменении нормы пп. 6 п. 1 ст. 39.44 ЗК РФ, которую можно дополнить следующим положением: «...за исключением случаев, когда разработка ДПТ не требуется, а также установления публичного сервитута в целях капитального ремонта инженерных сооружений, являющихся линейными объектами и капитального ремонта участков (частей) таких инженерных сооружений».

В случае отсутствия требования о разработке ДПТ в отношении линейного объекта в установлении публичного сервитута должно быть отказано в случае несовпадения границ публичного сервитута границам охранной зоны такого объекта».

Таким образом, существующая практика отказов государственных органов в установлении публичных сервитутов на часть объекта противоречит существу правового регулирования гл. V. 7 ЗК РФ, а само законодательство нуждается в дальнейшей проработке и конкретизации отдельных норм.

Список использованных источников

1. Майборода В.А. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ "О приватизации государственного и муниципального имущества" // СПС "КонсультантПлюс", 2019.
2. Краснова Т.С. Установление сервитута для размещения линейного объекта федерального или регионального значения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 187.
3. Краснова Т.С. Публичный сервитут для размещения линейного объекта: комментарий к новеллам Земельного кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 134.
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 марта 2022 г. по делу № А40-109727/21 // СПС "КонсультантПлюс".

Максименко Александр Владимирович,
начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

Архипцев Иван Николаевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЭКОЛОГИИ И ЭНЕРГЕТИКЕ

Аннотация. В статье авторами рассматриваются актуальные вопросы использования возможностей искусственного интеллекта в человеческой деятельности, в том числе экологии и энергетике. В частности, затронуты различные сферы применения искусственного интеллекта: беспилотные автомобили, военная техника, антропоморфные роботы, домашние роботы, роботы-полицейские, роботы-учителя и другие сферы его использования. Особое место уделено исследованию сфер применения искусственного интеллекта в экологии и энергетике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, экология, энергетика, прогнозирование экологических рисков, предупреждение.

Мы можем заглянуть в будущее лишь на немного вперед,
но при этом мы можем увидеть очень многое,
что нужно будет сделать.
Алан Тьюринг

В настоящее время искусственный интеллект (далее – ИИ) или его отдельные элементы применяются в самых различных видах человеческой деятельности, начиная с гражданской, и заканчивая военной сферами, а именно:

1. Беспилотные автомобили (например, автомобиль Tesla Илона Маска, беспилотные машины других ведущих автомобильных концернов мира). В настоящее время уже, наверное, никого в развитых странах не удивит

ситуациями, когда ИИ сам управляет и паркует автомобили. Также известны случаи, когда водитель автомобиля в процессе его управления терял сознание, и робот в этой ситуации самостоятельно уменьшал скорость и останавливал машину. Так, например, система помощи водителю обнаружила, что человек не реагирует на запросы, ИИ смог замедлить автомобиль и остановил его на той же полосе движения, по которой и ехал автомобиль [1].

2. Беспилотная военная техника: боевые машины, боевые дроны (из российской военной техники следует привести боевой роботизированный комплекс «Уран-9», БПЛА С-70 «Охотник» [2], в настоящее время продолжаются исследования по созданию самолёта 6-поколения, который будет предлагаться и в беспилотном варианте, с управлением ИИ). Безусловно, ИИ открывает большие возможности в военных разработках и технологиях. Как правило, их содержание является государственной тайной в любом государстве.

3. Антропоморфные роботы. Новой сферой развития человечества стали роботы, в том числе антропоморфные (то есть внешне похожие на человека). Сегодня данное направление очень активно развивается, роботы постоянно совершенствуются, так, например, сейчас они могут разговаривать, двигать частями тела, отвечать вопросы, оказывать помощь в производственной деятельности человека и выполнять многое другое [3].

4. Домашние роботы. Например, робот-сиделка. В сентябре 2021 года компания Amazon представила робота Astro. Amazon Astro также может контролировать безопасность и защиту в доме, когда владельца нет рядом. Робот может перемещаться по дому, чтобы убедиться, что в нем все в порядке. Он также может контролировать ключевые функции организма человека, такие как артериальное давление, пульс и т.д. [4].

5. Робот-полицейский. И это не название одноименного американского фильма 1987 года, а сегодняшняя реальность! Так в 2021 году на улицах Сингапура начал нести службу робот-полицейский [5].

6. Роботы-учителя. Например, в центре дополнительного образования «Технополис» в Сургуте начал преподавать робот Promobot. Устройство читает ученикам лекции, принимает экзамены, а также выступает в роли лабораторного стенда. При помощи робота учащиеся центра изучают робототехнику, включая программирование, электронику и мехатронику [6].

7. Роботы-доставщики продукции. Сегодня широко получило распространение использование в крупных городах и мегаполисах мира роботов, доставляющих заказы клиентам, например, почтовые отправления или еду. В России первопроходцем в этой области является компания Яндекс. В частности, «Яндекс» объявил о планах до конца 2023 года нарастить на 60% парк роботов-курьеров в России. В настоящий момент около 80 роботов компании работают в Москве, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан и Краснодарском крае. В общей сложности количество доставляющих заказы роботов вырастет до 130 [7].

8. Применение ИИ в медицине. Примером могут служить нано-роботы в медицине. Это направление является одним из самых перспективных и востребованных и может применяться, например, при лечении раковых опухолей, болезней мозга и т.д. [8].

9. Применение ИИ в экологии и энергетике. Искусственный интеллект имеет самые серьезные перспективы в экологии. Возможные области применения ИИ могут активно использоваться учеными для оказания им помощи в их работе по сохранению окружающей среды. Потенциал, предлагаемый ИИ, колоссален: техническое обслуживание ветряных турбин, облегчаемое использованием дронов с улучшенными инспекционными возможностями, прогнозирование наступления аномальной жары путем анализа погодных условий, контроль за развитием городов и эволюцией экосистем и т.д.

Указанные выше сферы применения роботов являются не полными и их можно еще продолжать, однако в своей работе хотелось бы более подробно остановиться на последних сферах применения искусственного интеллекта – в экологии и энергетике.

Так, ученые лаборатории лазерного молекулярного имиджинга и машинного обучения Томского госуниверситета разработали эффективный алгоритм для многокомпонентного анализа газовых проб при помощи ИИ. В качестве инструментов применяются методы спектроскопии. Созданная учеными глубокая нейросеть и специальные алгоритмы позволяют анализировать большое количество компонентов в газовых смесях. Новый подход улучшит качество экологического мониторинга в зоне промпредприятий, а также позволит оценивать интенсивность выбросов парниковых газов [9].

Следующим примером применения ИИ в экологии является интеллектуальная цифровая система для экомониторинга озера Байкал, которая представляет собой нейросетевой алгоритм для автоматического анализа проб воды, распознавания и классификации микроорганизмов. Внедрение искусственного интеллекта упрощает работу биологов, которые много лет подсчитывали и определяли микроорганизмы вручную, а также позволяет в короткие сроки прогнозировать состояние экосистемы озера, оценивать влияние климатических изменений [10].

В свою очередь, ученые Московского физико-технического института совместно с Минприроды России активно внедряют технологии искусственного интеллекта (сверточных нейросетей) для мониторинга биоразнообразия на особо охраняемых природных территориях Российской Федерации. Автоматическая обработка фотоматериала позволяет отслеживать популяцию диких животных, вести их учет, находить нарушителей в том числе в труднодоступных местах. Сначала ученые научили ИИ просто отбирать кадры по папкам (животные, техника, люди), удаляя лишние фотографии. После упорядочивания фотоархива родилась новая задача — определить, какое животное на фотографии. В итоге программа уже «знает» около 30 видов дикой фауны [11].

В заключение выделим наиболее перспективные направления использования искусственного интеллекта в экологии и энергетике:

1. Искусственный интеллект играет все более важную роль в моделировании погоды, климата и качества воздуха. Изменение климата явно повлияло на погодные системы, а также на качество воздуха, особенно в населенных пунктах. Исследователи работают над способами моделирования этих изменяющихся систем, чтобы ограничить негативные последствия изменения климата.

2. Наблюдение Земли из космоса является ключевым инструментом в изучении экологических рисков. Спутники могут использоваться для наблюдения за климатом и мониторинга изменений в окружающей среде и составе Земли. Спутниковые снимки могут помочь исследователям моделировать и создавать прогнозы в таких областях, как погода, здания, леса и биоразнообразии. Океаны играют жизненно важную роль в будущем планеты, начиная с течений, влияющих на климат, и заканчивая бесчисленными видами, которые зависят от них для жизни. Искусственный интеллект играет важную роль в мониторинге движений океана, а также отслеживании численности и привычек видов, чтобы делать прогнозы и лучше защищать эти важные экосистемы. Таяние ледяных шапок из-за изменения климата является одной из наиболее важных экологических опасностей, с которыми сталкивается сегодня планета. Полярная наука является ключевым инструментом мониторинга изменений в полярных регионах с целью защиты этих хрупких экосистем и, следовательно, планеты в целом. Так сейчас искусственный интеллект уже играет ключевую роль в решении этой задачи.

3. Улавливание углерода сыграет ключевую роль в сокращении общих выбросов углерода на планете. Искусственный интеллект в настоящее время успешно внедряется в этих областях, от молекулярного до операционного уровней, для улучшения процессов и разработки новейших технологий.

4. Искусственный интеллект играет все более важную роль в экологических опасностях и снижении риска бедствий, причем эти разрушительные события происходят гораздо чаще из-за последствий изменения климата. Развитие ИИ в этой области в настоящее время является неотъемлемой частью прогнозирования экстремальных явлений, таких как наводнения, циклоны, землетрясения и оползни, в дополнение к отслеживанию событий по мере их возникновения и поддержке процессов принятия решений на местах.

5. Возобновляемые источники энергии, сокращение спроса на энергию и управление ее воздействием на окружающую среду, а также оценка риска также являются ключевыми факторами, которые необходимо учитывать при переходе России к низкоуглеродному обществу. Главой нашего государства поставлена задача не позднее 2060 года достичь углеродной нейтральности российской экономики. По словам В.В. Путина, важно продолжать развивать сотрудничество в рамках БРИКС в области декарбонизации экономики, снижения антропогенного воздействия на природу, адаптации к изменениям

климата. Выполнению климатических целей могут способствовать самые разные технологии, в том числе те, что уже давно используются, такие как атомная генерация, гидроэнергетика, газовое моторное топливо [12]. В частности, примером здесь может служить планируемое строительство Пенжинской ПЭС [13], где без использования возможностей ИИ явно не обойтись.

6. Использование искусственного интеллекта в атомной (ядерной) энергетике. В настоящее время Российская Федерация является одной из ведущих стран в области использования мирного атома, и его применению в энергетике, в строительстве и эксплуатации блоков АЭС. В частности, ИИ может активно использоваться в обеспечении безопасности на объектах атомной энергетике, например, выявлении трещин или изменений реактора, оптимизации эксплуатации АЭС (энергобезопасность, экономичность эксплуатационных процессов), прогнозированию рисков на объектах атомной энергетике и т. д. [14, с. 131-139].

7. Изменение климата и деятельность человека угрожают лесам и природным ресурсам по всему миру. На природные ресурсы и мир природы ложится огромная нагрузка. Искусственный интеллект играет решающую роль в моделировании и анализе этих изменений, и предоставлении решений для смягчения и даже обращения вспять некоторых последствий изменения климата для лесов и природных ресурсов.

Список использованных источников

1. Автопилот Tesla спас жизнь водителю, предотвратив аварию на дороге в Норвегии. Эл. ресурс: <https://www.autoparus.by/publication/42186>.

2. «Проблема с системой искусственного интеллекта»: У ударного БПЛА «Охотник» в качестве перехватчика мало шансов перед пилотируемым истребителем. URL: <https://topwar.ru/182922-problema-s-sistemoj-iskusstvennogo-intellekta-u-udarnogo-bpla-ohotnik-v-kachestve-perehvatchika-malo-shansov-pered-pilotiruemym-istrebitelem.html>.

3. Учат детей физике и выходят на красную дорожку. Что умеют роботы сегодня. И могут ли они заменить людей в строительстве, торговле и других областях. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6400c48f9a79477a666cd17d>.

4. Представлен домашний робот-помощник Amazon Astro. Эл. ресурс: <https://www.ixbt.com/news/2021/09/29/predstavlen-domashnij-robotpomoshnikamazon-astro.html>.

5. В Сингапуре роботы-патрульные начали следить за общественным порядком на улицах. URL: https://www.unian.net/science/v-singapore-roboty-patrulnye-nachali-sledit-za-obshchestvennym-poryadkom-na-ulicah-novosti-11536114.html?__cf_chl_captcha_tk__=pmd_YmB.gocTL0l_qxt06zwGgWCxXrGjnX6LRx9H0OoCW2bU-1632866980-0-gqNtZGzNA1CjcnBszQll.

6. «Системе образования конец»: смогут ли роботы заменить учителей. Эл. ресурс: https://www.gazeta.ru/tech/2021/07/27/13787258/Robo_teacher.shtml.

7. «Яндекс» объявил о планах на 60% расширить парк роботов-курьеров в РФ. URL: <https://habr.com/ru/news/755146/>.

8. Магнитный микроробот доставит нейроны в мозг. URL: <https://nplus1.ru/news/2020/10/02/neuro-robot>.

9. Глубокая нейросеть помогает учёным выделять компоненты из сложных газовых проб. Эл. ресурс: <https://lmiml.tsu.ru/2023/04/21/глубокая-нейросеть-помогает-учёным-в/>.

10. Бычков, И.В. Фундаментальные основы, методы и технологии цифрового мониторинга и прогнозирования экологической обстановки Байкальской природной территории / И.В. Бычков // Россия в XXI веке в условиях глобальных вызовов: проблемы управления рисками и обеспечения безопасности социально-экономических и социально-политических систем и природно-техногенных комплексов : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 26–27 апреля 2022 года / Российская академия наук, Международный независимый эколого-политологический университет, Государственный университет управления. Том Выпуск 1. Москва: Государственный университет управления, 2022. С. 37-41.

11. Как искусственный интеллект защищает российские заповедники. Эл. ресурс: <https://tvtn.ru/science/technologies/kak-iskusstvennyj-intellekt-zashhi-shhaet-rossijskie-zapovedniki/>.

12. Путин подтвердил планы достичь углеродной нейтральности экономики РФ до 2060 года. Эл. ресурс: <https://tass.ru/ekonomika/18562621>.

13. Пенжинская ПЭС: состояние проекта и перспективы. URL: <https://fb.ru/article/385430/penjinskaya-pes-sostoyanie-proekta-i-perspektivy/>.

14. Лизикова, М.С. Искусственный интеллект в атомной энергетике: применение и регулирование / М.С. Лизикова // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : Коллективная монография. В 4-х томах. – Москва : Проспект, 2020. – С. 131-139.

Яковлев Валерий Иванович,
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ESG ПРИНЦИПЫ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РЕГУЛИРОВАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

***Аннотация.** «Мягкая сила» как термин и как явление экономической и политической составляющей развития все в большей степени привлекает внимание различных исследователей. Предложенные Кофи Аннаном и изначально обладающие исключительно позитивным, направленным на обеспечение устойчивого, учитывающего одновременно и социальные задачи, и потребности в сохранении окружающей среды принципы устойчивого развития постепенно через систему рейтинговых организаций стали приобретать элементы механизма осуществления определенного воздействия, как на отдельных хозяйствующих субъектах, так и на целые отрасли экономики.*

Автором предпринимается попытка поиска и обоснования механизмов объективирования информации о внедрении организацией управленческих стратегий, обеспечивающих реализацию ESG принципов в целях принятия потенциальными инвесторами мотивированных решений.

***Ключевые слова:** ESG принципы, устойчивое развитие, рейтинги устойчивого развития, «мягкая сила».*

Аббревиатура ESG представляет собой сочетание первых букв английских слов – environment, social и governance, что в сочетании и с точки зрения менеджмента означает использование организацией управленческих стратегий, направленных на обеспечение охраны окружающей среды, социальную ответственность и внедрение высоких стандартов корпоративного управления.

Фактически указанные принципы, впервые предложенные Кофи Аннаном в 2004 году на современном этапе, воспринимаются как критерии устойчивого развития и постепенно их первоначальное восприятие в качестве неких добровольных, не влекущих за собой экономических, рискованных и иных последствий для участника рыночных отношений трансформировалось в показатели, существенным образом влияющие на его конкурентное положение. Кроме того, значимость использования исследуемых принципов проявляется в том внимании, которое их реализации уделяется на международном и национальном уровне, примером тому являются отраженная в Резолюции ООН от 15 сентября 2015 г. «Повестка дня в области

устойчивого развития на период до 2030 г.» [9] или утверждающее критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого развития) Постановление Правительства РФ [3]. Отмечаем при этом, что хозяйствующие субъекты внедряя рассматриваемые принципы заостряют внимание именно на факторах охраны окружающей среды и использовании в производственной и коммерческой деятельности инструментов, уменьшающих негативное на нее воздействие.

Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи. Так, В.А. Лаптев со ссылками на законодательные и подзаконные нормативные правовые акты констатирует значимость повестки зеленой энергетики, квотирования углеродных выбросов, внедрения классов энергоэффективности, развития технологий получения энергии из альтернативных и возобновляемых источников и низкоуглеродной энергетики именно с позиции реализации в предпринимательской деятельности ESG принципов [6]. Рассматривая концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики Е.В. Новикова отмечает, что понятие устойчивое развитие включает не только переход на возобновляемые источники энергии, но и энергоэффективность и ресурсосбережение, предлагая разработку и принятие Концепции правового обеспечения «зеленой» энергетики, призванной устранить существующие пробелы, упорядочить понятийный аппарат и решить многие проблемы правового регулирования [8].

Внедрение в экономическую сферу ESG-принципов порождает так называемое «озеленение» широко применяемых в хозяйствовании механизмов, начиная от «зеленых» инвестиций и завершая «зеленым» арбитражем. Не возражая против концептуального направленного на охрану окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов и сохранение их для будущих поколений подхода, отмечаем присутствие существенного перекоса в предполагающей не только экологичность, но и обеспечивающей социальную направленность управленческих концепций триаде принципов в сторону «зеленого» развития.

Безусловно, обеспечение экологической устойчивости, снижение негативного воздействия на окружающую среду различных техногенных факторов в целом является социально значимой деятельностью, однако не следует упускать из виду, что не меньшее социальное значение имеет и удовлетворение потребностей граждан в качественных товарах и услугах, производство которых требует стабильного привлечения соответствующих энергетических ресурсов.

Несмотря на нормативно закрепленные предписания по широкому внедрению альтернативных и возобновляемых источников энергии, отсутствуют объективно обоснованные критерии, на которые необходимо опираться в оценке их эффективности.

В действительности активно применяются лишь нормативно установленные показатели экологической безопасности производств, нормы и

нормативы содержания вредных веществ в выбросах промышленных отходов и подобные направленные на охрану окружающей среды элементы.

В уже упоминавшейся нами выше публикации В.А. Лаптев предлагает отражать в ЕГРЮЛ и в иных реестрах в качестве идентификаторов хозяйствующего субъекта показатели его зеленой энергетики и энергоэффективности.

С точки зрения применения показателей энергетической эффективности действующее законодательство на современном этапе предусматривает диспозитивное проведение энергетического обследования в отношении технологических процессов, юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, а также императивное декларирование государственными или муниципальными органами и учреждениями потребления энергетических ресурсов [5].

Реализация указанного предложения уважаемого ученого, со всей очевидностью потребует установления не инициативного, а обязательного энергетического обследования всех хозяйствующих субъектов по причине того, что соответствующие сведения об их энергетической эффективности должны отражаться в реестре.

Иными словами, итогом замены урегулированного на современном этапе добровольного энергетического обследования обязательным будет, с одной стороны, увеличение регулятивного воздействия на осуществление хозяйственной деятельности, с другой – создание не совсем обоснованных, по нашему мнению, преференций уполномоченным осуществлять энергетическое обследование лицам.

Кроме того, самым автором со ссылкой на сделанный более пятидесяти лет назад академиком П.Л. Капицей доклад подчеркивается математически обусловленное отсутствие альтернативы ядерной энергетике, говоря лишь о возможности ее частичной замены, что фактически свидетельствует о низкой именно энергетической эффективности «зеленых» источников.

Вынуждены констатировать фактическое отсутствие на современном этапе закрепленных на нормативном уровне объективных и понятных критериев, применимых для оценивания соответствия хозяйствующих субъектов не только всей совокупности принципов устойчивого развития, но и такой их составляющей, как экологичность.

Оценивая деятельность российских корпораций с позиции ESG подхода Н.В. Кузнецов и Н.Е. Котова подчеркивают взаимосвязанность и косвенное влияние всех целей устойчивого развития, необходимость системного подхода к разрешению глобальных проблем с привлечением действующих в условиях слаженной кооперации государства, бизнеса и общества, отмечая также, что 8 из 17 обозначенных ООН в рамках Повестки 2030 целей соответствуют именно экологическому направлению [2].

Проявлением активности во внедрении концепций устойчивого развития со стороны отечественного бизнес-сообщества следует считать утвержденную Российским союзом промышленников и предпринимателей

еще в 2004 году и действующую в настоящее время в редакции 2021 г. Социальную хартию российского бизнеса [12]. Фактически упомянутый документ может рассматриваться с позиции осуществляемого со стороны объединения хозяйствующих субъектов саморегулирования в условиях отсутствия целостной нормативной регламентации со стороны публичной власти.

Представляется, что следствием отсутствия единых нормативно закрепленных критериев соответствия хозяйствующих субъектов концепциям устойчивого развития и является широкая инициатива со стороны бизнес ассоциаций, предлагающих использовать разработанные ими индикаторы, на базе которых и должен осуществляться мониторинг.

Как отмечает М.В. Мажорина, уже существует и используется более четырехсот различных индексов, используемых крупнейшими провайдерами, отличительными аспектами которых является отсутствие публичности и субъективизм, в итоге чего оценки компаний различными агентствами нередко не совпадают [7].

Так, по данным, представленным РБК, рейтингование с позиции соблюдения ESG принципов осуществляется исследовательскими агентствами Bloomberg, S&P Dow Jones Indices, JUST Capital, MSCI, Refinitiv и другими, оценивающими отдельно показатели экологичности, социальной ответственности и внедрения стандартов корпоративного управления по собственным шкалам и критериям оценивания. Единства подходов в используемых критериях и шкалах оценивания не наблюдается и поэтому представляемые различными агентствами рейтинги могут существенно отличаться.

Если взять в качестве примера используемый в частности на территории нашей страны проводимый RAEX EUROPE ESG – ренкинг, то по состоянию на 1 ноября текущего года лидирующие позиции занимают «Сбер» и «Фосагро» при том, что у обеих компаний – и у занимающегося финансовой деятельностью Сбербанка, и у производителя сельскохозяйственных химикатов «Фосагро» рейтинг экологичности оценивается одинаково – АА [11] и отличия присутствуют фактически в показателе социальной ответственности.

Кроме того, сам РСПП не ограничился только принятием упомянутой выше Социальной хартией, а еще и осуществляет ведение собственных рейтингов индексов устойчивого развития, в которых упомянутая выше компания «Фосагро» также присутствует в списке занимающих лидирующие позиции организаций при полном отсутствии ПАО «Сбер» [10].

В последние десятилетия в политическом и юридическом сообществе с все большей интенсивностью обсуждается концепция «мягкой силы», интерполируемой государствами в различных секторах экономики и в социальной сфере. На уровне нормативного регулирования определение «мягкой силы» было сформулировано в утратившей свою силу Концепции внешней политики РФ от 12 февраля 2013 г. как применяемого для решения

внешнеполитических задач комплексного инструментария использования альтернативных классической дипломатии методов и технологий, направленных на использование телекоммуникационных технологий, возможностей гражданского общества, правозащитных организаций и т.д.

Основоположник концепции «мягкой силы» (soft power) Джозеф С. Най отмечал, что мягкая сила в отличие от жесткой позволяет добиваться желаемых результатов на основе привлекательности [13].

Обращаем внимание на степень конкретизации формулировок, использованных в двух приведенных дефинициях. Предложенное американским политологом определение сформулировано настолько завуалировано, что не возникает никаких ассоциаций с теми инструментами, которые будут использоваться при реализации «мягкого» воздействия.

Представляется, что вариативность присутствует не только в формулировке определения мягкой силы, но и в самом подходе, используемом при ее применении и немаловажное значение в формировании «привлекательности» уделяется деятельности различных рейтинговых агентств.

Учитывая отсутствие информации об используемых для рейтингования ESG показателей критериев, позволяющих установить применяемые объективные данные при распределении компаний предлагаем обратиться к публикуемым кредитным рейтингам государств с учетом присутствия объективных данных об их экономике, включающих величину государственных долгов, ВВП, их соотношение и т. д.

Так, по опубликованным биржевым порталом Take-profit.org кредитным рейтингам от трех ведущих рейтинговых агентств S&P? Moody's и Fitch США занимают тринадцатое место с показателем не ниже AA+, в то время как Китай находится на тридцать второй позиции с показателем A+, уступая такому экономическому гиганту как Эстония [1]. Использование перечисленных нами выше объективных данных об экономических показателях названных экономик свидетельствует, что США и Китай соревнуются между собой за первое место по уровню ВВП, а Эстония по этому показателю находится в районе сотой позиции, при этом государственный долг США превышает показатель ВВП в полтора раза, а Китая составляет около шестидесяти процентов от него. При этом, несмотря на то, что с января 2019 г. до настоящего времени госдолг США вырос с 22 до 33 трлн долл. (в полтора раза), их кредитный рейтинг фактически не изменился. Говоря об изменениях, мы имеем ввиду добавление некоторыми агентствами негативного прогноза к его динамике. Учитывая то обстоятельство, что кредитные рейтинги, как собственно и рейтинги ESG широко используются инвесторами при построении своих инвестиционных стратегий, напрашивается вполне логичное предположение об активном использовании данного механизма для формирования именно той «привлекательности», которая по выражению Дж.С. Найа и составляет суть «мягкой силы».

В целях эффективного противодействия воздействию иностранной «мягкой силы» на основе выше изложенных рассуждений можем предложить следующие контрмеры. Во-первых, считаем не применимыми всевозможные запреты на использование результатов рейтингов или установление обязательных для использования в рейтингах показателей со стороны публичной власти. Запреты, а также обязательные для применения показатели повлекут необходимость установления контроля их соблюдения и, как следствие, определение компетентного его осуществлять государственного органа, установление административного регламента процедуры контроля, соблюдение прав хозяйствующих субъектов в ходе реализации контрольных действий.

Во-вторых, достаточно эффективной мерой представляется закрепление предписания об обязательном раскрытии рейтинговыми агентствами перечня, содержания и показателей, используемых при составлении рейтингов критериев. Раскрытие данной информации объективирует для лиц, ориентирующихся на данные соответствующих рейтингов указанные в них значения.

В-третьих, в целях обеспечения сопоставимости рейтинговых показателей рекомендовать осуществляющим ведение соответствующих рейтингов организациям или их объединениям в качестве оценочных критериев использовать, например, закрепленные в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [4] приоритеты.

Список использованных источников

1. Кредитный рейтинг стран от биржевого портала Take-profit.org // <https://take-profit.org/statistics/credit-rank/> (дата обращения 05.11.2023).
2. Кузнецов Н.В., Котова Н.Е. Оценка деятельности российских государственных корпораций с позиции ESG-подхода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11-2.
3. Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 (ред. от 11.03.2023) // интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.09.2021.
4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 16.02.2023) // интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.04.2014.
5. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации: Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 30.11.2009. № 48, ст. 5711.

6. Лаптев В.А. К вопросу о зеленой энергетике в системе ESG-принципов и их реализация в предпринимательстве // Сборник материалов IV международной научно-практической конференции «Энергетическое право: модели и тенденции развития». Белгород, Изд. дом. НИУ БелГУ. 2023.

7. Мажорина М.В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 185 - 198.

8. Новикова Е.В. Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // Экологическое право. 2020. № 5. С. 3 - 10.

9. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения 05.11. 2023).

10. Рейтинг ESG Российского союза промышленников и предпринимателей // <https://rspp.ru/upload/iblock/b47/18cf0jlyuqbvlxsdf2s6m1q1qw8wi9x8/Indeksy-RSPP.PDF> (дата обращения 05.11.2023).

11. Ренкинг ESG RAEX EUROPE ESG // https://www.raexpert.eu/esg_corporate_ranking/ (дата обращения 05.11.2023).

12. Социальная хартия российского бизнеса // <https://www.npmsopau.ru/doc/Documenti/> (дата обращения 05.11.2023).

13. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004. P. 10 (цитируется по Красинский В.В. Защита государственного суверенитета: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 608 с.).

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Баштовой Сергей Вячеславович,
ассистент кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Севастопольского государственного университета
(Севастополь, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОДЕКСА КАК КОМПЛЕКСНОГО НОРМАТИВНОГО АКТА В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В научной статье исследуется вопрос целесообразности систематизации энергетического законодательства Российской Федерации, а именно принятия на основе действующих правовых норм в сфере энергетики единого унифицированного нормативного акта – «Энергетического кодекса Российской Федерации». Автором проанализировано действующее энергетическое законодательство Российской Федерации (общее и специальное), а также позиции исследователей-правоведов и на основе такого анализа сформирована своя точка зрения относительно обоснованности принятия такого законодательного документа.

Ключевые слова: энергия, энергетика, энергетическое законодательство, систематизация, Энергетический кодекс Российской Федерации

С того времени, как наша цивилизация начала развиваться как цивилизация техногенная, прошёл достаточно большой период времени. К естественным потребностям человека, живущего в условиях современной цивилизации, относятся не только такие ресурсы, как воздух, вода, продукты питания, но и энергия, а именно: электроэнергия, тепловая энергия, ядерная энергия и т.д. Учитывая климатические условия, а также размеры нашего государства, для экономики Российской Федерации, уровня жизни населения Российской Федерации нет ничего важнее энергетики.

Энергетическая отрасль представляет собой базовую отрасль развития нашего государства, которая влияет на другие отрасли экономики Российской Федерации. Ведение различных дискуссий относительно научно-технического прогресса, цифровизации, роботизации, развитии искусственного интеллекта и т.д., мы можем только после того, как будем уверены, что с проблемами, связанными с развитием энергетической отрасли нашего государства на всех уровнях, а именно: правовом, экономическом и т.д., Российская Федерация уверенно справляется. Учитывая тот факт, что

энергетическая отрасль представляет собой ключевой сектор экономики Российской Федерации, а также краеугольный источник жизнеобеспечения населения государства, возникают проблемы, связанные с правовой основой отношений в сфере топливно-энергетического комплекса (далее ТЭК) внутри нашего государства, а также на международном уровне.

По мнению Романовой В.В., к источникам права, регулирующим на сегодняшний день отношения в сфере ТЭК, относятся: Конституция Российской Федерации; федеральные законы; подзаконные правовые акты; акты саморегулируемых организаций, а также локальные акты юридических лиц, содержащие нормы права; международные договоры Российской Федерации; обычаи; акты высших судебных инстанций; правовая доктрина [1].

Нельзя не согласиться с позицией Городова О.А., что фундаментом системы энергетического законодательства выступают конституционные нормы о гарантировании единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности, о свободном, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц, владении, пользовании и распоряжении землей и другими природными ресурсами, о нахождении в ведении Российской Федерации федеральных энергетических систем, ядерной энергетики, расщепляющихся материалов, о нахождении в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации земельного, водного, лесного законодательства, законодательства о недрах, об охране окружающей среды и вопросов владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами [2].

Из кодификационных актов необходимо выделить следующие: Гражданский кодекс Российской Федерации; Градостроительный кодекс Российской Федерации; Земельный кодекс Российской Федерации; Налоговый кодекс Российской Федерации; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Уголовный кодекс Российской Федерации [1].

Говоря о нормативных правовых актах в сфере ТЭК, следует упомянуть, что в научной доктрине они делятся на следующие группы: 1) федеральные законы в сфере энергетики, регулирующие определенные отношения в топливно-энергетическом комплексе вне зависимости от конкретной отрасли (электроэнергетика, нефтяная промышленность и т.д.) либо такие, которые регулируют отношения одновременно в нескольких отраслях энергетики; 2) федеральные законы, регламентирующие отношения в определенной сфере энергетики (электроэнергетика, теплоснабжение, газоснабжение и т.д.). [1]

К первой группе можно отнести такие федеральные законы как: Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»; Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации»; Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»; Федеральный закон от

23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и т.д.

Вторая группа состоит из специального законодательства в области ТЭК, задачей которого является правовое регулирование отношений в определенной отрасли энергетики, а именно: электроэнергетика, теплоснабжение, газовая, нефтяная отрасль и т.д. И так уж сложилось в правоприменительной практике, что основная нагрузка по правовому регулированию отношений в сфере энергетики легла именно на специальное законодательство.

Также, трудно отрицать значимость документов программного характера: программ, концепций, стратегий. Среди них особенно следует выделить Энергетическую стратегию Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 № 1523-р «Об Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». Разумеется, такие документы не регулируют отношения субъектов энергетического права напрямую, но обязывают органы государственной власти к разработке и принятию нормативных актов с определенным содержанием. [3]

Согласно Энергетической стратегии, Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 года № 1523-р, в экономике Российской Федерации топливно-энергетический комплекс занимает существенное место и играет роль базовой инфраструктуры, основы формирования доходов бюджетной системы РФ и крупнейшего заказчика для других отраслей. Основным качественным результатом первого этапа стратегии предполагается: создание базы для устойчивого поступательного развития энергетического сектора, включающей формирование целостной и апробированной нормативно-законодательной базы. Однако Энергетическая стратегия, как отмечалось ранее, не может выступать регулятором отношений в области ТЭК, она не отвечает признакам нормативно-правового акта как такового, а относится к документам планового характера.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что основная тяжесть правового регулирования в сфере энергетики ложится на нормативные правовые акты. Как справедливо отмечает Романова В.В., несмотря на имеющееся немалое количество нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере энергетики, имеются проблемы и пробелы в правовом регулировании как частноправовых, так и публично-правовых отношений. Это касается правового режима энергетических ресурсов, энергетических объектов, правового положения участников соответствующих общественных отношений, договорного регулирования, государственного регулирования и саморегулирования [4]. В связи с этим в научной доктрине возник дискуссионный вопрос относительно необходимости принятия единого унифицированного

нормативного правового акта в сфере энергетики, так называемого «Энергетического кодекса Российской Федерации». Мнения исследователей-правоведов относительно необходимости принятия такого законодательного акта разделились. Одни видят необходимость в его принятии, другие говорят о преждевременности и отсутствии готовности субъектов ТЭК к общему законодательному акту.

Так, П.Г. Лахно аргументирует необходимость принятия единого унифицированного акта как важнейшего межотраслевого законодательного акта, который создаст комплексное правовое регулирование в сфере энергетики. [5]. Аналогичного мнения придерживается и В.Ф. Попондопуло признавая, что принятие единого унифицированного акта в сфере энергетики построит стабильные, прозрачные правила поведения участников энергетических отношений, однако исследователь акцентирует внимание на том, что принятие такого акта необходимо в форме федерального закона, а не в виде кодификационного акта, поскольку предмет его правового регулирования должен охватывать разнородные отношения. При том В.Ф. Попондопуло отмечает, что комплексный характер имеют Земельный кодекс Российской Федерации, Кодекс торгового мореплавания и ряд других. Данный факт позволяет сделать вывод, что в Российской Федерации уже имеется практика кодификации комплексного законодательства. [6]

Отличительной чертой российского энергетического законодательства выступает его комплексный характер, который совмещает в себе как частноправовые, так и публично-правовые нормы. Главным вектором развития энергетического законодательства на наш взгляд должно стать именно гражданско-правовое регулирование отношений в сфере топливно-энергетического комплекса. При разработке единого унифицированного нормативного акта необходимо разработать единый терминологический и понятийный аппарат в области энергетического права, к примеру определить такие категории как энергия, энергетика с правовой точки зрения, поскольку ни один из ныне действующих нормативных актов не дает четкого определения указанных понятий, более того и в доктрине права нет единого мнения относительно правовой природы энергии как объекта правоотношений.

Сложности в разработке единого унифицированного акта обусловлены прежде всего природной спецификой различных энергетических ресурсов, что объясняет развитие отраслевого правового регулирования. Это касается регулирования отношений по добыче энергетических ресурсов, производству определенных видов энергии, транспортировке, передаче, хранению энергетических ресурсов, строительству соответствующих энергетических объектов, энергетической инфраструктуры. [7]

На основании вышесказанного, предлагаем согласиться с позицией исследователей относительно принятия единого нормативного акта – «Энергетического кодекса Российской Федерации». Принятие такого акта позволит произвести ревизию и существенно переработать действующее

законодательство в области энергетики, что даст возможность объединить и систематизировать оправдавшие себя действующие нормы в различных отраслях энергетики в единый нормативный акт обеспечив максимальную полноту правового регулирования отношений в сфере энергетики.

Список использованных источников

1. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник / под ред. доктора юридических наук В.В. Романовой. М.: Юрист, 2014. – 656 с.
2. Городов О.А. Введение в энергетическое право: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – 224 с.
3. Энергетическое право: учебник для магистратуры и бакалавриата / под ред. Р.А. Курбанова, К.И. Налетова. – Москва : Проспект, 2023. – 352 с.
4. Романова В.В. Тенденции развития правового регулирования общественных отношений в сфере энергетики и задачи энергетического права. // <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-pravovogo-regulirovaniya-obschestvennyh-otnosheniy-v-sfere-energetiki-i-zadachi-energeticheskogo-prava/viewer>
5. Лахно П.Г. Энергетический кодекс Российской Федерации – основополагающий юридический документ, регулирующий отношения в ТЭК // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3 (12). С. 27–29.
6. Попондопуло В.Ф. Энергетическое право и энергетическое законодательство: общая характеристика, тенденции развития // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 3 (272). С. 3–12.
7. Романова В.В. Энергетическое право. Учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М. : Издательская группа «Юрист», 2021. – 288 с.

Данилова София Алексеевна,
студент Международного института
энергетической политики и дипломатии
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России
(Москва, Россия)

ОПЫТ ВЕНЕСУЭЛЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ США И ЕС

Аннотация. В статье представлен анализ изменений, произошедших в начале XXI века в энергетическом законодательстве Боливарианской Республики Венесуэла, которые позволяют стране на современном этапе выходить из экономического кризиса, спровоцированного падением цен на нефть ввиду санкционной политики США и стран Западной Европы. Также, исследовано правовое регулирование нефтяной отрасли в стране, проведенного процесса национализации, дана характеристика последствиям “санкционного” давления на экономику страны, а также представлена правовая оценка законопроектов в сфере энергетики, рассматриваемых в настоящий момент парламентом Венесуэлы.

Ключевые слова: энергетическое законодательство, энергетическое право, Венесуэла, санкции в энергетическом секторе, станционная политика, энергетика, нефть.

На протяжении ряда десятилетий экономическая система Венесуэлы, основанная на добыче и экспорте нефти, являлась одной из наиболее благоприятных для инвестиционной деятельности среди стран Латинской Америки, в XX в. ВВП на душу населения находился на уровне европейских стран, а в 70-е гг. из-за арабо-израильской войны и арабского эмбарго на поставки нефти, котировки венесуэльской нефти резко возросли и занимали лидирующие позиции. Однако, ситуация изменилась после экономического кризиса, вызванного стремительным снижением цен на нефть и санкционной политикой США и западных государств в отношении энергетических ресурсов Венесуэлы. Так, социально-политическое и экономическое положение Венесуэлы в начале XXI в. потребовало принятия ряда срочных мер, которые нашли свое отражение, в первую очередь, в законодательстве Боливарианской Республики Венесуэла.

С 2014 года Соединенные Штаты Америки начали вводить сначала персональные “санкции” в отношении политических лидеров Венесуэлы, а затем и торговые и экономические “санкции” в отношении всех физических и юридических лиц, аффилированных с государством. В 2017 году указом президента США Дональда Трампа были запрещены торговые операции с акциями и долговыми ценными бумагами правительства Венесуэлы и

государственной нефтегазовой компании PDVSA, был введен запрет на перечисление на ее счета средств из США, была заблокирована собственность PDVSA в США. По оценке американских специалистов [1] активы компании на момент замораживания счетов составляли 7 млрд долл, а ежегодная выручка – 11 млрд долл, позже к санкциям присоединились и государства-члены Европейского Союза. В связи с этим одним из ключевых законодательных изменений в энергетической политике Венесуэлы в условиях противодействия стационарному давлению западных стран и США, стала возможность допуска частных компаний в энергетический сектор страны.

В 1975 г. в Венесуэле по решению Президента страны Карлоса Андрес Перес Родригеса была проведена национализация нефтяной отрасли, что, по оценкам специалистов-международников [2], негативно повлияло на развитие энергетической отрасли страны, в 1999 г. Конституционная ассамблея Венесуэлы законодательно закрепила данное нововведение в пояснительном меморандуме к Конституции без применения необходимых правил юридической техники и с использованием слабого понятийного аппарата. Кроме того, в данный период Закон Венесуэлы “О национализации” [3] ограничил деятельность негосударственных организаций с углеводородным сырьем, начиная от разведки и добычи, заканчивая сбытом и переработкой. Органический закон Венесуэлы “Об углеводородах” [4], принятый в 2001 г. с изменениями, внесенными в 2006 г., разрешает частному сектору (в том числе международным нефтяным компаниям) участвовать в указанном процессе. Фактически, в соответствии с положениями данного закона, частная компания может владеть полным пакетом акций нефтеперерабатывающего завода.

В 2013 г. в ст. 27 Конституции Венесуэлы была введена оговорка в части, касающейся права собственности на нефтяную сферу. Так, на нефть и углеводороды, находящиеся в недрах, распространяется неотъемлемое и незыблемое право собственности государства, лицензии на добычу частным лицам не выдаются. Но в случае необходимости извлечения доходов из данной отрасли в целях обеспечения долгосрочного развития Венесуэлы, государство может осуществлять деятельность по разведке и добыче нефти и других углеводородов путем предоставления денежных средств государственным производственным предприятиям или частным лицам на договорных условиях. Данное специальное регулирование прослеживается, в частности, на примере деятельности Венесуэлы в сфере электроэнергетики. Электроэнергетический сектор в соответствии с Конституцией Венесуэлы находится в совместном ведении национальной (ст. 156.39) и муниципальной власти (ст. 156.29). Однако действующий Органический закон “Об электроэнергетической системе и электроснабжении” [5] относит регулирование электроэнергетической системы и предоставление электроснабжения к ведению органов власти на национальном уровне на основе всеобщего доступа и сохранения государственной собственности (статьи 4 и 8).

В соответствии со статьей 302 Конституции Венесуэлы государство сохраняет за собой полномочия по производству, передаче, распределению,

сбыту и отправке электроэнергии в соответствии с соответствующим Органическим законом (ст. 4 и 8) и по соображениям национальной безопасности. Данный Закон предусматривает, что такая деятельность должна осуществляться в соответствии с моделью социалистического управления (ст. 4 и 9), при этом государственным предприятием является акционерное общество “Национальная электрическая корпорация” или ее правопреемник, оператор и поставщик услуг (ст. 28), а также его дочерние предприятия, созданные для этих целей (ст. 29).

Вторым важным изменением является переориентация энергетического сектора Венесуэлы на рынок невозобляемых энергетических ресурсов. Так, государство поощряет отечественное производство сырья, полученного в результате эксплуатации невозобновляемых природных ресурсов, с целью освоения, создания и внедрения новых технологий, создания рабочих мест и экономического роста, а также создания рабочих мест и повышения уровня благосостояния людей.

На данном этапе прошел первое чтение [6] в Национальной ассамблее Венесуэлы проект нового Органического закона “О возобновляемых и альтернативных источниках энергии”, в котором будут установлены основополагающие принципы развития, регулирования и продвижения альтернативных источников энергии в производстве электроэнергии, учитывая, что основной целью действующего правительства является снижение чрезмерной зависимости местной экономики от ископаемого топлива, а также уменьшение его негативного влияния в окружающей среде. Данный органический закон предусматривает, что в вопросах производства оператор и поставщик электроснабжения должны отдавать приоритет использованию альтернативных источников энергии и источников с низким уровнем воздействия на окружающую среду в соответствии с планом развития национальной электроэнергетической системы (статья 44).

По мнению ряда венесуэльских правоведов [7], возникает опасность, что новый Органический закон “О возобновляемых и альтернативных источниках энергии” будет противоречить действующему Органическому закону “Об электроэнергетической системе и электроснабжении”, поэтому необходимо учитывать его правовую природу и юридическую силу помимо того, что он является специальным законом. Безусловно, в вопросах правового регулирования альтернативной электроэнергетики, в соответствии с текстом законопроекта, также будет наблюдаться высокая степень участия государства в осуществлении деятельности по производству, передаче, распределению, сбыту и отправке, поскольку данная сфера деятельности находится в компетенции государства.

На наш взгляд, возможно рассмотреть возможность передачи части функций по осуществлению данной деятельности частным компаниям, совместным предприятиям и государственным предприятиям на условиях конкуренции и с учетом рыночных реалий. Такая деятельность должна предусматривать тарифную схему, которая привлекает инвесторов,

превосходя модель социалистического управления, закрепленную в Органическом законе “Об электроэнергетической системе и электроснабжении”.

В октябре 2023 г. США запустили процесс смягчения “санкционного” давления на Венесуэлу, среди причин выделяются: введение санкций в отношении в Российской Федерации, сделка Президента Венесуэлы Николаса Мадуро с оппозицией об условиях выборов 2024 г. и другие. В частности, Министерство финансов США выдало генеральные лицензии, разрешающие операции с участием нефтегазового и золотодобывающего секторов Венесуэлы, кроме того, был снят запрет на вторичную торговлю. При этом ослабление американских санкций не касается связанных с Россией компаний и замороженных активов нефтяной компании Citgo, принадлежащей венесуэльской PDVSA [8]. На наш взгляд, данное обстоятельство подтверждает тезис о том, что “санкционная” политика в нефтегазовой сфере нередко оказывается несостоятельной, с помощью разработанной законодательной базы и переориентации секторов экономики, ориентированных на торговлю энергетическими ресурсами.

В российской науке исследователями [9] ставится вопрос об эффективности введения ограничительных мер как со стороны внутригосударственных субъектов, так и со стороны американского бизнеса. США не добились главной цели применения санкций в отношении Венесуэлы, а проводимая политика ведет к усугублению внутривластного, экономического и гуманитарного кризиса в Латинской Америке, поскольку Боливарианская республика Венесуэла лишилась доступа ко многим зарубежным рынкам, и возможности разбавлять свою тяжелую нефть.

Таким образом, “санкционная” политика США и государств-членов Европейского Союза способствовала укреплению энергетической безопасности Венесуэлы в последние десятилетия, побудила законодателя на соответствующее закрепление прав на энергетические ресурсы, в первую очередь, нефть, и регулирование правового положения субъектов недропользования. В настоящее время энергетическая политика Венесуэлы направлена на развитие альтернативных и возобновляемых источников энергии.

Список использованных источников

1. Аналитическая статья Интерфакс. США ввели санкции против венесуэльской государственной нефтяной компании PDVSA. URL:<https://www.interfax.ru/business/648162> (дата обращения: 03.11.2023).
2. Álvaro Silva Calderón. Trayectoria de la nacionalización petrolera. Revista Venezolana de Economía y Ciencias Sociales v.12 n.1 Caracas abr. 2006. URL: http://ve.scielo.org/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1315-64112006000100008 (дата обращения: 03.11.2023).
3. Органический закон “О нефтяной промышленности и торговле”. Ley Orgánica que reserva al Estado la Industria y el Comercio de los Hidrocarburos.

URL: http://www.pdvsa.com/images/pdf/marcolegal/ley_organica_que_reserva_al_estado_la_industria_y_el_comercio_de_los_hidrocarburos.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

4. Органический закон “Об углеводородах”. Ley Orgánica de hidrocarburos. URL: http://www.pdvsa.com/images/pdf/marcolegal/LEY_ORGANICA_DE_HIDROCARBUROS.pdf. Дата обращения: 19.10.2023.

5. Органический закон “Об электроэнергетической системе и электроснабжении”. Ley Orgánica del Sistema y Servicio Eléctrico. URL: <https://www.asambleanacional.gob.ve/leyes/sancionadas/ley-organica-del-sistema-y-servicio-electrico>. Дата обращения: 19.10.2023.

6. Законопроект “О возобновляемых и альтернативных источниках энергии”. Proyecto de Ley de Energías Renovables y Alternativas. URL: <https://www.asambleanacional.gob.ve/noticias/proyecto-de-ley-de-energias-renovables-y-alternativas-pasa-a-primera-discusion-en-plenaria>. Дата обращения: 17.10.2023.

7. Henry Jiménez Guanipa. El derecho de la energía en Venezuela: marco constitucional y legal & 2015. URL: <http://www.esdc.com.br/seer/index.php/rbdc/article/view/358/0> (дата обращения: 03.11.2023).

8. Аналитическая статья группы-компаний РБК. США смягчили санкции против нефтегазового сектора Венесуэлы. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2023/653067ae9a7947bcc981541d?ysclid=loihcvsqhg271917351> (дата обращения: 03.11.2023).

9. Исаев К.А. Санкции как одно из направлений как одно из направлений стратегии США в современном политическом кризисе в Боливарианской Республике Венесуэла // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-kak-odno-iz-napravleniy-strategii-ssha-v-sovremennom-politicheskom-krizise-v-bolivarianskoj-respublike-venesuela> (дата обращения: 03.11.2023).

10. Брославский Л.И. Энергетическое право США: возобновляемые источники энергии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №3 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskoe-pravo-ssha-vozobnovlyaemye-istochniki-energii> (дата обращения: 03.11.2023).

11. Эспиноса К.Я., Губенко В.В. Экономика Венесуэлы в условиях санкций и экономической блокады США // Экономическая безопасность: современные вызовы и поиск эффективных решений. 2020. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44662416&ysclid=loigqmyur7439741232> (дата обращения: 03.11.2023).

12. Мастепанов А., Сумин А., Чигарев Б. Венесуэла под сводом санкций: разрушенная, но не сломленная // Энергетическая политика. 2022. № 9 (175). URL: <https://energypolicy.ru/venesuela-pod-svodom-sankczij-razrushennaya-no-ne-slomlennaya/regiony/2022/13/19/?ysclid=loq1huaxwn71276897> (дата обращения: 03.11.2023).

Лобас Лилия Игоревна,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Россия, Белгород)

ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ГОСУДАРСТВАМИ – УЧАСТНИКАМИ БРИКС В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению каждой из современных особенностей сотрудничества России с государствами – участниками БРИКС в сфере электроэнергетики. Рассмотрены актуальные проблемы такого взаимодействия. Сделан вывод о значимости рассматриваемых особенностей, необходимости проведения унификации правового обеспечения, достижения единства терминологического аппарата, укрепления и роста многосторонних связей в рамках межгосударственного объединения. Предложены меры по их реализации.*

***Ключевые слова:** энергетическое право, электроэнергетика, БРИКС, санкции, интеллектуальная электрическая сеть, унификация законодательства, меморандум о сотрудничестве.*

Сотрудничество России со странами БРИКС в сфере электроэнергетики на современном этапе развивается довольно стремительно. Оно вызвано: целями партнерства государств, их совпадающими интересами, влиянием международных санкций на экономику не только России, но и государств-участниц БРИКС - как настоящих (например, Ирана, Объединенных Арабских Эмиратов, Китая, Египта), так и будущих.

Электроэнергетическое сотрудничество в рамках БРИКС – одно из важнейших направлений его работы. Примеры этого – межправительственные соглашения, долгосрочные контракты между хозяйствующими субъектами государств. Действует Энергетическая ассоциация БРИКС. В настоящее время существует необходимость самостоятельного определения политики государств в сфере электроэнергетики без навязывания моделей, способов взаимодействия разными международными организациями. Вторая особенность такого сотрудничества – политизация и влияние санкционной политики западноевропейских государств. Введенные меры нацелены на ограничение экономического взаимодействия с РФ, разрушение производственных цепочек и финансовой стабильности нашей страны [10, с. 4733] путем отказа стран ЕС от российской электроэнергии, приостановления действия сертификатов происхождения электроэнергии, выхода корпораций из инвестиционных проектов (например, General Electric), ухода с российского рынка производителей электротехнического

оборудования, прекращения его поставок. То есть ставилась цель оказать негативное влияние на электроэнергетику как важную отрасль экономики Российской Федерации. В результате происходят: поиск новых рынков (как Россия - Азия), векторов и механизмов развития, импортозамещение, закупка оборудования у альтернативных поставщиков, модернизация инфраструктуры электроэнергетики, открытие огромных перспектив в сотрудничестве с БРИКС, что требует решения проблем правового регулирования. Эти процессы проходят успешно, что свидетельствует о "неожиданном" для недружественных стран положительном эффекте рассматриваемого фактора – устойчивости и развитии экономики. Об этом свидетельствуют: экспорт из России энергоносителей, импорт (например, китайского оборудования); совместные проекты в электроэнергетике - новые соглашения и контракты, в частности - строительство новых энергоблоков на китайских атомных электростанциях.

Третья особенность рассматриваемого партнерства - его направленность на долгосрочную перспективу. Следует согласиться с мнением о том, что «БРИКС – уникальное по масштабу объединение нового типа, которое по прогнозам Аналитического центра при Правительстве РФ к 2040 г. будет обеспечивать около 45% мирового производства и потребления энергии» [5]. Перспективы электроэнергетического сотрудничества возрастут с дальнейшим расширением его состава. Это подтверждается словами Президента России о том, что в настоящее время укрепление такого международного взаимодействия очень актуально в рамках как глобальной, так и региональной повесток. Согласно Стратегии экономического развития странами БРИКС предусматривается решение следующих задач: «активизация взаимодействия в области создания условий для привлечения устойчивых инвестиций; укрепление сотрудничества в сфере передовых технологий, включая ветровую, солнечную и гидроэлектрическую энергию, а также биоэнергетику, возможное сотрудничество в сфере атомной энергетики, в области энергосбережения, энергоэффективности; содействие более широкому использованию источников энергии в энергетическом, транспортном, промышленном и других секторах» [3]. Таким образом, «план работ» является довольно объемным.

Кроме того, в долгосрочной перспективе важно наладить работу единой цифровой платформы расширенного формата объединения, так как в мире намечена тенденция перехода к цифровой экономике. Например, в России еще в 2017 г. была принята правительственная программа по созданию условий для такой трансформации. В настоящее время актуально заключение межбанковских соглашений о предоставлении кредитов в национальных валютах, ведь начало этой работы положено Генеральным соглашением о предоставлении кредитов в национальных валютах в рамках БРИКС. Имея опыт двусторонних соглашений, важно воспринять и многосторонний формат. Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость гармонизации банковских правил и процедур расчетно-платежных операций и

минимизации трансакционных издержек. Среди основных направлений сотрудничества - инвестиционные контракты; разработка единого видения и проведения согласованной энергетической политики. Все страны БРИКС заинтересованы в укреплении и расширении взаимного сотрудничества и выражают готовность прилагать совместные усилия в достижении поставленных целей.

Еще одна особенность сотрудничества России со странами БРИКС пока еще заключается в его прерывистом, фрагментарном характере и недостатке взаимодействия с географически отдаленными от России государствами, например, ЮАР, Бразилией. Лидером по количеству соглашений выступает Китай. К примеру, это: долгосрочный контракт с Государственной электросетевой корпорацией Китая (ГЭК) на поставку электроэнергии из РФ в КНР с предельным объёмом поставки в 100 млрд. кВт.ч за 25 лет, подписанный в феврале 2012 г.; межправительственные протоколы о сотрудничестве в сооружении седьмого и восьмого энергоблоков Тяньваньской АЭС от июня 2018 года и серийном сооружении третьего и четвертого энергоблоков АЭС «Сюйдапу» и т.д. В связи с тем, что Китай - крупнейший производитель солнечных панелей, ветряных турбин, импортер российского энергоресурса и имеет один из наибольших рынков альтернативной энергетики, рационально продолжение такого сотрудничества, например: заключение договоров поставок оборудования, работа Межправительственной Российско-Китайской комиссии по энергетическому сотрудничеству и межправительственные встречи.

Как известно, ощущается недостаточность совместных проектов, соглашений с другими странами БРИКС. Так, сотрудничество России с ЮАР в электроэнергетике еще находится на начальном этапе, конкретных проектов недостаточно. Но определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, отечественное Министерство природных ресурсов и экологии заявляло о заинтересованности в расширении сотрудничества с ЮАР.

Тесно связано с предыдущей особенностью превалирование двусторонних соглашений в отношениях участников группы БРИКС. Хотя согласно «Концепции участия России в объединении БРИКС» одним из ключевых направлений деятельности России является «формирование механизмов многостороннего сотрудничества государств БРИКС в энергетической сфере» [14, с. 123]. Кроме того, наработка нормативно-правовых и межгосударственных мер воздействия на мировую электроэнергетику представляет коллективный интерес для всех стран-участниц. Приоритет двустороннего взаимодействия подтверждается следующими примерами.

Первенство принадлежит Китаю, Индии (например, в атомной электроэнергетике). В правовую договорную базу партнерства с Индией в атомной сфере вошло Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Индии о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях от 12 марта 2010 г.

в двустороннем формате. В 2014 г. подписано Генеральное рамочное соглашение с «Росатомом» о строительстве третьего и четвертого блоков, а 1 июня 2017 года «Атомстройэкспорт» и Индийской корпорацией по атомной энергии - рамочное соглашение по строительству пятого и шестого энергоблоков на АЭС «Куданкулам», после - договоры на первоочередные проектные работы, рабочее проектирование и поставку основного оборудования для третьей очереди, а в конце 2023 г. - соглашения, касающиеся строительства следующих энергоблоков указанной АЭС. Все эти договоры являются логическим продолжением «Стратегического видения укрепления сотрудничества в мирном использовании атомной энергии». В нем задекларировано взаимовыгодное сотрудничество в мирном использовании атомной энергии [2, с. 1], признаются: важность Меморандумов о взаимопонимании между Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и Департаментом по атомной энергии Правительства Индии, приветствование высокого уровня двустороннего сотрудничества и т.д. Велика роль контрактов на поставки оборудования из РФ, работы по созданию совместных предприятий и передачи технологий по взаимной договоренности и проектов в третьих странах - российских, но с участием Индии, в частности, в Эфиопии.

Примерами взаимодействия с ЮАР являются соглашения о сооружении солнечной электростанции, солнечного парка, не говоря о готовности взаимодействовать в секторе ГЭС, угольным электростанциям и т. д. Еще в январе 2018 г. было подписано соглашение между российской государственной компанией «Росатом» и правительством ЮАР о строительстве малых ГЭС в Мпумаланге для энергоснабжения сельских районов страны [13, с. 99]. Ранее (в 2013 г.) было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в области энергетики, а в 2014 г. – о партнерстве в атомной промышленности. Кроме того, ГК «Росатом» осуществляет строительство атомных электростанций в этом государстве. Будущие совместные соглашения с ЮАР, а также Бразилией могут охватить сферу атомной энергетики.

Перспективным в рамках БРИКС является российско-египетское сотрудничество, поскольку Египет – один из адресатов крупных инвестиций РФ в энергетику, а об расширении сотрудничества свидетельствуют контракты на такие проекты, как атомная электростанция «Эль-Дабба». В целом, в 2024 г. запланировано укрепление сотрудничества с Глобальным Югом, решение задач в информационном сотрудничестве, борьбе с терроризмом.

Двусторонние экономические связи (в данном случае в электроэнергетике) должны не только укрепляться, но и в части случаев заменяться многосторонними путем заключения соглашений между странами. К примеру, относительно внедрения электрических средств передвижения (например, высокоскоростного транспорта – поездов), экспорта электромеханических товаров, в сфере строительства инфраструктуры,

ответственности за правонарушения. Актуально заключение меморандумов о многостороннем сотрудничестве, создание управляющих советов по правовому регулированию данного партнерства. К примеру, между Россией и Китаем уже подписан меморандум о сотрудничестве в области высокоскоростного железнодорожного сообщения.

Помимо двусторонних и многосторонних договоров, особое значение имеют межгосударственные механизмы взаимодействия, в частности в связи с членством государств БРИКС в крупнейших международных организациях и форумах. Межправительственное сотрудничество без отказа от суверенитета является приоритетным для объединения.

На основе вышеуказанного, следует обратить внимание на еще одно отличительное свойство сотрудничества Российской Федерации с остальными государствами-участниками БРИКС в рассматриваемой сфере. Это установление и правовое обеспечение отношений между партнерами на основе Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права, установленных странами-участницами принципов, среди которых: открытость, прагматизм, солидарность, неблоковый характер и нейтралитет в отношении третьих стран [8]. Эту группу государств объединяет участие в большинстве международных договоров в области ядерной безопасности и ядерного нераспространения. Также между Россией и другими партнерами существует правовая основа сотрудничества в сфере мирного атома. Страны БРИКС также намерены расширять сотрудничество между государствами в области электроэнергетики на основе начал равенства, отсутствия дискриминации, полного уважения суверенитета и национальных интересов.

Но общепризнанными принципами взаимодействия страны БРИКС не ограничиваются. Согласно Дорожной карте энергетического сотрудничества БРИКС до 2025 года партнерство, помимо указанных, основано также на принципах добровольности, взаимопомощи, доверия, добросовестности, приверженности цели укрепления сотрудничества, координации политики. Этот документ дополняет договоренности между сторонами, предусматривает обмен идеями и мнениями по совершенствованию правовой базы в целях достижения дальнейшего прогресса электроэнергетического сотрудничества.

Новый основополагающий документ в сотрудничестве стран БРИКС – Йоханнесбургская декларация-II под названием «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» от 23 августа 2023 года. Она не только развивает указанные постулаты, но и содержит указание на принципы взаимоуважения и взаимопонимания, суверенного равенства, демократии, инклюзивности, укрепления сотрудничества и консенсуса. В целом, документ закрепляет стремление к справедливому миропорядку, многосторонности, охватывающей соответствующее сотрудничество, дальнейшему соблюдению норм международного права. Подчеркивается значение реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года на уровне министров и рабочих групп, Повестки дня в области устойчивого развития на период до

2030 года, а также укрепления взаимосвязанности цепочек поставок и платежных систем [1]. Кроме того, еще в 2020 г. совместным коммюнике министров энергетики стран БРИКС задекларировано стремление к укреплению стратегического партнерства в энергетике и сфере энергобезопасности, что в последнее время особенно актуально для нашего государства.

Важно заметить, что председателем БРИКС в 2024 году является Россия. Еще 8 ноября 2023 г. Президент утвердил Концепцию российского председательства. Среди приоритетных целей работы выделяется обеспечение безопасности объектов электроэнергетики, обмен опытом и технологиями, развитие правовой базы, совместные электроэнергетические исследования.

Намечен план мероприятий, направленных на укрепление многосторонних отношений. 26–27 февраля в Москве состоялось заседание Комитета старших должностных лиц БРИКС по энергетике, на котором присутствовали новые участники объединения. Обсуждался план работ Платформы энергетических исследований БРИКС, в рамках осуществления которого внимание будет уделено справедливому энергопереходу к «зеленой» электроэнергетике. Заместитель Министра энергетики Российской Федерации С. Мочальников обозначил три ключевых направления энергосотрудничества в рамках российского председательства: углубление взаимодействия с учетом вхождения в БРИКС новых участников, сотрудничество в области технологий и инноваций, повышение роли БРИКС в глобальном диалоге по актуальным энергетическим вопросам [6]. Представитель России высказался об инициативах в сфере безопасности энергетики, технологическом взаимодействии и т.п. В 2023 году было определено, что в период председательства России участники будут продолжать работу по обеспечению энергобезопасности, использованию традиционных источников электроэнергии, изучению атомной энергетики. Эта деятельность будет продолжена на втором и третьем заседаниях Комитета старших должностных лиц БРИКС в июне и сентябре 2024 года. Также проведен Татарстанский международный форум по энергоресурсоэффективности (3-5 апреля 2024 г.). В сентябре будет проведена встреча министров энергетики стран БРИКС на Международном форуме «Российская энергетическая неделя». Кроме того, планируются: Круглый стол по развитию кадрового потенциала БРИКС в условиях энергетического перехода, встречи министров энергетики, встреча на Платформе энергетических исследований, Молодежный энергетический саммит «БРИКС плюс», заседание Совета Института БРИКС по изучению сетей будущего, 3-я встреча Рабочей группы по новым и возобновляемым источникам энергии и самое ожидаемое мероприятие года – XVI саммит БРИКС, который должен состояться 22–24 октября 2024 года.

Основные методы работы предусмотрены в Дорожной карте энергетического сотрудничества БРИКС на период до 2025 года. На основе этого документа стороны осуществляют, и, следует полагать, будут продолжать обмен информацией и передовой практикой в сфере

электроэнергетической политики, мнениями по поводу путей и способов совершенствования нормативно-правовой базы. Реализация этой карты возложена на Комитет старших должностных лиц по энергетике, наделенный полномочиями принимать решения, доводить их и свои предложения до министров энергетики.

Намечена дальнейшая реализация Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. и Плана действий по инновационному сотрудничеству на 2021–2024 гг. по направлениям: повышение собственной роли в международной валютно-финансовой системе, трансформация системы соответствующих расчетов. Согласно указанной Стратегии продолжается взаимодействие в сфере обмена технологиями. Исследования направлены на ускорение перехода к регенеративной энергетике. Актуальной темой для встреч и сотрудничества выступает обеспечение безопасности объектов электроэнергетики, стабильности рынков, развитие инфраструктуры. Участники БРИКС реализуют задекларированные векторы работы: содействие сбалансированной разработке и использованию невозобновляемых и возобновляемых источников энергии и стимулирование соответствующего сотрудничества; широкое использование возобновляемых источников энергии в энергетическом, транспортном (электрические средства передвижения), промышленном секторах; обмен опытом и повышение потенциала в области разработки и внедрения технологий, включая ветровую, солнечную и гидроэлектрическую энергию; сотрудничество в сфере атомной энергетики [3]. Но осуществление указанных планов невозможно без сопутствующего развития инфраструктуры – транспортно-логистической, промышленной. И в этом направлении также идет работа. Например, между Китаем и Бразилией подписан договор о строительстве линии электропередачи, которая будет доставлять в бразильские мегаполисы энергию, полученную из ее возобновляемых источников. В КНР уже работают виртуальные электростанции, балансирующие функционирование энергетической системы на основе таких источников. Представляется целесообразным заключение соглашений о передаче такого опыта, поставках нужного оборудования, роста количества таких станций во всех государствах БРИКС. Идет строительство четвертого энергоблока атомной электростанции под названием «Эль-Дабба» в Египте на основе соглашения с Россией. Этот этап сотрудничества позволит развить целую отрасль, что было отмечено и Президентом России. Также заключено соглашение между Саудовской Аравией (пока еще не вступившей в БРИКС) и Египтом о совместном проекте наибольшей наземной ветроэлектростанции.

Ключевая особенность рассматриваемого сотрудничества – необходимость усовершенствования, унификации правового обеспечения стран БРИКС. У каждого из государств развивается собственное правовое регулирование данной сферы. Еще не достаточны сравнительно-правовые исследования его общих и частных сложностей. В настоящее время, по утверждению доктора юридических наук Виктории Романовой,

фундаментальны правовые проблемы: «баланс интересов поставщиков и потребителей энергетических ресурсов; доступ к энергетическим сетям; ценообразование в сфере энергетики; защита прав участников рынков» [15]. Эти проблемы актуальны при заключении соглашений, перенятии опыта у стран-участниц. Соответственно, правовая трансформация должна иметь целью разрешение данных проблем и создание единого правового пространства.

И.П. Марчуков предлагает унифицировать национальное гражданское законодательство как отрасль права, регулирующую частнопроводные торговые отношения с иностранным элементом путем гармонизации права [9, с. 220]. Более того, это должна быть всеобщая унификация. Влияние этих мер будет иметь несколько направлений: поэтапное ускорение интеграции в пределах объединения; новый «виток» развития сотрудничества в сфере электроэнергетики, внешней торговли; повышение авторитета самой БРИКС и укрепление ее юридического статуса с принятием учредительного документа. Необходимо гармонизировать законодательство путем внесения изменений, дополнений в гражданское, антимонопольное, таможенное и другие сферы национального законодательства, стандартизировать электроэнергетическое сотрудничество на международном уровне. Например, актуальны: внесение изменений в Гражданский кодекс РФ относительно правил регулирования гражданско-правовых отношений в рамках межгосударственных объединений с участием РФ и отношений в сфере внешней торговли [9, с. 221]; модернизация нормативной базы с учетом положительного опыта стран-БРИКС, совместные изменения. Все это обусловлено ключевой ролью внешнеторговых договоров для взаимодействия между государствами и их хозяйствующими субъектами. Требуется создание унифицированной международной правовой базы регулирования отношений в сфере электроэнергетики (например, в части регулирования энергетического рынка) в связи с наличием лишь основополагающих соглашений, регулирующих общие положения о направлении взаимодействия, в том числе международного частного права касательно договорных отношений без конкретной регламентации. Унификация должна охватить нормы, в первую очередь, о внешнеторговой купле-продаже. Но нельзя сказать, что в нормативно-правовой базе БРИКС (национальной и международной) вовсе нет единства. Так, общими являются правовые подходы к регулированию признания сделок в сфере оборота энергоресурсов. Это касается, например, условий действительности договора, оснований его прекращения.

Важную роль играют полнота и единство терминологии законодательства государств-участников БРИКС. Некоторые термины содержатся как в законодательстве Российской Федерации, так и в законодательстве иных стран (Бразилии, Китая и прочих), но не являются общими для всех государств-партнеров; другие же не упоминаются в отдельных национальных законодательствах, хотя необходимость их закрепления уже назрела. Подтверждение указанного тезиса прослеживается на следующих примерах.

Дефиниция «возобновляемых источников энергии» закреплена в законодательстве Российской Федерации – это «энергия солнца, ветра, вод, приливов, волн водных объектов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, а также отходы производства и потребления» [4]. В соответствии с законом КНР о возобновляемых источниках энергии они определяются как неископаемые источники энергии – энергия ветра, солнечная энергия, гидроэнергетика, биоэнергетика, геотермальная энергия и энергия океана и т. д. [7, с. 62]. То есть прослеживается небольшое, но важное различие в определениях. Подобных терминов не содержится в законах Бразилии, а в законодательстве Ирана лишь перечислены источники такой энергии. В Эфиопии вообще отсутствует законодательный акт о данном виде энергии.

В Федеральном законе Российской Федерации от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» отсутствует определение интеллектуальной электрической сети. Более того, единого определения интеллектуальных сетей для стран БРИКС тоже нет, хотя, например, в Китае уже функционирует интеллектуальная цифровая сеть с применением искусственного интеллекта, спутниковой навигации. В нормативно-правовой базе этого государства такая сеть определяется как «энергетическая система нового поколения, основанная на традиционных технологиях, в которой используются новые источники энергии, материалы, оборудование, а также передовые сенсорные, информационные технологии, технологии управления, накопления энергии и другие» [16, с. 2]. Проект документа о концепции интеллектуальных электрических сетей Южной Африки был одобрен Южноафриканским форумом Smart Grid Initiative (SASGI) в 2014 году. Он основывался на определении европейской технологической платформы Smart Grid (ETPSG). «Это электрическая сеть, которая может разумно интегрировать действия всех пользователей, эффективно обеспечивающая устойчивое, экономичное и безопасное электроснабжение» [16, с. 51].

Таким образом, следует заключить, что понимание рассмотренных терминов важно унифицировать для всех стран-участниц БРИКС, а также предусмотреть в национальных законодательствах соответствующие дефиниции.

Унификация может усложниться различиями в экономических интересах государств, конкуренцией в сферах влияния, связями с третьими, европейскими странами и желанием их сохранить, давлением недружественных стран с целью склонить к введению санкций, угрозы их введения. Не все международные правовые акты как, например, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров, ратифицированы государствами БРИКС. Ее положения можно рекомендовать к применению в данном сотрудничестве, в том числе и при унификации нормативно-правовой базы. Терениченко А.А. обращает внимание на создание международных правовых норм, которые бы закрепляли единые,

руководящие принципы, в том числе - в части высокотехнологичных процессов [12, с. 81]. Следует согласиться с его утверждением, их создание действительно необходимо. Из международно-правовых документов, по мнению Л.И. Сафаргалеева, более подходящими для унификации права стран БРИКС являются декларации, принимаемые по итогам саммитов БРИКС [11, с. 133]. Но они нуждаются в детализации.

Вспомогательной мерой может являться составление глоссария энергетических, в том числе электроэнергетических терминов стран БРИКС с целью указанной унификации, достижения единства понимания терминологии. Например, нет единого определения «интеллектуальной электрической сети» в связи с разными уровнями национального развития, ресурсообеспеченности, инфраструктуры, технологий и экономики. В указанном глоссарии важно закрепить общее для стран БРИКС определение этого термина, несмотря на трудности объединения в одном определении специфики разных государств. Ст. 3 Закона Российской Федерации от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» не содержит понятия «интеллектуальная электрическая сеть», но в нем значится «интеллектуальная система учета электрической энергии (мощности)» [4]. Поэтому, кроме вышесказанного, представляется возможным внести в закон изменения, дополнив указанную статью определением рассматриваемого термина. Также отсутствует единство мнений касательно правовой природы «Grid», правового обеспечения этой сферы касательно разработки, применения и защиты Grid-технологий. Терениченко А.А. в своем исследовании отмечал нераскрытость сущности указанного термина в наднациональном законодательстве в рамках региональных организаций [12, с. 78], участницей которых является и Россия. Также важно совершенствовать нормативную базу интеллектуальной системы учета электрической энергии не только в России, но и других странах БРИКС.

Серьезно и комплексно стоит вопрос выработки единых подходов к управлению энергетическими системами, в том числе правовому (это касается всех стран-участниц БРИКС) с целью обеспечения постоянного снабжения электроэнергией. Среди используемых странами БРИКС мер поддержки – инструменты налоговой, финансовой политики, отмена производственных акцизов и минимизация ввозных пошлин на компоненты возобновляемых источников энергии (ВИЭ), льготные условия получения займов, субсидий.

Общей и острой проблемой сотрудничества в рамках этого межгосударственного объединения является обеспечение энергетической безопасности и подготовки кадров, а также недостаточность развития инфраструктуры между странами, необходимость разработки новых логистических цепочек.

Исследователи поднимают вопрос о необходимости нового этапа институционализации данного объединения. Напрашивается вывод о ее важности для укрепления сплоченности и международного представительства. Как основной результат в области информационных систем, ключевым являются Декларации БРИКС, например, в ходе саммита в

ЮАР в 2018 г. Например, могут быть созданы новые институты разных аспектов безопасности: технологической, энергетической, экологической и т.д.

Таким образом, сотрудничество России с государствами-участниками БРИКС в сфере электроэнергетики на современном этапе своего развития характеризуется рядом особенностей: стремительностью и особой важностью, политизацией, направленностью на долгосрочную перспективу, фрагментарностью, преобладанием двусторонних экономических связей в рамках БРИКС, соблюдением норм международного права. Между Россией и странами БРИКС заключаются различные договоры – на поставку электроэнергии, оборудования (в том числе для работы с возобновляемыми источниками энергии), о реализации совместных проектов в сфере атомной электроэнергетики и т. д. Также проводятся совместные исследования, мероприятия, стороны стремятся к единому видению энергетической политики и ее согласованной реализации. Соответственно, немаловажным является наличие собственной нормативно-правовой базы БРИКС, направленной на формирование нового многополярного миропорядка. Для повышения эффективности сотрудничества в первую очередь необходимо усовершенствовать законодательства России и других государств в сфере электроэнергетики, привести их к единству правового обеспечения основных направлений взаимодействия с учетом особенностей правовых семей, правовых и законодательных систем, институтов, политического устройства, уровня развития государств, экономики, энергетической инфраструктуры, снизить влияние факторов, затрудняющих этот процесс. Унификация законодательства должна зиждиться на заимствовании друг у друга законодательного и правоприменительного опыта, а также единства терминологического аппарата, решения вышеперечисленных актуальных проблем.

Проведение исследований, изучение систем «смарт-грид», «интеллектуальных электросетей», внедрение новых технологий, например электрических средств передвижения, «Grid-компьютинга», требуют нового правового регулирования как в отдельных государствах, так и совместного.

Список использованных источников

1. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности. Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 03.11.2023).

2. Стратегическое видение укрепления сотрудничества в мирном использовании атомной энергии между Российской Федерацией и Республикой Индии // URL: <https://www.rosatom.ru/upload/iblock/299/29987bc93b77c639a76944eaaa48116b.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).

3. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года, ноябрь 2020 г. // URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356eb66f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).

4. Об электроэнергетике: Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ: принят Государственной Думой Российской Федерации 21 февраля 2003 г.: ред. от 2 ноября 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 13, ст. 1177.

5. Блог Софии Емельяновой. Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС. Официальный сайт РСМД // URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/semelianova/sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-str/> (дата обращения: 03.11.2023).

6. В Москве прошло первое заседание Комитета старших должностных лиц БРИКС по энергетике // БРИКС-Россия 2024: сайт. URL: <https://brics-russia2024.ru/news/v-moskve-proshlo-pervoe-zasedanie-komiteta-starshikh-dolzностnykh-lits-briks-po-energetike/> (дата обращения: 16.04.2024).

7. Кологерманская Е.М. Особенности правового обеспечения использования возобновляемых источников энергии в государствах - членах БРИКС // Правовой энергетический форум. 2019. № 3. С. 59-64.

8. Лев М.Ю., Медведева М.Б., Лещенко Ю.Г. Экономическая безопасность БРИКС в условиях антироссийских санкций: институциональный аспект // Экономическая безопасность. 2024. Том 7. № 1. С. 123-154. URL: <https://1economic.ru/lib/120345> (дата обращения: 25.03.2024).

9. Марчуков И.П. Предпосылки и методы унификации частноправовых основ внешнеторгового оборота энергетических ресурсов стран БРИКС // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2 (75). С. 219-226.

10. Пыхов П.А. Оценка влияния санкций на энергетическую безопасность России // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 12. С. 4731-4746.

11. Сафаргалеев Л.И. Проблемы взаимодействия правовых систем государств-членов БРИКС // Вопросы российской юстиции. 2015. № 2. С. 131-134.

12. Терениченко А.А. Правовое регулирование применения Grid-технологий как ресурс современного этапа цифровизации российского общества // Аграрное и земельное право. 2020. № 4 (184). С. 74-83.

13. Харитонов Д.В. Россия и ЮАР: перспективы развития энергетического сотрудничества / Геоэкономика энергетики. 2020. № 4 (12). С. 90-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-yuar-perspektivy-razvitiya-energeticheskogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 25.03.2024).

14. Шилец Е.С., Бойко А.Н., Ключкова О.В. Роль Российской Федерации в энергетической безопасности стран БРИКС // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 3 (78). С. 122-129.

15. Энергетическое право в России: настоящее и будущее - Статьи информационного юридического портала «Сфера» // Интернет-портал ООО «Лигал Академия». URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/energeticheskoe-pravo-v-rossii-nastoyaschee-i-budushee> (дата обращения: 04.11.2023).

16. BRICS Smart Grid Report // BRICS Energy research cooperation platform. China. 2022. URL: <https://ur.hse.ru/data/2023/02/09/2045637649/Smart%20Grid.pdf> (дата обращения: 25.11.2024).

Макарчук Антон Петрович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

К ВОПРОСУ О ДИСКУССИОННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ПРАВА

***Аннотация.** Автором данной научной статьи произведен анализ причин становления международного энергетического права; автором дано определение международного энергетического права; автор указывает, что в настоящее время в отечественной правовой доктрине преобладает мнение, что международное энергетическое право не является самостоятельной отраслью права; в заключении статьи автор приходит к выводу, что международное энергетическое право представляет собой системой норм и принципов, которые призваны урегулировать трансгосударственные отношения, возникающие в связи с использованием, торговлей и поставкой энергетических ресурсов, однако вопрос о наличии всех оснований для его выделения в самостоятельную отрасль права является предметом научных дискуссий.*

***Ключевые слова:** международное право; международное энергетическое право; отрасль права; источники права.*

Как известно, энергетическое право претерпело формирование и развитие основных норм, которые первоначально защищали инвестиции и право собственности в нефтеперерабатывающей промышленности. Новый виток развитию данной отрасли права дало появление национальных законов в области энергетического права, начало новейшего научного анализа и исследований, заключение международных договоров, гарантировавших защиту инвестиций в энергетический сектор, что, в свою очередь, привело к созданию продвинутого механизма регулирования международных потоков в энергетическом секторе.

Обращаясь к историографии данной темы, отметим, что первым исследователем, кто дал современное определение термину «энергетическое право», был австралийский ученый Андриан Брэдбрук. Он охарактеризовал данную отрасль как «совокупность прав и обязанностей, возникающих в связи с использованием всех энергетических ресурсов между частными лицами, частными лицами и правительством, между правительствами и между государствами» [1].

В данной связи интересным представляет позиция юриста-исследователя В.Н. Чаплыгиной, которая утверждает, что «предназначением

энергетического права является регулирование взаимодействия государств и устранение противоречий между национальными интересами в энергетической сфере и интересами межгосударственных экономических процессов с целью обеспечения безопасности и поддержания международной стабильности» [8, С. 67].

Нельзя не отметить, что в настоящее время энергетическое право, поддавшись процессам глобализации и интенсификации международных отношений, стало частью международного права, однако вопрос относительно его выделения в самостоятельную отрасль права остается дискуссионным.

В российской правовой доктрине преобладает позиция ряда авторов, относящих энергетическое право к блоку национальных законодательств государства: в свое время Г.М. Вельяминов утверждал, что энергетическое право не регулирует межгосударственные отношения и, соответственно, не включает нормы международного права в сфере энергетики (международное энергетическое право) [3].

В противовес данному мнению мы отметим, что события, разворачивающиеся в последние десятилетия на мировой арене, спровоцировали появление новых факторов политического, экономического, научно-технического и социального характера во внутренней жизни ряда государств и в их международных отношениях, что стало рычагами давления в вопросе признания «самостоятельности» международного энергетического права как отрасли права. Одним из таких факторов, конечно же, является энергетический фактор. Обмен энергоресурсами и торговля ими играют важную роль в текущих международных экономических операциях. Энергетические продукты являются одним из наиболее важных товаров на рынках легкой промышленности. В то же время сами проблемы энергетического развития и энергетической безопасности для множества стран, включая Российскую Федерацию, являются наиболее насущными и таковыми, что требуют самого срочного регулирования.

Как известно, зарубежное научное сообщество выделяет международное энергетическое право в пласт самостоятельных отраслей права. Так, юрист-исследователь Макае Метуа И.Н. утверждал, что «энергетическая безопасность является важным аспектом современной государственной политики, который заслуживает отдельного внимания и изучения с точки зрения имеющегося международно-правового регулирования и перспектив его развития» [7, С. 278].

Отечественные ученые в меньшей степени разделяют такую позицию, но вместе с тем О.В. Гликман отмечает, что «с акцентом на предмет регулирования, международное энергетическое право представляет собой совокупность международно-правовых норм, регулирующих исследование и разработку природных ресурсов, производство различных видов энергии (энергетических товаров), их использование в мирных целях, включая торговлю ими, их транспортировку, строительство и эксплуатацию энергетических объектов, а также создание энергетических рынков» [5].

На наш взгляд, бесспорно, что на регулирование международных потоков в энергетическом секторе значительное влияние оказывают международные организации, включая ОПЕК и МАГАТЭ. И хотя роль международных неправительственных организаций в освещении экологических аспектов освоения энергетических ресурсов становится очевидной, однако предметом международного энергетического права должны являться, прежде всего, все межгосударственные отношения в области энергетики, подобные этому, а не сопутствующие вопросы (включая защиту окружающей среды).

Среди источников международного энергетического права принято традиционно выделять двусторонние международные договоры, которые, как правило, устанавливают более формальные принципы экономического развития в соответствующей сфере, так что конкретные финансово-экономические показатели передаются из зарубежных экономик в контракты субъектов государственного управления [2]. Стоит отметить, что межгосударственные двусторонние соглашения имеют тенденцию к замене внешнеэкономическими контрактами между хозяйствующими субъектами. Это меняет роль международного права в регулировании двусторонних торговых отношений в энергетическом секторе.

Трудность определения места международного энергетического права в системе международного права, в том числе в системе отечественного права, обусловлена, среди прочего, тем фактом, что сама сила системы международного права является одной из наиболее проблемных для теории международного права. Основа системы действующего международного права заложена в Уставе ООН, который определяет фундаментальные цели и принципы международного права как основные системообразующие факторы: Устав и формулировка новых базовых принципов международного права из совокупности норм были преобразованы в систему, основанную на общих принципах, целях и задачах.

Дискуссионным остается вопрос выделения сферы международного права, в том числе установления критериев для такого выделения. В целом, все критерии выделения международного права, которые фигурировали в научной доктрине, можно свести к следующему:

- качественная целостность и автономность (самостоятельность) основной группы международно-правовых норм;
- своеобразие этих норм и методов их создания;
- большой объем нормативного материала, который регулирует текущий вид международных транзакций;
- наличие международной заинтересованности в развитии этой сферы.

Среди них наиболее важным является критерий существования особого системообразующего принципа международного права. Только на его основе можно говорить о том, что некоторая совокупность норм составляет систему международного права [6].

Ввиду этого можно прийти к выводу, что вопрос о том, отвечает ли международное энергетическое право всем доктринальным критериям разделения отраслей, остается дискуссионным. Предметом международного энергетического права являются международные отношения, возникающие в связи с добычей, использованием, торговлей, транзитом энергетических ресурсов, инвестициями в освоение этих ресурсов и борьбой с вредными последствиями действий, связанных с энергетической деятельностью. Объектом международного энергетического права являются энергетические ресурсы. Субъектами международного энергетического права являются государства и международные межправительственные организации. Другие негосударственные субъекты также активны в международных отношениях в энергетическом секторе: транснациональные корпорации, международные неправительственные организации. Принимая во внимание концепцию участия, их можно считать участниками международного энергетического права.

К источникам изучаемой отрасли права классически относят международный договор и международный обычай. В международном обычном праве существуют материальные нормы, которые важны для энергетического сектора и могут быть отнесены к принципам международного энергетического права.

Эти нормы включают:

- 1) непрерывный суверенитет над энергетическими ресурсами;
- 2) обязательство не наносить ущерб территории других государств или территориям за пределами юрисдикции государства;
- 3) обязанность предупреждать другие государства и сотрудничать с ними относительно рисков, которые могут возникнуть в связи с опасной деятельностью, включая различные чрезвычайные случаи.

Принцип постоянного суверенитета над энергетическими ресурсами является структурным принципом в области международного энергетического права. Компонентами международного энергетического права являются нефть, газ, уголь, электроэнергетика и ядерная промышленность.

Одной из целей международного энергетического права как отдельного комплекса международно-правовых норм является обеспечение бесперебойности поставок энергоресурсов. Российская Федерация, как экспортер энергоресурсов, заинтересована в прозрачности правового регулирования правоотношений, возникающих в связи с использованием таких ресурсов. Тезис об отраслевом характере международного энергетического права также может быть поддержан благодаря функциональному обоснованию: международное энергетическое право является отраслью международного права, поскольку его нормы объединены указанной основной целью (функцией) – обеспечить бесперебойность поставок энергоресурсов.

Международное энергетическое право тесно связано и взаимодействует с такими отраслями международного права, как международное экологическое право, международное экономическое право и международное

атомное право. Анализ современной международно-правовой доктрины дает основания для вывода о том, что наиболее важными вопросами международного энергетического права являются гарантия международной энергетической безопасности и концепция эволюции принципа постоянного суверенитета над природными ресурсами. Что касается гарантии международной энергетической безопасности, то все государства заинтересованы в постоянных, бесперебойных поставках энергоресурсов, защищенных от влияния различных политических и экономических факторов. Что касается эволюции принципа постоянного суверенитета над природными ресурсами, то он остается краеугольным камнем, структурным принципом международного энергетического права, являясь в то же время принципом международного экологического права. Этот принцип играет важную роль в соотношении этих двух отраслей современного международного права в целях достижения их устойчивого развития.

Анализируя доктринальные источники, отметим, что А.В. Габов указал, что «при создании концептуальных и программных документов, определяющих направления совершенствования правового регулирования, разработке новых законов и обновлении имеющегося правового материала, прежде всего, необходимо исходить из того, что энергетика – это отрасль для нашего государства стратегическая; необходим системный подход, нормы (особенно учитывая специфику предмета регулирования) должны быть ясными, удобными в использовании и применении, они должны не создавать проблемы для субъектов, а, напротив, вносить определенность в их отношения» [4, С. 129].

Кроме того, на наш взгляд, международное энергетическое право также имеет все основания стать самостоятельной академической дисциплиной. Включение учебной дисциплины «Международное энергетическое право» в учебные планы высших учебных заведений и развитие исследований по международному энергетическому праву в науке международного права особенно актуальны для Российской Федерации в последнее время. Наше государство, как экспортер энергоресурсов, заинтересовано в международном публично-правовом регулировании международных отношений в сфере энергетики с целью сохранения прозрачности таких отношений, а также защиты своих граждан от действий хозяйствующих субъектов. Изучение теоретических основ, текущего состояния международных отношений в сфере энергетики будет способствовать подготовке квалифицированных специалистов, готовых работать в энергетическом секторе экономики России. Прежде всего, учебная дисциплина «международное энергетическое право» должна быть включена в учебные планы по специальности «международное право». Изучение международного энергетического права отечественными учеными может сыграть важную роль в реализации энергетической политики нашего государства, в формировании его энергетических концепций.

Подводя черту нашей научной статье, отметим, что международное энергетическое право можно считать относительно молодым явлением в

правовой действительности. Однако сегодня вопрос о наличии всех оснований для выделения международного энергетического права в самостоятельную отрасль права является дискуссионным. Оно, представляя собой системой норм, регулирующих межгосударственные отношения по распоряжению энергетическими носителями, вместе с тем встречает обоснованную критику со стороны научного сообщества, признающего его подотраслью международного права.

Список использованных источников

1. Bradbrook A. Energy Law as an Academic Discipline / Journal of Energy & Natural Resources Law, Volume 14 (2), 1996. – P. 203. (научная статья).
2. Аратский И.Д. Формы межправительственного электро-энергетического сотрудничества государств в рамках международного права // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6 (186). – С. 99-101.
3. Вельяминов Г.М. Международное право: опыты / Ин-т государства и права РАН, Г.М. Вельяминов. – М. : Статут, 2015. – 1009 с.
4. Габов А.В., Тонков Е.Е., Шалайкин Р.Н., Туршук Л.Д. Энергетическое право: модели и тенденции развития (обзор докладов III международной научно-практической конференции, 8-9 октября 2021 г., Белгород) // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2022. – № 1. – С. 126-136.
5. Гликман О.В. Международное энергетическое право в системе международного права / О. В. Гликман // Международный правовой курьер. – 2020. – № 1-2(35-36). – С. 72-77.
6. Гудков И.В. «Экологизация» экономических отношений в праве (на примере энергетической отрасли) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 5. – С. 124-141.
7. Макае Метуа И.Н. Международное энергетическое право как фактор экономической конкурентоспособности / И. Н. Макае Метуа // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 11(68). – С. 278-282.
8. Чаплыгина В.Н. Международное энергетическое право как элемент энергетической безопасности / В.Н. Чаплыгина, Л.Э. Адигамова, Д.Н. Рудов // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2019. – № 2. – С. 67-71.

Мехдиев Рамиз Талыб оглы,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

Аннотация. В научной статье рассмотрены текущие проблемы и перспективы использования прав в отношении энергетических ресурсов как составляющих конструкции «цифровых прав» и договорных форм, основанных на технологии смарт-контрактов. Сделан вывод о том, что действующее на данный момент правовое регулирование применения смарт-контрактов, носит ограниченный характер и, в силу наличия специального отраслевого регулирования в сфере энергоснабжения, специфики рассматриваемой сферы в целом, применение смарт-контрактов, в настоящий момент, не возможно. Обосновано, что в настоящий момент допустимо облачение в цифровую форму прав требования передачи вещи в отношении телесных энергетических ресурсов (в качестве утилитарного цифрового права). Выработаны дальнейшие направления развития правового регулирования в данной сфере, в частности, содержания таких договоров, установлено, что решение проблемы лежит в плоскости внедрения надёжных технических решений обмена информацией между существующими технологиями фиксации количественных и качественных характеристик оборота энергоресурсов (обобщенно – приборов учёта) и программного обеспечения отвечающего за работу смарт-контрактов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, договор энергоснабжения, цифровое право, объекты цифровых прав, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, энергетические ресурсы, энергия.

Одной из приоритетных целей развития России на период до 2030 года продолжает оставаться цифровизация отечественной экономики. Актуальность и необходимость внедрения передовых цифровых решений во все сферы жизни общества, прежде всего, в экономическую, закреплено на нормативно-программном уровне [1], признаётся большинством специалистов и учёных [2, с. 382-384; 3, с. 12-18].

Одной из фундаментальных отраслей отечественной экономики выступает энергетика. Вопросы цифровизации последней являются предметом постоянного внимания учёных. В качестве примера можно привести коллективную монографию по актуальным задачам энергетического права под редакцией В.В. Романовой [4] и ряд других научных публикаций [5]. Так, одним из наиболее динамично развивающихся в вопросах цифровизации

направлений энергетического права выступает атомная энергетика. Как указывает М.С. Лизикова, международное и отечественное атомное право «своевременно реагирует на стремительное развитие и распространение цифровых технологий, что проявляется в его адаптивности к изменениям, усилении гибридизации правовых режимов и воздействии на ценности, а также их взаимной связи и обусловленности» [6, с. 32]. Основное внимание научного сообщества в этом направлении приковано к общей цифровизации отечественной энергетике, к возможности обеспечения и организации цифрового взаимодействия между участниками энергетического рынка, его правовому обеспечению, к трансформации договорного законодательства в данной сфере в контексте обозначенных процессов.

Исследуемая проблема заключается в возможности применения правовых конструкций цифровых прав и смарт-контрактов в правоотношениях, регулирующих оборот энергетических ресурсов. Данный вопрос находится за пределами «прямого» нормативного регулирования. В частности обращает на себя внимание энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года утверждённая распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р [7]. Существенная часть указанного программного документа посвящена планам масштабной цифровизации данной отрасли. Вместе с тем, вопросы оборота энергетических ресурсов либо имущественных прав в отношении последних в «цифровом виде» не затрагиваются, что порождает неопределённость в данном вопросе.

Обозначенная проблема, как видится, имеет две «плоскости». Первая – нормативная, она заключается в приспособленности правового режима оборота энергетических ресурсов к обозначенным нововведениям, вторая – практическая, которая определяет техническую возможность и практическую применимость, целесообразность применения таких конструкций. В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка ответов на поставленные вопросы.

Обратимся к положениям законодательства, регулирующего правовой режим цифровых прав, к которым в настоящее время относятся утилитарные цифровые права (далее – УЦП) и цифровые финансовые активы (далее – ЦФА). В научной среде существует дискуссия относительно правовой природы и сущности цифровых прав. Вместе с тем, общим пониманием является то обстоятельство, что права определённого типа могут быть цифровыми только в случае, если такая возможность предусмотрена законом [8, с. 146]. Анализ положений статей 128 и 141.1 ГК РФ [9], ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ [10], ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ [11] указывает на то, что в основе УЦП и ЦФА могут находиться права требования в отношении передачи вещи, выполнения работ и оказания услуг, а также денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА.

Учитывая обозначенные законодательные положения, возможно предположить, что энергетические объекты либо имущественные права в отношении последних либо связанные с ними (в какой именно форме последние могут функционировать в качестве элемента цифровых прав подлежит установлению в рамках настоящей статьи), могут выступать в качестве составляющих УЦП требований о передаче вещи, выполнении работ, либо оказания услуг, либо в качестве интегрированных ЦФА (закон допускает «объединение» требований характерных для последних и требований относящихся к УЦП).

Перечень объектов энергетической сферы довольно разнообразен. В доктрине в качестве обобщающего понятия принято использовать термин энергетический ресурс [12, с. 26]. Энергетический ресурс, он же – энергоресурс, понимается в качестве товара (в первую очередь с экономической точки зрения). В свою очередь, к видам энергетических ресурсов относятся носители энергии. Данный вид энергоресурсов разделяется на такие подвиды, как продукция нефтедобывающей, газовой, угольной промышленности, например, бензин, дизельное топливо, мазут и другие, исчерпаемые минеральные ресурсы (например, уголь), носители энергии, которые сами по себе не выступают продуктом, однако их свойства используются для передачи энергии, (например, пар, вода и тому подобное). Кроме того, к энергоресурсам относится энергия сама по себе (атомная, тепловая, электрическая, электромагнитная, ветровая, приливов и отливов, солнечная, водородная и прочая). Также, в сфере энергоснабжения, в качестве оборотоспособного объекта выступают не только перечисленные объекты, но и услуги по их доставке, обеспечению возможности их потребления.

Гражданским законодательством урегулированы обязательства связанные с поставкой энергетических ресурсов (параграф 6 раздела IV части второй ГК РФ). Существо договора энергоснабжения заключается в том, что потребителю поставляется энергия (электрическая, тепловая энергия, газ, нефть, нефтепродукты, вода) за плату и на определённых условиях (ст. 539 ГК РФ). Оплата потребляемой энергии, как правило, зависит от количества её потребления, для чего у потребителя должны быть установлены технически исправные и сертифицированные приборы учёта потребления энергии. Кроме того, поставляемая энергия должна соответствовать критериям качества, то есть позволять удовлетворить потребности потребителя в соответствующем виде энергии и извлечь её полезные свойства.

Если принимать во внимание положения ч. 4 ст. 454 ГК РФ, то договор энергоснабжения представляет собой отдельный вид договора купли-продажи. В свою очередь, предметом договора энергоснабжения, в соответствии со ст. 455 ГК РФ должен или может выступать товар, в качестве которого может выступать любая вещь, при условии соблюдения правил оборотоспособности объектов гражданских прав, установленных ст. 129 ГК РФ. В указанной норме закреплён принцип свободы отчуждения и перехода от одного участника гражданских отношений к другому, при условии

соблюдения запретов и ограничений (в свою очередь, по данному вопросу также содержится отсылка к иным не конкретизированным нормативно-правовым актам, которые могут содержать специальные запреты). Каких либо специальных ограничений по обороту энергоресурсов как объектов гражданских прав данная норма не содержит.

Анализ научных подходов к пониманию существа договора энергоснабжения, указывает, во-первых, на специфику предмета договора энергоснабжения, которая зависит от вида поставляемой энергии. Так, электрическая энергия является «бестелесной», отсутствует возможность её накопления и хранения, энергия не может быть возвращена, энергия обладает только родовыми, но не индивидуальными признаками [13, с. 2010]. Кроме того, потребление электроэнергии сопряжено с её одновременным производством, отсутствует возможность определить точные объёмы её генерации и потребления [4, с. 71]. Аналогичный подход, как представляется, применим к определению сущности предмета по договору теплоснабжения (поставки тепловой энергии и теплоносителя) [5, с. 40]. Несколько иная специфика предмета договора в случае поставок воды, газа и нефти.

Таким образом, предметом договора энергоснабжения может выступать энергия (энергоресурсы) как товар. В свою очередь, в силу прямого указания на то, в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, к утилитарным цифровым правам могут быть отнесены только право требовать передачи вещи, выполнения работы либо оказания услуги. Учитывая, что специфика выполнения работ заключается в получении овеществлённого результата, представляется, что категория «работы» не может употребляться применительно к рынку оборота энергоресурсов, поскольку в нём отсутствуют аналоги такого вида работ.

Обобщая сказанное, отметим, что в зависимости от специфики энергоресурса, либо услуг по их поставке, обеспечению потребления, последние могут рассматриваться как в качестве вещи, так и в качестве объекта оказания услуг.

Далее обратим внимание на предназначение УЦП и ЦФА. Использование последних, прежде всего, представляет собой инвестирование. Представляется, что отсутствует практическая необходимость в приобретении УФП либо ЦФА, которые будут предусматривать право требования передачи вещи (например, «телесного» энергетического ресурса, такого как уголь), либо оказания услуги по поставке энергии, основанной на свойстве её носителя (например, тепловой энергии, при поставке горячей воды), для целей её непосредственного потребления (как потребителем). Кроме того, специфика отношений по поставке отдельных видов энергоресурсов для конечного потребителя, зачастую заключается в отсутствии возможности выбора её поставщика, поскольку получение энергии, носителя энергии осуществляется через присоединённую сеть.

Исходя из этого, право требования в отношении энергоресурсов приобретает свойства оборотоспособности (с практической точки зрения)

только в случае, если такой энергоресурс может быть поставлен по договорам аналогичным договорам поставки. Иными словами речь идёт, о продукции нефтедобывающей, газовой, угольной промышленности, исчерпаемых минеральных ресурсах и прочих подобных видах энергоресурсов «телесного» характера.

Далее обратим внимание на специфику и потенциальную возможность практического внедрения в данной сфере смарт-контрактов. Основным функциональным признаком смарт-контрактов, который позволяет выделить его в сравнении с другими существующими договорными формами, является то, что процесс исполнения части условий заключённой сделки (договора или иной сделки) автоматизирован и происходит без участия стороны такой сделки при помощи программного кода («компьютерная программа»). Согласие на такой способ исполнения обязательств, сторона сделки или стороны достигли при заключении сделки (договора) [2, с. 382-383]. Однако такой процесс автоматического исполнения условий сделки, обусловлен, прежде всего, возникновением или не возникновением установленных по договору обстоятельств, для чего возникает производная от этого необходимость в их фиксации при помощи того же программного обеспечения.

Процесс внедрения в практику делового оборота смарт-контрактов породил заслуженные и вполне закономерные опасения относительно наличия технической возможности и технических решений, которые позволят обеспечить надёжность хранения и неприкосновенность информации как от возможной «утечки» (похищения конфиденциальных данных), так и от возможного несанкционированного её изменения [2, с. 383]. В частности, идёт речь о ситуации, когда недобросовестная сторона сделки или третье лицо изменит содержание закреплённого в электронной форме договора (взаимных обязательств сторон) или внесёт несогласованные изменения в алгоритм программы, в результате чего обязательства сторон автоматически исполнятся не таким образом, как об этом договорились стороны. Противоположная сторона (а зачастую это среднестатистический потребитель услуг) будет лишена возможности доказать обратное без привлечения дорогостоящих и квалифицированных специалистов. В этой связи, в настоящий момент смарт-контракты, которые используют так называемые технологии «блокчейн» (распределённые реестры данных) по заверениям специалистов выступают наиболее надёжным техническим решением, поскольку, в таком случае, информация (сам договор, его условия, а также программа определяющая алгоритм его автоматического исполнения) распределена по различным реестрам, возможность внести изменения в которые отсутствует как у сторон сделки, так и у третьих лиц, в т.ч. у самого оператора такой информационной системы.

Таким образом, технологии смарт-контрактов соединяют в себе три основных свойства: надёжность (защита информации о сделке от несанкционированного доступа, защита от гипотетической утраты

информации по техническим причинам), автоматизация исполнения части обязательств по сделке, возможность объективного контроля за исполнением сделки (сделка и совершаемые по ней действия оставляют «цифровой след»). Возвращаясь к специфике договора энергоснабжения и возможности применения рассмотренных выше технологий смарт-контрактов, обратим внимание, что в силу правового регулирования данного вида договора предусмотренного параграфом 6 главы 30 раздела IV части второй ГК РФ, кроме существенных условий договора, гипотетический смарт-контракт должен предусматривать возможность учёта количества и качества поставляемой энергии (с учётом специфики поставляемой энергии). Механизм автоматического исполнения обязательства потребителя по оплате потребляемой энергии, должен предусматривать возможность приостановки такой оплаты в случае, если объективными приборами учёта фиксируется отсутствие поставки предмета договора, либо несоответствия поставляемого ресурса обязательным требованиям к его качеству. Кроме того, в предполагаемый программный алгоритм исполняемого смарт-контракта в сфере энергоснабжения необходимо заложить механизм фиксации взаимных претензий со стороны потребителя или поставщика энергии. Всё это порождает необходимость разработки и формирования необходимого программного обеспечения и технологий, которые способны учитывать и фиксировать следующие обстоятельства: факт поставки энергии, её количественные и качественные характеристики, период поставки, правильность работы приборов учёта и прочие обстоятельства, учёт которых в силу действующего законодательства, обязателен для исполнения участниками рассматриваемых правоотношений.

Кроме того, как верно указывается, одной из насущных проблем применения смарт-контрактов на данном этапе является внесение в последние автоматизированной «арбитражной» оговорки с предусмотренными вариантами решения спора (когда в результате досудебного или судебного урегулирования, будет принято одно из предполагаемых решений, которые изменяют содержание и правила исполнения обязательств сторон договорных отношений). Кроме того, в программный код смарт-контракта должна быть внедрена возможность изменения его алгоритмов, например, возможность изменения и приостановки его исполнения, что обуславливает необходимость внедрения соответствующих технических решений [3, с. 12].

Таким образом, в настоящий момент, положения законодательства, предусматривающие возможность заключения сделки с последующей автоматизации исполнения сторонами обязательств (смарт-контрактов) технически не применимы в сфере энергоснабжения с участием поставщиком и потребителей, поскольку такие решения в идеальном представлении, должны обеспечивать объективную фиксацию и учёт обстоятельств, связанных с поставкой и потреблением такой энергии. Решение данного вопроса лежит в плоскости соединения существующих технологий фиксации количественных и качественных характеристик оборота энергоресурсов

(обобщенно – приборов учёта) и программного обеспечения отвечающего за работу смарт-контрактов.

Кроме того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель не предусмотрел каких-либо требований к надёжности и защищённости технологий автоматизации исполнения обязательств по договору, что, однако, является важным аспектом, в части «доверия» участников гражданского оборота к технологиям смарт-контракта, которые применяются в виде конкретного программного обеспечения предлагаемого его создателем (вопросы сертификации или иного способа удостоверения качества предлагаемого «продукта» в частном секторе остаются нерешёнными). В связи с этим, использование цифровых технологий автоматизации исполнения обязательств (смарт-контрактов) в отношениях связанных с энергообеспечением, возможно только после решения задачи нормативного закрепления критериев качества и надёжности программного продукта, предполагающего использования данной технологии, требований к его функциональным возможностям, связанным с необходимостью регулирования правоотношений между поставщиками и потребителями энергии в их динамике (предусматривать возможность внесения изменений в смарт-контракт).

Список использованных источников

1. Зражевская К.П., Анисимов А.В. Об особенностях договора энергоснабжения // Контентус. 2020. № 10. С. 35-40.
2. Артамонова Е.В., Сафонов А.Е. Индустрия 4.0: будущее ит-сферы // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-2. С. 382-384.
3. Гриднева О.В., Шаповалов Д.А., Настюк П.В. Статус смарт-контракта с позиции доктрины российского и международного права // Юридическая наука. 2022. № 3. С. 12-18.
4. Актуальные задачи энергетического права: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.В. Романовой. М.: Интеграция: Образование и Наука, 2022. 254 с.
5. Шабуня В. В. Цифровые технологии как драйвер инновационного развития ТЭК. Проблемы и перспективы правового регулирования // Правовой энергетический форум. 2021. Выпуск № 4 С. 38-45
6. Лизикова М.С. вопросы трансформации нормативно-правового регулирования в области использования атомной энергии в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 4. С. 28-33.
7. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3847.
8. Гаджиев М.Э. Цифровые права как элемент имущественных отношений с использованием цифровых технологий // Закон и право. 2024. № 3. С. 145-148.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

10. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2022г.) // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

12. Абрамова Е.Н. Энергетический ресурс: понятие, виды, система // Право и экономика. 2020. № 7. С. 26-33.

13. Павлов К.А. Договор энергоснабжения в системе специального законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7-2. С. 208-211.

Назаров Михаил Юрьевич,
аспирант Пермского государственного
национального исследовательского университета
(Пермь, Россия)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВОДОРОДА ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

***Аннотация.** В рамках настоящей статьи рассматриваются нормативные основы для применения водорода для генерации электрической энергии в рамках развития низкоуглеродной энергетики. Проводится анализ существующих программных документов в данной сфере, устанавливаются цели их принятия. Рассматривается действующее правовое регулирование в области энергоснабжения, в частности законы об электроэнергетике и газоснабжении, на предмет допустимости использования водорода в настоящее время. Предлагаются законодательные изменения для реализации стратегии развития водородной энергетики.*

***Ключевые слова:** низкоуглеродная энергетика, водородная энергетика, энергоснабжение, электроэнергетика, газоснабжение, возобновляемый источник энергии.*

В российской литературе наблюдается консенсус в положительном восприятии и оценке перспектив использования водорода в энергетике. Например, Ю.В. Зворыкина и О.А. Павлова рассматривают водородную энергетику как один из вариантов трансформации отечественной энергетической промышленности, актуальный в рамках импортозамещения [1, с. 218]. С.Ю. Ковалев и И.Ю. Блам, не отрицая очевидное применение водорода в качестве энергоносителя, также допускают его использование в промышленности, например, сталелитейной, отличающейся довольно сильным углеродным следом [2, с. 60]. Позиция государства отражена в Послании Федеральному Собранию в 2021 году, в котором Президент РФ обозначил водородную энергетику в качестве перспективного направления развития [3].

В рамках рассмотрения обозначенного вопроса разумно обратиться к методу экономического анализа права, позволяющего связать реальные экономические отношения и правовую надстройку, поскольку ещё К. Маркс обоснованно доказывает, что именно способ производства (экономическая сфера) определяет, в частности, правовые процессы, а не наоборот [4, с. 6–7].

Итак, экономический анализ права требует определить два основных момента: последствия изменения нормы права или отсутствия данного изменения и цель, ради которой осуществляется изменение правового регулирования, так как именно зная цель, можно оценить адекватность предложенного варианта правовой реформы [5, с. 6–9].

Ориентация на водород, как на один из вариантов перехода на низкоуглеродную энергетику, конечно, полезна и может принести желаемый эффект, однако существенное значение имеет и способ производства этого «чистого» топлива. Так, авторы отмечают, что на 2017 год только 1% произведённого водорода приходится на углеродно-нейтральный «зелёный», выработка остального же является причиной появления более половины всего углеродного следа человечества [1, с. 127–128]. Без решения данной проблемы говорить о низкоуглеродной водородной энергетике пока не приходится, но стоит отметить некоторый прогресс в обозначенном направлении, например, по данным Национального рейтингового агентства на февраль 2022 года уже 5% водорода является «зелёным» [6].

В литературе отмечается, что препятствием для развития водородных технологий является отсутствие документов по стандартизации, а также наличие правового регулирования, носящего только программный или декларативный характер [7, с. 142–145]. Как представляется, отсутствие правовых норм или их недостаточность являются скорее не препятствием, а некоторым затруднением.

Касательно действующего правового регулирования, обратимся к федеральному законодательству. Непосредственно водородные технологии упоминаются только в Федеральном законе о федеральном бюджете [8], причём и в данном нормативно-правовом акте упоминается федеральный проект «Электроавтомобиль и водородный автомобиль» и вопрос о предоставлении субсидий для экспортно-ориентированных проектов по производству водорода. Непосредственно вопросам водородной энергетики действительно посвящены исключительно программные акты.

Так, в 2020 году принята Энергетическая стратегия до 2035 года [9, далее – Стратегия-2035], согласно которой водород рассматривается как новый перспективный энергоноситель, способный в будущем заменить углеводороды; в качестве одних из задач называются создание нормативно-правовой базы в сферах производства водорода и безопасности водородной энергетики. Для реализации обозначенной стратегии в том же году принят План мероприятий [10, далее – План стратегии-2035], в рамках которого законодательные предложения в области производства водорода должны были быть подготовлены к четвёртому кварталу 2021 года, а в сфере безопасности – к 2023 году.

В 2021 году принята отдельная Концепция по развитию водородной энергетике [11, далее – Концепция-2021], в рамках которой вновь повторяется, что водород является перспективным энергоносителем (п. 7) и ставится задача по созданию нормативно-правовой базы в области производства водорода и водородной энергетике (пп. «б» и «ж» п. 28).

К.С. Семенович при этом обосновано замечает, что обозначенные Концепция-2021 и Стратегия-2035 не задают направления для правового регулирования общественных отношений по применению водорода в сфере энергетики [12, с. 51]. С данным мнением невозможно не согласиться, так как

указанные программные документы делают акцент именно на водородной промышленности, но не на энергетике. Подводя промежуточный итог, можно сказать, что заявленная цель реформы – снижение углеродных выбросов путём развития использования водорода.

В январе 2023 года Правительство РФ заключило с Госкорпорацией «Ростатом» и ПАО «Газпром» Соглашение о намерениях развития водородной энергетики [13]. Исходя из Плана стратегии-2035, Росатому поручена разработка нормативно-правовой базы по обеспечению безопасности водородной энергетики. Газпром же рассматривается как производитель водорода из добываемого природного газа, как было указано ранее данный способ производства отнюдь не является углеродно нейтральным. Евразийская экономическая комиссия так же рекомендует [14] государствам – членам ЕАЭС осуществлять научно-техническую кооперацию и содействовать производителям водорода, поэтому представляется возможным рассматривать заключённое Правительством РФ соглашение как своевременное.

Следующим шагом является оценка эффективности воздействия принятых правовых норм, их способности добиться поставленной цели.

Помимо программных заявлений, из реальных шагов в области правового регулирования можно отметить внесение Росстандартом с 1 августа 2023 года природного водорода в Общероссийский классификатор полезных ископаемых и подземных вод [15], однако как, например, отмечает Е. Зотова, «на сегодняшний момент Минприроды не располагает информацией о запасах и ресурсах водорода в российских недрах» [16, с. 89]. Исследователи в целом обращают внимание на реакционный характер энергетической политики в России, изменения порождаются внешними вызовами, созданными другими государствами, а не согласно собственной инициативе [17, с. 158]. Однако следует отметить, что внесение природного водорода в классификатор полезных ископаемых может оказать положительное влияние на предпринимательскую деятельность по его добыче, так как данная деятельность теперь находится в правовом поле и подпадает под регулирование, в том числе и Закона РФ «О недрах» [18], а значит доступна для правомерного осуществления.

Представляется необходимым также исследовать действующее правовое регулирование российской энергетики для оценки возможности использования водорода в рамках текущих правовых норм. Например, К.С. Семенович называет водород и энергию из него «нетрадиционным ресурсом», который тем не менее должен относиться к возобновляемым [12, с. 53]. Норма ст. 3 ФЗ «Об электроэнергетике» [19] содержит дефиницию возобновляемых источников энергии, перечень является закрытым, и водород в нём отсутствует. Однако, например, В.А. Шумаев отмечает, что в мире активно исследуют использование водорода именно в качестве возобновляемого топлива [20, с. 22].

Однако, как представляется, данный ФЗ «Об электроэнергетике» содержит теоретическую возможность применения водорода для генерации электроэнергии. Так, в п. 2 ст. 32 указанного ФЗ в качестве основного топлива для выработки электроэнергии называется нефтяной газ или продукты его переработки. Помня, что одним из способов получения водорода является переработка газа, как следствие – водород подпадает под категорию «продукт его переработки». Кроме того, п. 1 ст. 46.1 данного ФЗ разрешает владельцам тепловых электростанций создавать запасы иных видов топлива (помимо нефтяного газа), что также позволяет использовать водород.

Также следует отметить, что хоть водород и является при нормальных условиях газом с физической точки зрения, но не относится к таковым с юридической, применяемой в сфере энергетики. Определение термина «газ», содержащееся в ст. 2 ФЗ «О газоснабжении» [21] является закрытым и не содержит в своём составе водород. Данный подход сочетается с позицией иностранных правовых порядков, так, Д.К. Чугунов и Р.А. Касьянов обращают внимание на то, что Германия пошла по пути разделения правового регулирования природного газа и водорода [17, с. 154–155].

Однако указанный пример является исключением из общего правила, как замечает М.С. Лизикова, в иностранных государствах механизмы правового регулирования ещё не выработаны, и водородные технологии находятся на начальном этапе развития, что как следствие порождает «колоссальные проблемы с обеспечением безопасности» [7, с. 143]. Безопасность жизнедеятельности человека, разумно полагать, относится к тем ценностям и приоритетам, которые должно обеспечивать эффективное правовое регулирование. Однако, как верно полагает К.С. Семенович, правовое регулирование при этом не должно ограничивать инновационное развитие [12, с. 55].

Исходя из вышесказанного представляется разумным и обоснованным внести изменения в законодательные акты, регулирующие энергетику. В частности, внести водород в список возобновляемых источников энергии и прямо разрешить использование водорода для генерации электрической энергии, данные предложения позволят приступить к практической реализации низкоуглеродной энергетики.

Список использованных источников

1. Зворыкина Ю.В. Водородная энергетика: перспективы и вызовы для России / Ю.В. Зворыкина, О.А. Павлова // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2021. № 3. С. 126–139.
2. Ковалев С.Ю. Перспективы водородной энергетики в контексте энергетического перехода / С.Ю. Ковалев, И.Ю. Блам // ЭКО. 2021. № 7 (565). С. 56–72.
3. Послание Президента Федеральному Собранию : Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Российская газета, № 87, 22.04.2021.

4. Маркс К. Сочинения. Т. 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. 771 с.
5. Maskaay E. Law and Economics for Civil Law Systems / E. Maskaay. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2013. 533 p.
6. Водородная лихорадка. Аналитический обзор. Февраль 2022 // НРА. Национальное рейтинговое агентство. URL: https://www.national.ru/sites/default/files/analytic_article/Hydrogen_0.pdf?ysclid=lofvaj4rmh331996715 (дата обращения: 01.11.2023).
7. Лизикова М.С. Стратегии развития и вопросы правового обеспечения водородной энергетики / М.С. Лизикова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16. № 4. С. 135–151.
8. О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов : Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 05.12.2022.
9. Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года : Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-п // СЗ РФ, 15.06.2020, № 24, ст. 3847.
10. Об утверждении Плана мероприятий по реализации Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года : Распоряжение Правительства РФ от 01.06.2021 № 1447-п (ред. от 15.09.2023) // СЗ РФ, 14.06.2021, № 24 (Часть II), ст. 4530.
11. Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-п // СЗ РФ, 16.08.2021, № 33, ст. 6124.
12. Семенович К.С. О Концепции развития правового регулирования водородной энергетики России / К.С. Семенович // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 47–56.
13. О подписании соглашений о намерениях между Правительством Российской Федерации и заинтересованными организациями в целях развития высокотехнологичного направления «Развитие водородной энергетики» : Распоряжение Правительства РФ от 16.01.2023 № 40-п // СЗ РФ, 23.01.2023, № 4, ст. 683.
14. О перспективных направлениях сотрудничества государств членов Евразийского экономического союза в сфере водородной энергетики : Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24.01.2023 № 2 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>, 27.01.2023.
15. Об утверждении Изменения 5/2023 ОКПИИПВ к Общероссийскому классификатору полезных ископаемых и подземных вод : Приказ Росстандарта от 07.07.2023 № 490-ст [Электронный ресурс] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Зотова Е. Глобальная декарбонизация: курс на водород / Е. Зотова // Энергетическая политика. 2023. № 10 (189). С. 80–89.

17. Чугунов Д.К. Новейшие тенденции европейского регулирования водородной энергетики в контексте обеспечения российских интересов / Д.К. Чугунов, Р.А. Касьянов // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 150–161.

18. О недрах : Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ, 06.03.1995, № 10, ст. 823.

19. Об электроэнергетике : Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ, 31.03.2003, № 13, ст. 1177.

20. Шумаев В.А. Инновационный разработки: водород как источник возобновляемой энергии / В.А. Шумаев // В центре экономики. 2022. Т. 3. № 1. С. 19–25.

21. О газоснабжении в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ, 05.04.1999, № 14, ст. 1667.

Найденов Андрей Андреевич,
магистрант Международного института энергетической
политики и дипломатии Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России
(Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОДНОСТОРОННИХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития международного сотрудничества в области обеспечения энергетической безопасности в условиях ограничительных мер. Дан анализ актуальных международно-правовых инструментов, обеспечивающих энергетическую безопасность России. Обозначены приоритетные направления деятельности энергетической дипломатии при разработке международных энергетических проектов.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, энергетическое сотрудничество, международные санкции, энергетическая дипломатия, топливно-энергетический комплекс.

Энергетика является стратегически важной сферой для любого государства. Топливо-энергетический комплекс по праву считается одной из основополагающих отраслей РФ, поскольку он обеспечивает почти половину доходов федерального бюджета. В связи с этим, особое значение приобретает поддержание надежности и устойчивости функционирования российского ТЭК в условиях нестабильной внешнеполитической ситуации. По нашему мнению, бесспорным является тот факт, что достижение и сохранение стабильности в области энергетической безопасности России возможно только при создании и реализации на практике системы правовых инструментов, целью которых станет не только упорядочивание внутригосударственных процессов, но и обеспечение учета государственных интересов в процессе осуществления межгосударственного сотрудничества в сфере энергетической безопасности.

Правовое регулирование энергетической безопасности России состоит не только из многочисленных национальных нормативно-правовых актов. В настоящее время особую значимость приобретает международное сотрудничество, в большой мере реализуемое посредством заключения как многосторонних, так и двусторонних международных договоров. Кроме того, ключевыми субъектами в обеспечении энергетической безопасности на мировом уровне являются многочисленные международные организации, целью которых становится решение практических задач различного характера. Именно в документах международных организаций находят отражение

важнейшие правила и требования, способствующие достижению энергетической безопасности не только его участников, но и всего международного сообщества.

В Доктрине энергетической безопасности РФ 2019 года энергетическая безопасность понимается как «это состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации» [1]. Соглашаясь с данным определением, по нашему мнению, необходимо дополнить, что упомянутое выше состояние защищенности не может быть обеспечено усилиями отдельно взятого государства по причине многополярности мировых энергетической и политической систем.

В подтверждение данного тезиса можно привести точку зрения Москалец А.П., согласно которой рассмотрение энергетической безопасности отдельного государства невозможно в отрыве от международно-правового регулирования по причине их глубокой взаимосвязи. Он уточняет, что достижение стабильности в сфере энергетической безопасности при использовании только национальных правовых средств отдельно взятого государства невозможно [2].

Ретроспективный анализ международного энергетического сотрудничества также может послужить доказательством данного утверждения. Ярким свидетельством чего является тот факт, что так называемый «тоталитарный» режим СССР хотя и носил закрытый характер в международном аспекте, однако и ему требовалось осуществлять международное сотрудничество и ратифицировать международные нормы, в частности касающиеся обеспечения энергетической безопасности. Одним из примеров такого сотрудничества можно считать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1957 г. «О ратификации Устава Международного Агентства по атомной энергии» [3].

Многочисленное нормативное регулирование, принимаемое в рамках работы МАГАТЭ, по сей день используется государствами-членами в качестве основы для создания национального законодательства в сфере обеспечения энергетической безопасности в области использования атома.

Как справедливо подчёркивают Лаврентьева М.С. и Туркин М.М., необходимо помнить, что основополагающим элементом энергетической безопасности России является стабильный спрос на нефте- и газопродукты, поставляемые их потребителям на основании заключенных на продолжительный срок договоров. Из этого следует, что одной из основных угроз для российской энергетической безопасности является нестабильность на международном энергетическом рынке.

Сегодня как никогда раньше заметна обоюдная зависимость государств-экспортеров и -импортеров энергетических ресурсов в сфере обеспечения

национальной энергетической безопасности. Для их стабильного существования и устойчивого развития необходимы постоянные и прочные экономические отношения в энергетическом секторе. Мнение Деничева К., согласно которому энергетическая безопасность потребителя находится в неразрывной связи с энергетической безопасностью поставщика и в свою очередь свидетельствует о существовании единой системы энергобезопасности, в которую входят каждая из сторон [4], справедливо подтверждает данный тезис.

Исходя из этого, основополагающим инструментом обеспечения энергетической безопасности России в международно-правовом поле являются экономические соглашения Российской Федерации с зарубежными странами о поставке энергетических ресурсов. Нельзя не согласиться с тем, что двусторонние соглашения в большей мере отвечают национальным интересам каждой из сторон, а также позволяют достигнуть консенсуса на более выгодных для сторон условиях.

Российская Федерация как крупнейший экспортер энергетических ресурсов заключила целый ряд международных соглашений, целью которых является двустороннее сотрудничество в области обеспечения энергетической безопасности обоих государств в таких аспектах как: условия поставки, порядок формирования цены на поставляемые энергетические ресурсы, их качество и иные существенные условия. Контрагентами таких международных соглашений являются Республика Армения [5], Республика Беларусь [6], Республика Словения [7] и многие другие страны.

Однако необходимо отметить, что достигнутые в многочисленных соглашениях договоренности не являются незыблемыми и подвержены влиянию глобальной рыночной конъюнктуры. В 2022-2023 гг. в условиях обострившейся международной политической обстановки по инициативе многочисленных западных стран в отношении Российской Федерации были приняты многочисленные ограничения на поставки российской нефти и газа, нацеленные на нанесение максимального ущерба российской энергетической безопасности.

Несмотря на огромный потенциал дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества в области обеспечения энергетической безопасности между РФ и странами ЕС, последние променяли многолетнее стратегически важное партнерство на подлый политический ход, последствия которого бумерангом ударили по их собственной энергетической безопасности. На основе проведенного анализа содержания уже принятых санкционных пакетов ЕС, можно сделать вывод о том, что они фактически направлены на тотальное запрещение любой деятельности РФ на европейских энергетических рынках [8]. В целях минимизации негативных последствий ограничений, вводимых недружественными странами, российская сторона не только приняла ряд ответных мер, но и изменила свой общий внешнеполитический курс, перенаправив часть энергоресурсов с европейского рынка на азиатский [9].

В настоящее время в условиях многочисленных ограничительных мер стран Запада Китайская Народная Республика выступила в роли так называемой «подушки безопасности» для пошатнувшейся системы обеспечения энергетической безопасности России. Например, к уже достигнутым договоренностям [10] России и Китая 31 января 2023 года было заключено Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по «дальневосточному» маршруту [11]. Кроме того, 8 июня 2023 года Российская Федерация и Китай подписали ряд соглашений, касающихся стратегического сотрудничества в области атомной энергетики [12]. При этом в восточном регионе для России также открылись новые рынки сбыта сырой нефти это Шри-Ланка, Индия и Пакистан [13]. Более того, перспективы сотрудничества России со странами Южной Азии в области обеспечения взаимной энергобезопасности возрастают с развитием такого проекта как Пакистанский поток, а также с увеличением поставок нефти Индии и Шри-Ланке. Кроме того, Россия также заинтересована в расширении сотрудничества со странами Африканского региона. Первым большим шагом в развитии российско-африканских отношений за последнее время стал Саммит Россия – Африка 2019-го года, проходивший в Сочи. В итоговой декларации отдельное место заняли вопросы сотрудничества в сфере обеспечения взаимной энергетической безопасности, диверсификации энергетических ресурсов и расширения использования ВИЭ [14]. В настоящее время по последним данным в проработке находятся не менее 30 энергетических проектов с участием России в 16 государствах Африки [15].

Необходимо также упомянуть о сотрудничестве в рамках ЕАЭС. Так, в настоящее время идет работа по формированию общих конкурентоспособных рынков нефтепродуктов, электроэнергии в рамках ЕАЭС. Еще в 2019 году члены ЕАЭС подписали договор о общем электроэнергетическом рынке стран ЕАЭС, который заложил основы участия естественных монополий на общем электроэнергетическом рынке стран ЕАЭС [16]. В 2020 году была утверждена дорожная карта по формированию единого энергетического рынка стран ЕАЭС [17].

Таким образом, справедливо можно отметить, что ограничительные меры, предпринятые недружественными странами, создают новые условия существования России на международных энергетических рынках, а следовательно, приводят к появлению новых международно-правовых инструментов, обеспечивающих энергетическую безопасность Российской Федерации. В отличие от стран Запада, чьи политизированные решения имеют целью лишь полное исключение России из международной конъюнктуры, а не достижения всеобщей энергетической защищенности, Российская Федерация в полной мере выполняет взятые на себя обязанности в соответствии с международными соглашениями.

В условиях глобального политического давления Российская Федерация для сохранения достигнутого состояния энергетической защищенности своевременно и эффективно отвечает современным вызовам, налаживая контакт с новыми странами и новыми регионами преимущественно в рамках двустороннего сотрудничества. Кроме того, особое значение в условиях санкций приобретает энергетическая дипломатия. Внешняя правовая политика России в области обеспечения энергетической безопасности должна учитывать новые риски, связанные с ограничениями в отношении российской энергетики.

Таким образом, необходимо, чтобы Российская Федерация посредством своих международных представителей принимала активное и непосредственное участие в разработке и принятии международно-правовых документов в сфере энергетики, вместо сохранения статуса «присоединяющейся стороны», как это было при разработке Энергетической хартии. Более того, энергетические проекты должны разрабатываться и направляться контрагентам, в первую очередь, российской стороной. В таких проектах особенно необходимо уделять особое внимание установлению защиты от различных рисков, которые могут исходить от третьих стран-инициаторов санкций. Наконец, представляется логичным, чтобы споры по энергетическим проектам в условиях санкционного давления рассматривались преимущественно в российской юрисдикции.

Список использованных источников

1. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324378/
2. Москалец А. П. Становление и развитие законодательства в области регулирования отношений, связанных с чрезвычайными ситуациями (исторические и сравнительные аспекты). М. : ВНИИ ГОЧС, 2000. С. 43.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1957 г. «О ратификации Устава Международного Агентства по атомной энергии» // ЭПС «Система ГАРАНТ» – URL: <https://base.garant.ru/2566794/#friends>
4. Денчев, К. Д. Парадигма энергетической безопасности : учебное пособие / К. Денчев. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – С. 32.
5. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Армения о порядке формирования цен при поставке природного газа в Республику Армения от 2 декабря 2013 г. // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201312230031?index=0&rangeSize=1>
6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о порядке формирования цен (тарифов) при поставке природного газа в Республику Беларусь и его транспортировке по газопроводам, расположенным на территории Республики Беларусь

(Москва, 25 ноября 2011 г.) // ЭПС «Система ГАРАНТ» – URL: <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F70201436%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F452%2F10%2F0%2F0%2FCоглашение%20о%20поставке%20газа%3A7>

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Словении о поставках природного газа из Российской Федерации в Республику Словению, 05.11.1992 // Официальный сайт Министерства энергетики РФ – URL: <https://minenergo.gov.ru/node/11212>

8. Мастепанов А.М. Энергетическая безопасность по-европейски // Энергетическая политика. – 2023. – № 1 (179). – С. 20.

9. Мишальченко Ю.В., Довбуш Т.Н., Мишальченко М.Ю. Международно-правовые аспекты энергетического сотрудничества Российской Федерации и Европейского союза в условиях санкций // Россия в глобальном мире. 2021. № 20 (43). – С. 40.

10. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по «восточному» маршруту от 13 октября 2014 г. // ЭПС «Система ГАРАНТ» – URL: <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F70815896%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1497%2F1%2F0%2F0%2FCоглашение%20между%20Правительством%20РФ%20и%20Правительством%20КНР%20о%20сотрудничестве%20в%20сфере%20поставок%20природного%20газа%20из%20Российской%20Федерации%20в%20Китайскую%20Народную%20Республику%20по%20восточному%20маршруту%20от%2013%20октября%202014%20г.%3A6>

11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере поставок природного газа из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику по «дальневосточному» маршруту // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301300033?index=1&rangeSize=1>

12. Россия и Китай подписали рекордный пакет соглашений о сотрудничестве в ядерной сфере // Официальный сайт Госкорпорации «Росатом» — URL: <https://rosatom-energy.ru/media/rosatom-news/rossiya-i-kitay-podpisali-rekordnyy-paket-soglasheniy-o-sotrudnichestve-v-yadernoy-sfere/>

13. Russia Could Find New Markets for Half the Oil Shunned by the EU // Официальный сайт Bloomberg – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-16/russia-could-find-new-markets-for-half-the-oil-shunned-by-the-eu?leadSource=verify%20wall>

14. Декларация первого саммита Россия — Африка. — Текст: электронный // Сайт мероприятия «Саммит и Экономический Форум Россия-Африка» — URL: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration/>

15. В. Путин сообщил о проработке энергопроектов с участием России в Африке // Сайт Neftegaz.RU — URL: <https://neftegaz.ru/news/partnership/788331-v-putin-soobishchil-o-prorabotke-energoproektov-s-uchastiem-rossii-v-afrike/>

16. Совет ЕЭК определил организацию для централизованной торговли электроэнергией на сутки вперед на общем рынке Союза Африке [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/sovet-eek-opredelil-organizatsiyu-dlya-tsentralizovannoy-torgovli-elektroenergiey-na-sutki-vpered-na/#:~:text=Создание%20общих%20рынков%20энергоресурсов%20ЕАЭС,торговле%20всех%20своих%20«оптовиков»>.

17. В ЕЭК утверждена дорожная карта электроэнергетического рынка ЕАЭС [Электронный ресурс] // Российская газета. Союз Беларусь / Россия, 22 июня 2020 г. — URL: <https://rg.ru/2020/06/22/v-eek-utverzhdna-dorozhnaia-karta-elektroenergeticheskogo-rynka-eaes.html>

18. Лобанов С.А., Ростунова О.С. Взаимосвязь международного и национального уголовного права в сфере обеспечения безопасности энергетической деятельности. Московский журнал международного права. 2021;(4):108-122. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-4-108-122>

19. Мастепанов А.М. Влияние западных санкций на развитие энергетики России. Регулирование энергетической политики // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 6 (174). – С. 5-24.

20. Шевченко, Л. И. Понятие и правовое обеспечение энергетической безопасности как основы энергетического правопорядка / Л. И. Шевченко // Правовой энергетический форум. 2021. № 1. – С. 26-31.

Перемышленникова Инна Николаевна,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЛИНЕЙНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу линейных энергетических сооружений как специфических объектов правового регулирования. Осуществлена классификация линейных энергетических объектов, приведен обзор имеющихся в законодательстве и в научных публикациях определений данного понятия, сформулированы признаки линейных объектов, показаны некоторые изъяны правового регулирования в данной сфере. Предложены нововведения «национальных нормативов», образующие новизну научных изысканий.*

Обоснован вывод о комплексности и междисциплинарности правового регулирования общественных отношений, связанных с проектированием, строительством и эксплуатацией линейных энергетических объектов.

***Ключевые слова:** линейный объект; объекты электроэнергетики; правовой режим; правовая категория; энергетика; междисциплинарность.*

Вопрос правового регулирования линейных объектов всегда был и до сих пор является одним из самых сложных в российском законодательстве. Прежде всего, следует обратить внимание на тот факт, что законодательно закрепленного понятия «линейный объект» в нормативно-правовых актах Российской Федерации нет, при том, что это словосочетание встречается в Кодексах РФ (Градостроительном, Земельном, Лесном, Водном, Гражданском), Федеральных законах и подзаконных актах, Правилах и Приказах, ведомственных нормативных актах, а также различных СНИПах и ГОСТах. Во многих научных публикациях, посвященных характеристике линейных объектов как правовой категории, практически единодушно констатируется существенный недостаток — отсутствие единого легального определения данного понятия [12].

Законодателем рассматриваемое понятие трактуется преимущественно путем перечисления конкретных объектов, имеющих схожие признаки. Так:

1) в соответствии с Градостроительным кодексом РФ в статье 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» к линейным объектам, относятся линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения [2];

2) Федеральным законом от 21 июля 2011 года № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», а именно ст. 2 линейные объекты топливно-энергетического комплекса представляют собой систему линейно-протяженных объектов топливно-энергетического комплекса (электрические сети, магистральные газопроводы, нефтепроводы и нефтепродуктопроводы), предназначенных для обеспечения передачи электрической энергии, транспортировки газа, нефти и нефтепродуктов [3] и др.

Исходя из содержания названных нормативных правовых актов, линейными объектами являются линии электропередачи, линии связи (в том числе линейно-кабельные сооружения), трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии и другие подобные сооружения. Отсутствие нормативного определения понятия «линейный объект» компенсировано многочисленными попытками сформулировать его обобщенное определение в научных публикациях. Например, имеется вариант формулировки линейного объекта как интегрального понятия различных отраслей законодательства (прежде всего, градостроительного и земельного), как «объекта, обладающего большой протяженностью, имеющего возможность пересекать несколько земельных участков и находиться как на земле, так и под или над ней» [10, с. 964-971].

Структурно-функциональный подход к определению линейного объекта демонстрирует В. А. Протас: они «представляют собой систему сооружений, включающих наземные, надземные или подземные конструктивные элементы, протяженность которых значительно превышает их ширину и которые предназначены для обеспечения передвижения, перемещения и передачи материалов и веществ в интересах государства и местного населения» [13].

О. В. Шаповал, А. Л. Мкртчян сформулировали определение, которое называет такие родовые характеристики линейного объекта, как: его принадлежность к категории недвижимости; протяженность (прохождение через несколько земельных участков); линейность (наличие начального и конечного пункта); определенное производственное назначение [14].

Более развернутое определение линейного объекта предлагает Н. С. Комиссарова, которая делает акцент на его функциональном предназначении, а также структуре составляющих его элементов. По мнению указанного автора, «линейный объект — система либо часть системы инженерно-технического обеспечения, в составе разнородных вещей, функционально и технологически взаимосвязанных, используемых в одном производственном процессе, выполненного надземным, наземным, подземным, а также подводным способом, предназначенный для выполнения производственных (электро-, газо-, нефте-, водопроводы и др.) и транспортных функций (дороги и пути всех назначений, переходы, проезды и др.), включая элементы вспомогательного и (или) дополнительного назначения (трансформаторы, опоры и др.)» [11].

Обобщая названные нормативные, научные и иные источники, можно выделить семь основных признаков линейного объекта, отличающие его от иных объектов материального мира, являющихся предметом правового регулирования:

1) относительно большая протяженность объекта, когда его длина существенно и весьма значительно превышает его ширину (диаметр);

2) в состав линейного объекта входят технологически связанные с ним площадные объекты (например, транспортно-пересадочные узлы, контактные сети и т. п.);

3) это всегда сооружение, т.е. результат осознанной специальной человеческой деятельности — строительства;

4) прочная связь линейного объекта с землей, что относит его к категории недвижимого имущества;

5) специальное назначение объекта;

6) обязательность государственной регистрации линейных объектов и сделок с ними, поскольку они относятся к категории недвижимости. Эти объекты подлежат также соответствующему техническому учету (в зависимости от типа и предназначения объекта);

7) обязательным атрибутом большинства линейных объектов является наличие охранных зон, которые устанавливаются для защиты линейных объектов от негативного внешнего воздействия, а также для защиты населения и окружающей среды от негативного воздействия, оказываемого на них функционированием линейных объектов.

Таким образом, проведенный анализ законодательства и научных источников позволяет резюмировать, что линейные объекты являются специфическими объектами правоотношений, регулируемых нормами градостроительного, земельного, гражданского, транспортного, энергетического законодательства и др. Это свидетельствует о комплексном, междисциплинарном характере правового регулирования общественных отношений, связанных с проектированием, строительством и эксплуатацией таковых.

На законодательном уровне дальнейшее формулирование понятия линейного объекта, должно максимально обобщать все определения, указанные в нормативно-правовых актах и отвечать требованиям современной реальности. Линейный объект, по нашему мнению, есть система либо часть системы инженерно-технического обеспечения, в составе разнородных вещей, функционально и технологически взаимосвязанных, используемых в одном производственном процессе (электро-, газо-, нефте-, водопроводы и др.) и транспортных функций (дороги, переходы, переезды и др.), включая элементы вспомогательного или дополнительного назначения (трансформаторы, опоры и др.). Данная норма – дефиниция вполне гармонично смотрелась бы в ст. 2 Федерального закона № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [5] среди прочих имеющихся определений различных юридических категорий.

Самостоятельную проблему в научно-правовом измерении образует и дефиниция «энергетический объект». Как таковое понятие «энергетический объект» в законодательной практике не применяется, а используются иные многочисленные термины. При этом, безусловно, используемые в отраслевых законодательных актах определения отражают особенности соответствующих объектов в разных отраслях энергетики, охватывая как недвижимые, так и движимые объекты, однако дефиниции обобщающего понятия «энергетический объект» применительно к обозначенной нами сфере правоотношений не выработано.

Так, статья 3 Федерального закона от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [4] содержит определение понятия «объекты электроэнергетики», под которыми понимаются имущественные объекты, непосредственно используемые в процессе производства, передачи электрической энергии, оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике и сбыта электрической энергии, в том числе объекты электросетевого хозяйства; кроме того раскрывает термины «объекты электросетевого хозяйства» и «объект микрогенерации».

В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 года № 1523-р [5], понятие «энергетический объект» не используется, при этом применены термины: «объекты энергетики», «объекты топливно-энергетического комплекса», «объекты солнечной энергетики и ветроэнергетики», «объекты гидроэнергетики», «объекты электроэнергетики», «объекты энергообеспечения», «генерирующие объекты», «объекты микрогенерации».

Терминологический ряд Федерального закона от 21 июля 2011 года №256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» [3], в части объектов исходит из понятия «объекты топливно-энергетического комплекса», содержание которого раскрыто следующим образом: «объекты электроэнергетики, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, газовой, угольной, сланцевой и торфяной промышленности, а также объекты нефтепродуктообеспечения, теплоснабжения и газоснабжения».

Налицо определение понятия через перечисление входящих в его объем более частных понятий; при этом определения каждого из них не даются. Взаимосвязанные понятия критически важных объектов ТЭК, линейных объектов ТЭК, охраняемых объектов ТЭК и т.д. являются производными, раскрывающими частные случаи.

С учетом проведенного анализа полагаем возможным предложить следующее определение энергетических объектов, имеющее, прежде всего, доктринальное значение для дальнейших научных изысканий.

Энергетический объект – это единый комплекс имущества, включающий результаты завершенного правомерного строительства (здания, сооружения, при необходимости также некапитальные строения) и (или) иное

имущество, в совокупности служащие основному предназначению – организации производственного процесса, связанного с производством, при необходимости – накоплением и созданием условий для транспортировки энергии (определенного вида). В рамках данного определения находит свое отражение как недвижимое, так и движимое имущество, то есть им охватываются, в том числе материалы и иное необходимое в рамках соответствующих отраслей энергетики имущество.

Опираясь на вышеизложенные дефиниции, можно вывести критерий отнесения тех либо иных объектов к линейным в сфере энергетики, либо их неотъемлемым частям: если данные объекты являются электро (-энерго) передающими. Данный вывод подтверждает и судебная практика. Например, постановление девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-13097/2018 по делу № А40-124324/17 [7], в котором решался вопрос – какое имущество относится к линиям электропередачи и сооружениям, являющимися их неотъемлемой технологической частью. Суд исходил из функционального критерия: являются ли данные объекты электропередающими, и указал, что данные объекты не являются неотъемлемой частью линий электропередачи, а являются оборудованием, обеспечивающим выработку, преобразование и передачу электроэнергии до точки разграничения, а значит входят в состав энергетического производственно – технологического комплекса ГЭС и ТЭС, являются основной частью имущественного комплекса и означают сложную вещь, состоящую из зданий и сооружений.

По другому из дел Арбитражный суд Тульской области разъяснил – спорная КТП № 6974 «Арталия» ЛЭП 6кВ представляет собой инженерное сооружение для размещения элементов электрических сетей, является сложным, единым и неделимым объектом, а также неотъемлемой частью линий энергопередачи, а следовательно, трансформаторная подстанция с находящимся в ней комплектом трансформаторов является объектом недвижимого имущества, представляющим собой единую сложную вещь [8]. Следовательно, из данных дел можно вывести критерий отнесения каких-либо объектов к линейным объектам в сфере энергетики, либо их неотъемлемым частям: если данные объекты являются электропередающими, то они являются частью линейного объекта.

Установление в федеральном законодательстве однозначного определения понятий «линейные объекты», «энергетические объекты», «линейные энергетические объекты», их признаков как правовых категории, также требует разрешения вопрос о классификации данных объектов и разграничении их по подвидам. Обратное же может привести к расширенному толкованию этих объектов и как следствие к ущемлению прав собственников и владельцев при урегулировании возникающих при их размещении и эксплуатации правовых вопросах.

Аккумулировав точки зрения исследователей последних лет [10; 15], полагаем возможным предложить следующий перечень видов линейных энергетических объектов и их классификационных критериев.

1. В зависимости от комплексных этапов создания и эксплуатации линейных энергетических объектов могут быть выделены: проектируемые (еще не созданные объекты, в отношении которых осуществляются инженерные изыскания, архитектурно-строительное проектирование и т.д.); строящиеся (в рамках которых в отношении объектов строительства (при необходимости также некапитальных строений) осуществляется процесс строительства, то есть идут именно правомерные строительные работы после получения всех необходимых разрешений и согласований; введенные в эксплуатацию (эксплуатируемые, то есть те, в отношении которых полностью завершены строительные работы, осуществлена сдача-приемка, запуск, и в дальнейшем возможны работы по капитальному ремонту, реконструкции и т.п.).

2. В зависимости от отрасли энергетики, к которой относится объект, можно выделить следующие их разновидности: газопроводы, нефтепроводы и т.д.

3. В зависимости от вида энергии можно выделить следующие разновидности линейных энергетических объектов: объекты нефтяной энергетики; объекты газовой энергетики; объекты гидроэнергетики; объекты теплоэнергетики; объекты альтернативной энергетики и др.

4. В зависимости от степени опасности линейные энергетические объекты могут быть классифицированы на обладающие нулевой степенью опасности, низкой степенью опасности, средней степенью опасности, высокой и чрезвычайно высокой степенью опасности, что определяется уровнем потенциальной угрозы жизни и здоровью людей, окружающей природной среде.

Безусловно, исследователями могут быть предложены также иные классификационные критерии. Однако, проведенная выше классификация, на наш взгляд, в достаточной степени показывает широкое разнообразие объектов, фактически подпадающих под сформулированные нами дефиниции линейного, энергетического объекта применительно к исследуемой сфере правоотношений, что важно для формирования устойчивого правового подхода к единообразному пониманию таковых.

Общими недостатками правового регулирования в сфере строительства, функционирования и эксплуатации линейных энергетических объектов, следует назвать:

1. отсутствие универсального правового акта – самостоятельного Федерального закона, в котором бы содержались основы комплексного регулирования различных аспектов функционирования линейных энергетических объектов;

2. анализируемое понятие трактуется в законодательстве только посредством перечисления их видов в различных отраслях экономики, при этом унификация терминологии при таком перечислении объектов отсутствует;

3. отсутствие формулировки юридически корректного определения, которое бы наиболее полно раскрывало существенные отличительные признаки линейных энергетических объектов.

Вместе с тем некоторыми авторами – О. В. Шаповал, А. Л. Мкртчян [14], А. Д. Варданян [9] – высказывается аргументированное мнение о том, что «обобщать все многочисленные разновидности линейных объектов в одно универсальное определение не является рациональным путем решения существующей проблемы, поскольку необходимо учитывать, что в различных нормативных правовых актах характеристики данных объектов указываются с использованием разных определений».

Подводя итог вышесказанного, можно сделать вывод о том, что пока не сложилось системное регулирование линейных объектов в сфере энергетики, основанное на единообразных их понятиях, но в отдельных секторах приняты нормативные правовые акты, определяющие виды и правовой режим таковых специфичных объектов.

Дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования размещения линейных энергетических объектов невозможно без формирования в федеральном законодательстве единого унифицированного определения, а также исчерпывающей классификации их видов. Данное нововведение не только позволит существенно упростить процесс правового регулирования линейных энергетических объектов, но и поспособствует благоприятному и эффективному развитию инфраструктуры территории. Кроме того, целесообразно конкретизировать нормы поведения участников данных правоотношений, поскольку оно имеет важное социально-экономическое значение.

Необходимость в постоянном обновлении законодательной базы, комплексно определяющей все аспекты, как создания, так и эксплуатации линейных энергетических объектов, является важнейшей задачей, обязательной для выполнения.

Список использованных источников

1. Конституция РФ 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 07.11.2023).

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 №190-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // 06.11.2023).

3. Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 21.07.2011 № 256-ФЗ (ред. от 28.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.12.2022) // [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 06.11.2023).

4. Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 №35-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 06.11.2023).

5. Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 09.11.2023).

6. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» от 09.06.2020 № 1523-р // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 08.11.2023).

7. Постановление девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-13097/2018 по делу № А40-124324/17 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral> (дата обращения 09.11.2023).

8. Решение Арбитражного суда Тульской области от 10 апреля 2023 г. по делу № А68-2951/2022 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral> (дата обращения 10.11.2023).

9. Варданян А. Д. Линейные объекты в системе комплексного правового регулирования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 10. – С. 121-124.

10. Гаврилов В.М. Правовой статус линейных объектов в сфере энергетики // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 36. – С. 964-971.

11. Комиссарова Н.С. Устойчивое развитие и проблемы управления объектами электросетевого комплекса России // Радиоэлектроника, электротехника и энергетика. Тезисы докладов Двадцать девятой Международной научно-технической конференции студентов и аспирантов. - Москва. – 2023. – С. 563.

12. Муравьева М.С. Критический анализ новелл правового регулирования линейных объектов // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 5 (209). – С. 55-59.

13. Протас В.А. Понятия и виды линейных объектов // Аллея науки. - 2022. – Т. 2. – № 6 (69). – С. 57-62.

14. Шаповал О. В., Мкртчян А. Л. К вопросу о понятии и особенностях правового режима линейного объекта в РФ // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10 (173). – С. 219-221.

15. Линовская А.В., Гиниятов И.А. Линейные объекты недвижимости и проблемы по их формированию и постановке на государственный кадастровый учет // Регулирование земельно-имущественных отношений в России: правовое и геопространственное обеспечение, оценка недвижимости, экология, технологические решения. – 2023. – № 1. – С. 268-274.

Перегудов Ярослав Андреевич,
студент юридического института
Севастопольского государственного университета,
(Севастополь, Россия)

НЕПЛАТЕЖИ ПО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В данной статье исследуется проблема неплатежей за электроэнергию, её основные причины в целом по стране и конкретно по отдельному региону — Крыму и Севастополю. Рассматриваются изменения в тарифах, внесённые приказами Управления по тарифам города Севастополя от 18 ноября 2022 года (№ 175-УТ) и от 31 июля 2023 года (№ 188-УТ), и их влияние на оплату электроэнергии для населения. Предлагаются пути решения, включая индивидуальное тарифирование на основе потребления, а также специальный тариф на электроэнергию непосредственно для нагрева воды бойлером.*

***Ключевые слова:** неплатежи, электроэнергия, тарифы, Крым, Севастополь, решение.*

В настоящее время все более актуальной становится проблема неплатежей по электроэнергии. Периодический рост размера задолженности по оплате данной услуги на региональных розничных рынках электроэнергии и мощности свидетельствует о неэффективности существующих механизмов, направленных на стимулирование своевременных платежей, и подчёркивает необходимость внедрения более рациональных мер на уровне как федерального, так и регионального законодательства и управления [1, с. 243; 2].

Негативное воздействие оказывают на всю энергетическую сферу систематические задолженности со стороны потребителей, следствием чего становится дефицит оборотных средств, рост дебиторской задолженности у компаний, занятых в сфере энергетики, недостаток топлива на электростанциях, что в свою очередь отрицательно влияет на режим их эксплуатации. Это сказывается на увеличении затрат и снижении экономической эффективности всей энергетической отрасли [3].

Проанализировав представленную Ассоциацией «Некоммерческое Партнёрство «Совет рынка» статистику в сфере задолженности по оплате электроэнергии на рисунке 1, мы видим, что процент долга населения по оплате потреблённой электроэнергии в общей структуре составляет почти 20% и занимает вторую позицию [4; 5]. Согласно отчётам, основными должниками по оплате электроэнергии среди граждан являются асоциальные граждане и владельцы инвестиционных квартир [6, с. 132 – 133]. Социально уязвимые слои населения, такие как малообеспеченные неполные семьи или многодетные, пенсионеры, стремятся своевременно оплачивать жилищно-

коммунальные услуги, включая электроэнергию, однако скромные доходы указанной социальной категории населения не позволяют оплачивать потреблённые услуги в полной мере.

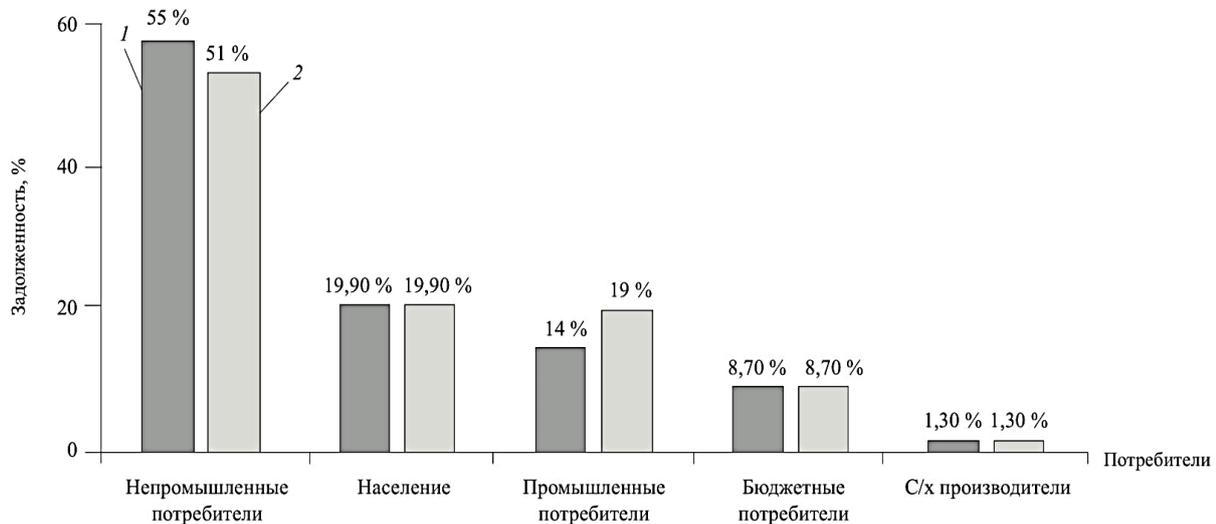

Рис. 1. Структура задолженности за электроэнергию в 2014-2015 и 2016-2017 гг.

По данным Аналитического кредитного рейтингового агентства (далее – АКРА) в 2022 году объем задолженности по оплате электроэнергии на розничном рынке по всем категориям потребителей составил 321,9 млрд рублей, что на 32,4 млрд рублей больше, чем в предыдущем году. В 2021 г. и в 2020 г. прирост составлял 2,4 и 24,1 миллиарда рублей соответственно [7]. Отметим, что среди основных факторов, способствующих задержкам в оплате потреблённой электроэнергии, выделяется рост цен и тарифов за электроэнергию [6, с. 133]. В некоторых населённых районах чрезмерно высокие платежи за коммунальные услуги (ЖКУ) стали источником общественного напряжения [8, с. 15].

Особое внимание заслуживает ситуация в недавно присоединившихся к России регионах, таких как Крым и Севастополь. Одной из причин задержек в оплате электроэнергии в данных регионах является внедрение блочной системы тарифов, в рамках которой стоимость электроэнергии зависит непосредственно от общего потребления в домашних хозяйствах. В приказе от 18 ноября 2022 года № 175-УТ [9] установлены цены на электроэнергию для населения и категорий, которые приравнены к нему, по городу Севастополю на 2023 год (табл. 1). Приказ от 31 июля 2023 года № 188-УТ [10], в целях устранения технических ошибок, вносит корректировки в приложение к приказу № 175-УТ от 18 ноября 2022 года: цифры «1,65» заменены цифрами «1,79»; цифры «1,25» заменены цифрами «1,34»; цифры «1,49» заменены цифрами «1,61». Из представленной в таблице 1 информации видно, что в г. Севастополе используется блочная система тарифов для расчёта стоимости электроэнергии.

Таблица 1

Стоимость электроэнергии в г. Севастополе

Плата за 1 кВт·ч.			
Период действия	Стоимость	Ед. изм.	Описание
с 01.12.2022 по 31.12.2023	4,13	руб./ кВт·ч	за объем, потреблённый до 150 квт·ч э/э в месяц (включительно)
с 01.12.2022 по 31.12.2023	4,86	руб./ кВт·ч	за объем, потреблённый от 151 до 600 квт·ч э/э в месяц (включительно)
с 01.12.2022 по 31.12.2023	8,05	руб./ кВт·ч	за объем, потреблённый сверх 600 квт·ч э/э в месяц (включительно)

Тарифы разделены на три блока в зависимости от потреблённого объёма электроэнергии в месяц:

1. 4,13 руб./киловатт-час – применяется для объёма потребления до 150 кВт·ч электроэнергии в месяц (включительно).
2. 4,86 руб./киловатт-час – применяется для объёма потребления от 151 до 600 кВт·ч электроэнергии в месяц (включительно).
3. 8,05 руб./киловатт-час – применяется для объёма потребления сверх 600 кВт·ч электроэнергии в месяц (включительно).

Блочная система тарифов с тремя диапазонами, с нашей точки зрения, создаёт проблему несправедливого расчёта стоимости электроэнергии, особенно для семей из нескольких человек.

По первоначальным оценкам, данная система предназначена для стимулирования энергосбережения. Однако она приносит серьёзные неудобства многим семьям, особенно большим и семьям с низким уровнем дохода.

Предположим, что у семей, состоящих из пяти человек, имеется значительное количество электроприборов и постоянная потребность в электроэнергии. В таких случаях семьи вынуждены оплачивать дополнительные киловатт-часы по более высокой ставке, что существенно увеличивает их счета за электроэнергию. Эта ситуация вызывает финансовые трудности и заставляет ограничивать использование электроприборов в повседневной жизни из-за опасений увеличения счетов за электроэнергию. Кроме того, следует отметить, что данная система тарифов не учитывает индивидуальные потребности семей, что приводит, соответственно, к дополнительным расходам электроэнергии.

Блочная система тарифов, которая привязывает стоимость электроэнергии к общему потреблению в домохозяйстве, может быть несправедливой в контексте семей. Ведь в семьях могут быть значительные различия в расходе электроэнергии на каждого члена. Например, большие

семьи с детьми могут иметь более высокий расход из-за увеличенного использования электроприборов и освещения в разных комнатах.

Для иллюстрации рассмотрим иной пример: семьи с небольшим количеством человек, а другая – с большим. В первой семье – двое взрослых, в то время как во второй – четверо взрослых и двое детей. Первая семья, возможно, будет экономить на энергии, используя энергосберегающие устройства и включая приборы только по необходимости. Вторая семья же, скорее всего, будет иметь более высокий расход из-за постоянного использования электроприборов и освещения для детей, учёбы и развлечений.

Изменения в тарифах, которые учитывают фактическое потребление каждого члена семьи, могут сделать систему тарификации более справедливой и адаптированной к потребностям разнообразных домохозяйств, способствуя более эффективному использованию энергии, поощряя семьи к бережливому отношению к ресурсам и снижению своих расходов. Адаптированная система тарифов также может быть стимулом для внедрения новых технологий и устройств, способствующих экономии электроэнергии, что в конечном итоге будет положительным шагом в направлении устойчивости и энергосбережения.

Суть предложения заключается в справедливом распределении расходов на электроэнергию между всеми жильцами одной квартиры, исходя из фактического потребления. Например, если семья из четырёх человек потратила 860 кВт·ч, после деления на 4 членов семьи, каждый из них был бы ответственным за 215 кВт·ч. Это означает, что плата за электроэнергию будет рассчитываться на основе более низкого тарифа, равного 4 рублям за кВт·ч, а не более высокого, который составляет 8,05 рубля за кВт·ч при потреблении свыше 600 кВт·ч в месяц.

Система распределения затрат также предоставляет возможность более гибкого управления бюджетом семьи. Вместо высоких платежей за электроэнергию при превышении лимитов, каждый член семьи может удерживать свой расход в определённых пределах, что помогает сберечь семейный бюджет. Кроме того, данный метод способствует содействию экологической ответственности. Возможность оплачивать электроэнергию по более низким тарифам за стандартные объёмы потребления мотивирует семьи быть более бережливыми в использовании энергии и снижать свой след в окружающей среде.

Одна из наиболее острых проблем – значительные расходы на оплату электроэнергии, что вызвано несколькими факторами, включая отсутствие горячего водоснабжения в районах Крыма и Севастополя. Людям приходится устанавливать бойлеры для нагрева воды, что приводит к дополнительным расходам на электричество. Такая ситуация создаёт серьёзные трудности для многих семей, особенно тех, у кого невысокий уровень дохода. Пример: семья вынуждена каждый месяц выделять большую часть своего бюджета на оплату электроэнергии, и она не может установить энергосберегающие системы из-за ограниченных финансовых возможностей.

Таким образом, высокие тарифы и отсутствие горячей воды создают цепочку финансовых трудностей для таких семей. Данная проблема также оказывает негативное влияние на бизнес-сектор. Предприятия вынуждены «переносить» высокие затраты на электроэнергию на своих клиентов, что может привести к увеличению цен на товары и услуги, ухудшению экономической ситуации в регионе, замедлению развития предприятий и уменьшению уровня жизни местных жителей.

В Российской Федерации действуют законы, регулирующие вопросы тарификации и учёта энергопотребления, включая Федеральный закон «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности» [11], и «Основные положения функционирования розничных рынков электрической энергии», утверждённые Постановлением Правительства РФ «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» [12].

Согласно правовым положениям из выше приведённых документов, потребители энергии имеют право на установку индивидуальных счётчиков для учёта потреблённой энергии. В связи с чем предлагаем установить отдельный прибор учёта. При установке отдельного счётчика на бойлер, потребитель получит возможность оплачивать энергопотребление по сниженному тарифу, что обеспечит справедливость в оплате услуг энергоснабжения и будет способствовать сокращению расходов населения на коммунальные услуги. Кроме того, такие меры способствуют снижению нагрузки на энергосистемы и содействуют устойчивому развитию страны в целом. Введение отдельного тарифа для потребления электроэнергии на нагрев воды бойлером представляет собой рациональный механизм решения, согласующийся непосредственно с законодательством Российской Федерации, включая Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [13], который предусматривает возможность установления различных тарифов на электроэнергию для различных категорий потребителей.

Путём введения специального тарифа для бойлеров государство может снижать финансовое бремя населения и способствовать более эффективному использованию энергии — данный механизм позволит сократить потребление энергии, что в свою очередь соответствует стратегии повышения энергетической эффективности, утверждённой в рамках Федерального закона № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Принятие соответствующих законодательных мер и внедрение специальных тарифов обеспечит более справедливое и экономически обоснованное использование электроэнергии в стране, снизит финансовые бремена населения и способствует решению социальных проблем, связанных с высокими расходами на электроэнергию.

Проблема неплатежей за электроэнергию и несправедливость блочной системы тарифов в регионах Крыма и Севастополя требует внимания и

решения. Изменения в тарифах, установленные приказами Управления по тарифам города Севастополя, влияют на ситуацию и могут потребовать пересмотра предложенных решений. Индивидуальное тарифирование на основе потребления и введение специального тарифа для бойлеров могут помочь улучшить ситуацию и сделать систему оплаты электроэнергии более справедливой и доступной для всех слоёв населения. Эти меры также способствуют энергосбережению и улучшению качества жизни граждан новых регионов России.

Список использованных источников

1. Тарасова Е.В. Прозрачность финансовых потоков в жилищно-коммунальном секторе экономики – почему долги имеют место быть? / Е.В. Тарасова // Сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы развития финансового сектора», Тамбов, 22 нояб. 2017 г. – Тамбов, 2017. – С. 240-248.
2. Чайка Л.В. Финансовое состояние регионального электроснабжения [Электронный ресурс] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). URL: <http://esc.vscs.ac.ru/article/1903/full> (дата обращения: 21.10.2023).
3. Баркатунова Е.В. Основные проблемы энергосбытовой деятельности // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2017. № 13. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/September7/OSNOVNYE%20PROBLEMY%20ENERGOSBYTOVOY%20DEYATELNOSTI.pdf (дата обращения: 21.10.2023).
4. Годовой отчёт о деятельности Ассоциации «НП Совет рынка» за 2016 г. [Электронный ресурс] // Ассоциация «НП Совет рынка». URL: https://www.npsr.ru/sites/default/files/sr_pages/SR_0V055333/go_2016.pdf (дата обращения: 21.10.2023).
5. Приказ Управления по тарифам города Севастополя от 18.11.2022 № 175-УТ.
5. Годовой отчёт о деятельности Ассоциации «НП Совет рынка» за 2017 г. [Электронный ресурс] // Ассоциация «НП Совет рынка». URL: https://www.npsr.ru/sites/default/files/1_go_0.pdf (дата обращения: 21.10.2023).
6. Орлова Н.Г. Долги ЖКХ – причины возникновения и методы совершенствования управления / Н.Г. Орлова, С.Н. Усенко // Сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Логистика в условиях экономической турбулентности», Иркутск, 31 мая 2017 г. – Иркутск, 2017. – С. 131-135.
7. Задолженность за электроэнергию в России выросла из-за плохой дисциплины [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2023/04/03/electricity_debt/ (дата обращения: 21.10.2023).
8. Авдюшина М.А. Способы управления кредиторской задолженностью в целях обеспечения ликвидности компаний ЖКХ / М.А. Авдюшина, Е.Н. Захарова, В.А. Авдюшина. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – 138 с.

9. Об установлении цен (тарифов) на электрическую энергию для населения и приравненным к нему категориям потребителей по городу Севастополю на 2023 год» [Электронный ресурс] // severgosbyt.ru. URL: [https://severgosbyt.ru/wp-content/uploads/rasskrytie-informatsii/45/a/2023/Приказ от 18.11.2022 №175-УТ новый.pdf](https://severgosbyt.ru/wp-content/uploads/rasskrytie-informatsii/45/a/2023/Приказ_от_18.11.2022_№175-УТ_новый.pdf) (дата обращения: 21.10.2023).

10. Приказ Управления по тарифам города Севастополя от 31.07.2023 № 188-УТ «О внесении изменений в приказ Управления по тарифам города Севастополя от 18.11.2022 № 175-УТ...» [Электронный ресурс] // severgosbyt.ru. URL: [https://severgosbyt.ru/wp-content/uploads/rasskrytie-informatsii/45/a/2023/https://severgosbyt.ru/wp-content/uploads/rasskrytie-informatsii/45/a/2023/Приказ от 31.07.2023-_188-УТ_изм._в_175-УТ_население.pdf](https://severgosbyt.ru/wp-content/uploads/rasskrytie-informatsii/45/a/2023/https://severgosbyt.ru/wp-content/uploads/rasskrytie-informatsii/45/a/2023/Приказ_от_31.07.2023-_188-УТ_изм._в_175-УТ_население.pdf) (дата обращения: 21.10.2023).

11. Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: ФЗ от 23.11.2009 № 261-ФЗ, ред. от 13.06.2023 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/12171109/> (дата обращения: 21.10.2023).

12. О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442, ред. от 28.09.2023 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/70183216/> (дата обращения: 21.10.2023).

13. Об электроэнергетике [Электронный ресурс]: ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ, ред. от 04.08.2023 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/185656/> (дата обращения: 21.10.2023).

Смирнов Илья Олегович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГАЗОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ

***Аннотация.** В данной работе исследовательское внимание направлено на анализ вступивших в законную силу изменений в правовом регулировании технического обслуживания газового оборудования. Автором выявлены проблемы в действующих правовых нормах, которые могут повлечь затруднения на практике в реализации рядом организаций своих обязанностей по законодательству в сфере защиты потребителей.*

***Ключевые слова:** газовое оборудование, техническое обслуживание, газораспределительная организация, сервисное обслуживание.*

На территории Российской Федерации активно выполняется масштабная программа, направленная на газификацию регионов. Так, по состоянию на начало 2023 года уровень газификации составлял 73 % [1]. Вместе с тем, увеличение числа объектов, подключенных к газораспределительным системам, неизбежно подняло вопрос о безопасности газового оборудования. Данный вопрос послужил основой для существенных изменений в сфере технического обслуживания газового оборудования. В этом году было принято два важных акта: Федеральный закон от 18.03.2023 № 71-ФЗ [2], который внес изменения в Жилищный кодекс и Федеральный закон «О газоснабжении в Российской Федерации», и Постановление Правительства РФ от 29.05.2023 г. № 859, которое существенным образом изменило подход к договорам в сфере технического обслуживания газового оборудования. Следует более детально остановиться на изменениях, которые уже вступили в законную силу.

Наиболее важные изменения затронули существующие Правила пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 [3]. В первую очередь следует отметить консолидацию полномочий по проведению технического обслуживания у определенных организаций. С 01.09.2023 техническое обслуживание газового оборудования должно осуществляться исключительно специализированными организациями.

Под специализированной организацией следует понимать газораспределительную организацию, которая соответствует требованиям, устанавливаемым Правилами пользования газом, и осуществляет транспортировку газа до места соединения сети газораспределения с газопроводом, который входит в состав внутридомового газового оборудования, при этом организация осуществляет деятельность по техническому обслуживанию и ремонту газового оборудования.

В предыдущей редакции Правил пользования газом не было предусмотрено требования о наличии статуса газораспределительной организации. Для специализированных организаций были предусмотрены отдельный раздел требований и уведомительный порядок для начала деятельности по техническому обслуживанию газового оборудования. Таким образом, спектр организаций значительно снизился. Например, на территории Белгородской области существует только одна газораспределительная организация – АО «Газпром газораспределение Белгород» [4]. Схожая ситуация наблюдается и в ряде других регионов (Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская республика, Республика Карелия, Курская область и т.д.). Такое нововведение обусловлено целью повысить уровень безопасности используемого газового оборудования, т.к. газораспределительные организации имеют штат высококвалифицированных специалистов с большим опытом работы. Также сокращение числа организаций позволяет повысить эффективность деятельности контролирующих органов.

Вместе с тем ограничение лиц, которые могут осуществлять деятельность по техническому обслуживанию и ремонту газового оборудования, породило правовую коллизию. Потребители, которые приобретают газоиспользующее оборудование, имеют право на проведение ремонта при обнаружении в товаре недостатков (ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» [5]). До вступления в силу изменений, организации, которые занимались продажей газоиспользующего оборудования, осуществляли одновременно и его сервисное обслуживание, проводя ремонт по гарантии. В настоящее время такие организации лишены права осуществлять замену или ремонт газоиспользующего оборудования.

Если мы обратимся к п. 10 Правил пользования газом, то увидим, что замену газоиспользующего оборудования может проводить только специализированная организация. В упомянутом пункте прямо предусмотрен запрет самостоятельной замены оборудования владельцем. При этом такие работы носят возмездный характер. Получается, что специалисты сервисной организации для проведения гарантийного ремонта должны ожидать, пока владелец не обратится с заявкой в специализированную организацию. При этом Закон РФ «О защите прав потребителей» оставляет за сервисной организацией право проведения экспертизы для определения причин поломки. Таким образом, процесс определения причины возникновения недостатка, замены и ремонта оборудования значительно усложнен как для потребителя, так и для сервисной организации.

Очевидных решений данной проблемы нет, как и разъяснений законодателя по этому неоднозначному вопросу. Возложение на газораспределительную организацию обязанности по осуществлению сервисного обслуживания представляется невозможным и не отвечающим букве закона, ведь организация не является стороной отношений по договору купли-продажи оборудования, следовательно она и не может нести обязанности по безвозмездному сервисному обслуживанию. Возможным компромиссным решением упомянутой проблемы может стать компенсация стоимости работ газораспределительной организации со стороны продавца/изготовителя газоиспользующего оборудования его владельцу при подтверждении недостатка, возникшего не по вине владельца. Если же недостаток будет иметь эксплуатационный характер, то ни о какой компенсации не может идти речи, так как это зона ответственности потребителя. Такое решение позволяет создать равные условия для участников отношений, вытекающих из договора купли-продажи газоиспользующего оборудования, при соблюдении новых нормативных требований.

Детальный анализ измененных Правил пользования газом также позволяет выделить еще один способ решения проблемы. Так, пп. «в» п. 44 Правил пользования газом предусмотрено право специализированной организации привлекать для исполнения договоров о техническом обслуживании газового оборудования сторонние организации. Важным условием такого привлечения является сохранение ответственности за специализированной организацией. Отсюда вытекает возможность заключения договоров подряда между сервисными организациями и специализированной организацией. Однако стоит понимать, что специализированная организация не обязана заключать такой договор, т.к. это ее право. В тех случаях, когда организация решит заключить договор, она должна учесть все возможные риски. Таким образом, специализированные организации будут менее расположены к заключению такого рода соглашений, а переговорный процесс может быть значительно затянут в связи с комплексной проверкой контрагента.

Еще одним интересным и проблемным вопросом является перезаключение договоров о техническом обслуживании газового оборудования. Так как теперь все договоры должны быть заключены лишь с определенными организациями, то законодателем был предусмотрен переходный период для собственников газового оборудования, в которой следует перезаключить договоры. Сразу же стоит отметить, что такое перезаключение носит обязательный характер, т.к. без договора о техническом обслуживании владелец газоиспользующего оборудования не имеет права пользоваться газом. Возвращаясь к переходному периоду для заключения договоров необходимо вспомнить про Федеральный закон № 71-ФЗ. Законодатель в нем предусмотрел разные сроки действия текущих договоров о техническом обслуживании для многоквартирных домов и частных

домовладений. Так, договоры о техническом обслуживании внутриквартирного газового оборудования в многоквартирном доме и договоры о техническом обслуживании и ремонте внутридомового газового оборудования в многоквартирном доме действуют до 01.01.2024, а договоры о техническом обслуживании внутридомового газового оборудования в домовладениях действуют до дня их расторжения или прекращения.

Не совсем понятен такой разный подход к договорам. Возможно такое решение связано с предполагаемым объемом новых договоров, которые организации должны будут предоставить обратившимся, особенно с учетом того факта, что в ряде субъектов имеется лишь одна газораспределительная организация. Однако такое решение позволяет договорам о техническом обслуживании в частных домах продолжать действовать в том числе длительное время.

Также не совсем ясны вопросы о возможностях пролонгации действующих договоров. Законодатель указывает, что договоры действуют до их расторжения или прекращения, но будут ли организации добровольно отказываться от действующих договоров. Безусловно, заявить о расторжении договора может и владелец газоиспользующего оборудования, однако сложность действующих нормативно-правовых актов в данной сфере не всегда позволяет гражданам осознать целесообразность замены одной организации на другую. По этой причине многие газораспределительные организации проводят активную кампанию по разъяснению новых положений законодательства для граждан, чтобы потребители понимали важность заключения договоров в целях повышения безопасности.

Подводя итог, можно сделать однозначный вывод о том, что внесенные изменения породили достаточно сложные практические вопросы. Наиболее сложная из рассмотренных проблем – затруднения в сервисном обслуживании газоиспользующего оборудования, которая может быть разрешена несколькими предложенными способами. Полагаем, что наиболее оптимальным является способ с компенсацией затрат со стороны сервисной организации при обнаружении существенных недостатков. Возможно, в ближайшее время законодатель предоставит какие-либо разъяснения, которые помогут разрешить спорную ситуацию одним из приведенных или же совершенно иным путем.

Отдельного внимания заслуживает ситуация с действующими договорами о техническом обслуживании внутридомового газового оборудования, т. к. специализированная организация не имеет права навязывать заключение договора, а владелец, хоть это и является его обязанностью, может не осознавать необходимость перезаключить договор. Разрыв в сроках действия договоров, созданный законодателем, не добавляет ясности в дальнейшие действия организаций и владельцев газоиспользующего оборудования.

Список использованных источников

1. Уровень газификации России к концу 2025 года составит 75 % / Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/18890459?ysclid=lpal1mowwzp381744139> (дата обращения 05.11.2023).
2. Федеральный закон от 18.03.2023 № 71-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 3 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» и Жилищный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 12. Ст. 1884.
3. Постановление Правительства РФ от 14.05.2013 № 410 (ред. от 29.05.2023) «О мерах по обеспечению безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 21. Ст. 2648.
4. Реестр субъектов естественных монополий / ФАС России [Электронный ресурс] URL: <http://fas.gov.ru/pages/activity/tariffregulation/reestr-subektov-estestvennyix-monopolij.html> (дата обращения 08.11.2023).
5. Закон РФ от 07.02.1993 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

Сивак Артем Дмитриевич,
студент юридического факультета
Гродненского государственного
университет имени Янки Купалы
(Гродно, Республика Беларусь)

ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

***Аннотация.** Статья рассматривает договор энергоснабжения как разновидность договора купли-продажи. В ней описываются особенности данного договора, его структура и содержание. Авторы анализируют правовые аспекты заключения и исполнения договора энергоснабжения, а также выделяют основные проблемы, возникающие при его заключении. Также в статье рассматриваются особенности правового регулирования договора энергоснабжения как разновидности договора купли-продажи. Статья будет полезна для специалистов в области энергоснабжения и юристов, работающих в этой сфере.*

***Ключевые слова:** договор энергоснабжения, купля-продажа, правовые аспекты, энергоснабжение.*

Один из самых распространённых видов договора, используемых в настоящее время в экономическом обороте, это договор купли-продажи. Согласно ст. 424 Гражданского кодекса Республики Беларусь «По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать имущество (вещь, товар) в собственность, хозяйственное ведение, оперативное управление (далее для целей настоящего раздела – в собственность, если из существа обязательства и статуса стороны в обязательстве не вытекает иное) другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять это имущество и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Данный вид договора основан на передачи имущества другому лицу для различных целей в обмен на определенную денежную сумму» [1].

Договор купли-продажи является согласованным. Данный признак указывает на то, что обязательства, предусмотренные договором, должны быть выполнены как продавцом для получения определенной суммы за товар, так и покупателем, основная обязанность которого передать заявленный товар. Так покупатель не обязан выполнять обязательства по оплате товара, пока продавец не выполнит свои обязательства по передаче товара.

Договор купли-продажи имеет ряд особенностей:

– отношения между участниками договора купли-продажи полностью регулируются, участники освобождаются от необходимости в каждое соглашение включать ряд условий;

– нормы о договоре купли-продажи преимущественно диспозитивные, участники сами определяют условия заключения в соответствии со своими интересами;

– если отсутствуют конкретные правила в договоре, то применяются общие положения о договоре купли-продажи.

Отношения в сфере заключения и исполнения договора купли-продажи практически полностью регулируется законодательством, в частности Гражданским кодексом, как-правило, участники правоотношений самостоятельно определяют лишь наименование и количество товара. Положения Гражданского кодекса Республики Беларусь должны применяться в первую очередь, так как имеют большую юридическую силу и позволяют обеспечить надлежащее правовое регулирование договора купли-продажи. Однако в ряде сфер договор купли-продажи приобретает свою специфику.

Одной из разновидностей договора купли-продажи является договор энергоснабжения. В соответствии со ст. 510 Гражданского кодекса Республики Беларусь «по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Из данного определения можно выделить первую особенность, которая определяет специфику данного вида договора, – это соблюдение абонентом режим потребления и безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей.

Электроснабжающая организация обязана подавать абоненту энергию в определенном количестве при соблюдении режима подачи, количество поданной и использованной определяется в соответствии с данными учета о ее фактическом потреблении. Так договором энергоснабжения предусмотрено определенное количество подаваемой энергии, но на момент заключение договора не известно количество использованной в конечном счете энергии.

Согласно п. 2 ст. 510 Гражданского кодекса Республики Беларусь договор может быть заключён с абонентом при наличии у него отвечающего установленным требованиям принимающего устройства и другого необходимого оборудования.

Данные особенности влекут за собой некоторые затруднения или невозможность для потребителя при заключении договора с той или иной электроснабжающей организацией. Так как в Республике Беларусь энергоснабжающие организации имеют монополию на рынке, то в целях защиты прав потребителя в данном случае был принят Закон от 16 декабря 2002 г. № 162-З «О естественных монополиях», который регулирует порядок ценообразования в сфере энергоснабжения, и тем самым обеспечивает доступность энергии для потребителя [2].

Еще одной особенностью данного договора является наличие «абонента» и «субабонента». Абонент может передавать принятую им энергию через присоединённую сеть другому лицу, в данном случае он будет выступать субабонентом, поскольку не является конечным потребителем энергии.

Договор энергоснабжения также предусматривает ответственность сторон, так энергоснабжающая организация по основаниям, не предусмотренным Правилами пользования электрической энергией, возмещает потребителю убытки в 10-ти кратной стоимости не отпущенной энергии. Таким образом, в договоре энергоснабжения, в отличие от договора купли-продажи, предусмотрена дополнительная ответственность его участников.

Из всего вышесказанного представляется возможным сделать вывод о том, что договор энергоснабжения имеет определенные сходства и различия с договором купли-продажи, которые обусловлены спецификой подачи энергии:

1) особый предмет договора – энергия (обладает особой значимостью, как для экономики, так и для обеспечения социальной стабильности);

2) особый субъектный состав (контроль за энергоснабжающими организациями осуществляется, в том числе, за счет антимонопольного регулирования);

3) дополнительная (повышенная) ответственность сторон договора энергоснабжения;

4) особые условия для его заключения (например, обязательное наличие необходимого оборудования и надлежащее состояние принимающего устройства);

5) сходство данного вида договора с договором купли-продажи состоит в том, что договор энергоснабжения и договор купли-продажи строятся принципе согласованности и определяются правовыми последствиями заключения и исполнения указанных обязательств.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7.12.1998 № 218-З : принят Палатой представителей 28.10.1998, одобрен Советом Республики 19.11.1998 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Трующик А. И. Стороны договора энергоснабжения // Право.by Научно-практический журнал. – 2012. – № 2 (16). – С. 30-31.

3. Закон Респ. Беларусь «О естественных монополиях» от 16.12.2002 №162-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 1. – 2/911.

4. Приказ Министерства топлива и энергетики Респ. Беларусь «Правила пользования электрической энергией» от 30.04.1996 №28 // Бюл. нормативно-правовой информ. – 1997. – № 3.

Тараник Михаил Николаевич,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

***Аннотация:** В статье рассматривается проблема влияния введённых ограничительных мер против России на развитие энергетических отношений. Отмечается невозможность обеспечить стабильное функционирование и рост топливно-энергетического комплекса (ТЭК) без развития межгосударственных отношений в данной сфере. Часть энергетических партнёров России ввела санкции против нашей страны, и говорить об улучшении отношений с ними достаточно сложно. Сделан вывод о том, что, несмотря на трудности, сложившаяся обстановка открывает новые возможности для углубления энергетического сотрудничества с государствами, не поддержавшими ограничения против Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** топливно-энергетический комплекс, ограничительные меры, нефтегазовая отрасль, сектор экономики, политика импортозамещения. энергетические отношения, диверсификация.*

Ограничительные меры против российского государства имеют место быть уже несколько столетий. И всегда эти санкции были направлены на экономическое ослабление страны. Потепление межгосударственных отношений в 90-е годы XX века было отмечено бурным развитием сотрудничества России и т.н. западного мира, санкционное давление на нашу страну было существенно ослаблено, но после присоединения Крыма в 2014 г. развитие торговых отношений со странами Запада было опять затруднено введёнными ограничениями. Ну и, конечно же, ограничения, введённые в 2022 году, стали ещё одной вехой в развитии санкционного давления на Российскую Федерацию. Эти пакеты ограничительных мер стали самыми масштабными за всю историю. Санкции затрагивали и сферу энергетики.

В досанкционный период, в условиях относительно стабильной международной обстановки, отношения России и Евросоюза развивались достаточно неплохо. Энергетическая сфера вообще была одной из отраслей экономики, где сотрудничество протекало крайне активно. Это было связано с взаимным интересом в данном партнёрстве. Россия получала хороший доход от экспорта нефти и газа, а страны Европы – относительно недорогие энергоресурсы. Также достаточно динамично развивались отношения в данной области и с США. Эта страна импортировала из России достаточно

большой объём природных ресурсов. Традиционно, развитыми были и остаются энергетические отношения со многими странами СНГ, прежде всего, с Казахстаном и Белоруссией. Что касается отношений с со странами, не входящими в эту организацию, то тут сотрудничество в энергетической сфере не носило масштабного характера. В качестве исключения можно выделить только Китай. Эта страна, ещё до введения западных санкций, была одним из главных импортёров российских энергоресурсов.

Санкции, введённые в 2014 году, оказали важнейшее влияние на экономические отношения России с другими странами и организациями. В энергетическом секторе меры касались ограничений на поставку некоторых технологий российским энергетическим компаниям. В первую очередь, с введением санкций в 2014 году, ограничивался импорт Россией технологий для добычи нефти в Арктике, на глубоководном шельфе и в сланцевых пластах. При негативном сценарии энергетическая отрасль могла пойти по пути стагнации. П. Шашкина отмечает, что «ресурсы шельфа и трудноизвлекаемой нефти составляют весомую долю в структуре запасов и в перспективе должны обеспечить значительную долю в структуре добычи. В связи с этим развитие производства отечественного оборудования и услуг в сфере разведки и добычи нетрадиционной нефти и газа стало одним из главных направлений объявленного импортозамещения в нефтегазовой отрасли» [1]. То есть, можно с уверенностью сказать, что главной целью политики импортозамещения в сфере энергетики, являлось снижение технологической зависимости в нефтегазовой отрасли от стран Запада. Наряду с этим, также было принято решение более тесно развивать энергетические отношения со странами, не вводившими санкции против России. С.М. Михайлова и Г.Г. Сидоренко также обращают внимание на то, что «вместе с политикой импортозамещения государством также были предприняты меры по поддержке сельского хозяйства для обеспечения продовольственной независимости России, которая основана на самообеспечении отечественной сельскохозяйственной продукцией, сырьем, продовольствием и определяется как уровень самообеспечения в процентах, рассчитываемый как отношение объема отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему их внутреннего потребления и имеющий пороговые значения в отношении» [2].

Конечно, рассуждая о том, с какими странами после 2014 года Россия улучшила отношения в сфере энергетики, на ум, в первую очередь, приходит Китай. Энергетические отношения с этой страной, развивались, наверное, начиная с конца XX века. Но, это сотрудничество не имели глобального характера. В основном, это было связано с тем, что основные энергетические партнёры России располагались в другой части света. Также одной из причин являлся недостаток инфраструктуры для поставок энергоресурсов из нашей страны в Китай. Пожалуй, самым главным совместным энергетическим проектом России и Китая стал газопровод «Сила Сибири». Планы по его строительству появились ещё на рубеже XX и XXI веков. Однако до

реализации дело не доходило. В мае 2014 года проекту был дан новый импульс в связи с подписанием 30-летнего контракта на поставку газа в Китай между Газпромом и компанией CNPC. И в конце 2019 года газопровод «Сила Сибири» был уже введён в эксплуатацию. Это говорит о том, что именно западные санкции, введённые в 2014 году, побудили российское руководство реализовать этот проект, как можно скорее. Стоит отметить также и заинтересованность китайской стороны в российских энергоресурсах, что позволило без лишней бюрократии построить газопровод в относительно небольшие сроки. Но ни в коем случае нельзя сказать, что после 2014 года произошёл существенный разрыв энергетических отношений с западными странами. Рассуждая об энергетическом сотрудничестве России и Европы в период с 2014 года и до весны 2022 года, Д. Д. Вышегородцев пишет следующее: «Январь 2022 г. во многом являлся хорошим отображением того состояния, в котором находилось взаимодействие России и Европейского союза в сфере энергетики на протяжении предшествовавших лет. Для РФ данная область представляла особую ценность не только как основной источник дохода, но и как одна из основ для налаживания контактов со странами ЕС. Помимо того, что европейское направление было основным для российского экспорта энергоресурсов, одним из главных направлений работы все еще оставались разного рода инфраструктурные проекты. Среди них можно выделить строительство атомных электростанций и новых трубопроводов» [3]. Вместе с тем, конечно же, непростые политические отношения не только не могли способствовать развитию отношений в сфере энергетики на долгосрочной основе.

Введенные в 2022 году санкции имели своей целью ограничить экономическое взаимодействие с РФ, а также разрушить производственные цепочки. Безусловно, данные ограничительные меры не могли не оказать существенного воздействия на отношения в энергетической сфере. Разрыв большей части энергетических, логистических и финансовых связей стран Запада и России обусловил высокую волатильность мировых цен на топливно-энергетические ресурсы и ряд производных товаров, дестабилизацию рынков, кризисные явления в энергоемких отраслях экономики, социальную напряженность. Естественно, российское государство не могло допустить существенного упадка энергетического сектора и было вынуждено адаптироваться к новым реалиям. Эта адаптация не могла не занять некоторое время. Однако бурное развитие отношений в энергетической сфере с дружественными государствами, произошедшее во второй половине 10-х годов, облегчило эту задачу. Конечно же, не будь санкций 2014 года, приспособится к новым условиям, возникшим в 2022 году, было бы гораздо сложнее. Но, надо сказать, что Россия предприняла некоторые ответные меры, чтобы упростить жизнь себе и усложнить её своим энергетическим партнёрам в Европе. В частности, Указ Президента РФ от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» закрепил то, что оплата природного газа производится в рублях в случае, если поставка

осуществляется в иностранные государства, совершающие в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия [4]. Такой шаг был крайне разумен и своевременен. Во-первых, потребность поставок газа из России для Европы очень критична, и не исполнять новые условия у них не получится, прежде всего, из-за риска остановок этих поставок. Во-вторых, в отличие, например, от нефти, европейские страны не смогут быстро заместить российский газ. Касательно вопроса ответных мер, нельзя не согласиться с мнением А.В. Габова, который пишет следующее: «Не вводить их нельзя, поскольку в этом случае государство (Россия) ставит своих резидентов (граждан и юридических лиц) и связанных с ними лиц в изначально невыгодное положение в отношениях с иностранными резидентами (гражданами (подданными) и юридическими лицами), особенно в части экономических отношений, однако такие меры должны вводиться не автоматически, а с пониманием того, что в отдельных случаях их введение может усилить негативный характер действия введенных ограничительных мер (санкций)» [5].

Ограничения в энергетической сфере против России вводились не сразу, а постепенно. В первом пакете ограничительных мер предусматривалась остановка сертификации газопровода «Северный поток-2». Четвёртым пакетом ограничены возможности инвестирования в российские компании топливно-энергетического сектора. Шестой пакет впервые затронул импорт российской нефти в ЕС. Как и ожидалось, полного запрета ввести не удалось, из-за серьёзной зависимости Европы от углеводородов из РФ.

В результате политики ЕС по замещению российских энергопоставок и вступления в силу 5 декабря 2022 г. запрета на поставки российских нефтепродуктов морским путем структура экспорта России претерпела значительные изменения. В силу того, что запрет не распространяется на поставки по нефтепроводам, а значительная часть поставок осуществляется танкерами, Россия смогла переориентировать свой экспорт нефти и нефтепродуктов с европейского рынка в страны Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. При этом крупнейшими импортерами российской нефти и нефтепродуктов стали Китай и Индия.

Однако, как указывает И. А. Чувачкина, «вместе с тем в результате введения санкций со стороны США и ЕС Россия столкнулась с ростом логистических затрат, увеличением цен на морской фрахт и страхование, а также с требованием импортеров дисконта на российскую нефть. Происходящие события выявили уязвимость отечественной экономики из-за отсутствия собственного флота для морских перевозок нефти и системы для его страхования» [6]. Данную проблему ещё предстоит решить российскому руководству. П. А. Пыхов по этому поводу пишет таким образом: «В общем, если считать, что перед ТЭК стоит задача сохранить объемы экспорта топливно-энергетических ресурсов, то следует развивать внутреннюю инфраструктуру для поставок данной продукции, то есть увеличивать провозные мощности железной дороги, погрузочные мощности портов, пропускную способность трубопроводного транспорта в направлении

новых точек отгрузки, а также фактически создавать с нуля институциональные составляющие элементы обеспечения внешнеторговой деятельности (страхование и т.д.), в частности судоходства» [7].

Но, конечно же, ограничительные меры, не могли не повлиять и на государства и организации, которые их вводили. Прежде всего, это страны Европы. О.В. Лютцер считает, что «уже введенные, а также потенциальные санкции, о которых пока только предупреждают стороны друг друга, оказали колоссальное влияние на энергетический сектор Европейского Союза. Причем последствия можно наблюдать как в краткосрочной перспективе в виде повышения цен на энергоносители и увеличение импорта на территорию Евросоюза с целью создания запасов, так и в долгосрочной перспективе» [8].

Значительное ухудшение энергетических отношений с Европейским Союзом, а также с другими недружественными странами, подтолкнуло Россию укреплять сотрудничество с государствами, не поддержавшими западные санкции. Политика диверсификации поставок энергоресурсов была продолжена. Но, безусловно, санкции против энергетической сферы России, введённые в 2014 году, не идут ни в какое сравнение с тем потоком ограничительных мер, которые были приняты в 2022 году. Конечно, власти нашей страны в некоторых вопросах были вынуждены идти на уступки новым партнёрам. В частности, для Индии, существенно увеличившей импорт российской нефти, была предоставлена значительная скидка на этот товар, если проводить сравнение с рыночными ценами. Но, несмотря на это, очевидна и выгода России от такого решения. Также в течении 2022 года и в 2023 году наблюдалось углубление энергетического сотрудничества с теми государствами, с которыми были улучшены отношения в этой области в период между первой и второй волной санкционного давления. За этот, казалось бы, короткий промежуток времени, получили новый импульс некоторые совместные проекты. Например, были проведены российско-китайские переговоры на высшем уровне по вопросу строительства газопровода «Сила Сибири-2». И, хотя, на данный момент, никакие официальные документы по этому проекту не подписаны, интенсификация переговоров, позволяет надеяться на его реализацию. Также в настоящее время ведутся переговоры с Турцией по созданию международного газового хаба на территории этой страны.

Как пишет В.В. Андрианов, «необходимость укрепления ресурсного и добычного потенциала России особенно актуализируется на фоне резкого усиления санкционного давления на страну вследствие событий на Украине. Откровенные попытки полностью выдать РФ с углеводородных рынков США и Западной Европы приведут не только к переориентации российского нефтяного и газового экспорта на новые рынки, преимущественно в странах АТР, но и к формированию новых политических союзов, основанных во многом на нефтегазовом факторе» [9]. С этим мнением нельзя не согласиться. Действительно, любой кризис рождает новые возможности. И в данном случае, российская нефтегазовая отрасль, в каком-то смысле даже благодаря санкциям, сможет диверсифицировать поставки углеводородов и укрепить отношения с дружественными странами в энергетической сфере.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью сделать вывод о том, что санкции оказали колоссальное влияние на развитие отношений в сфере энергетики. Ограничительные меры, введенные западными странами, не повергли в упадок российскую энергетическую отрасль. Конечно, адаптация к новым реалиям заняла какое-то время, но уже на сегодняшний момент очевидно, что Россия смогла найти новых партнёров в данной области. Кроме того, с теми государствами, с которыми наша страна может быть не столь активно раньше развивала отношения в энергетической сфере, появились очень важные и масштабные совместные проекты. Диверсификация поставок энергоресурсов, а также политика импортозамещения в нефтегазовой отрасли в долгосрочной перспективе сыграет только положительную роль для российского ТЭК. Поэтому можно с уверенностью сказать, что несмотря на ограничительные меры, перспективы развития нефтегазовой отрасли в России видятся достаточно неплохими.

Список использованных источников

1. Шашкина П. Импортозамещение в условиях санкций: итоги первого года // Стандарты и качество. – 2015. – № 10. – С. 107-108.
2. Михайлова С.М., Сидоренко Г.Г. Санкции – последствия, пути решения для компаний топливно-энергетического комплекса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 4. – С. 223-229.
3. Вышегородцев Д.Д. Политика Российской Федерации и Европейского союза в сфере энергетики в 2022 году: состояние и перспективы // Геоэкономика энергетики. – 2023. – № 1 (21). – С. 34-55.
4. Указ Президента РФ «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» от 31.03.2022 № 172 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – №14. – Ст. 2244.
5. Габов А.В. Антисанкционные меры в российском праве / А.В. Габов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Том 18. – № 3. – С. 96-141.
6. Чувычкина И.А. Трансформация российско-европейских отношений в энергетике в контексте санкционной политики // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 2. – С. 31-45.
7. Пыхов П.А. Оценка влияния санкций на энергетическую безопасность России // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 12. – С. 4731-4746.
8. Лютцер О.В. Влияние санкций на энергетический сектор Европейского Союза // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 4 (18). – С. 138-140.
9. Андрианов В.В. Трансформация энергетической политики России в эпоху санкций и энергоперехода // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2022. – Том 13. – № 2 (35). – С. 6-18.

Ушакова Лилия Юрьевна,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭНЕРГОСЕРВИСНОГО ДОГОВОРА (КОНТРАКТА)

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются особенности правового регулирования энергосервисного договора (контракта) в Российской Федерации. Приводится анализ законодательства в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности. Раскрываются юридические характеристики, а также существенные условия заключения энергосервисных договоров (контрактов). Обсуждаются перспективы развития энергосервисной деятельности в России, а также возможности для улучшения законодательства в этой области.*

***Ключевые слова:** энергосервисный договор (контракт), энергетическая политика, энергетика, энергосбережение, правовое регулирование, энергообеспечение.*

Одним из главных направлений государственной энергетической политики в России до 2035 года, согласно Энергетической стратегии, является переход на экологически чистую и энергосберегающую энергетику, а также эффективное использование природных ресурсов и энергии [1]. Помимо создания законодательной базы для энергосбережения, большое развитие получило регулирование договорных отношений, связанных с рациональным использованием топливно-энергетических ресурсов.

В международной практике широко применяется контракт – соглашение между собственником имущества и лицом, предоставляющим услуги по энергосбережению, на выполнение мероприятий по повышению энергоэффективности. Согласно этому контракту, инвестиции в эти мероприятия окупаются в зависимости от уровня экономии энергетических ресурсов, который был согласован в договоре и достигнут.

В целом, можно сказать, что энергосервисная деятельность в России находится на ранней стадии развития. Однако с каждым днем все больше российских компаний и организаций, а также частных лиц осознают значимость осуществления проектов по реконструкции, модернизации и применению энергосберегающих методов и технологий. Одним из них является заключение энергосервисных контрактов (договоров).

Энергосервисные договоры в российском законодательстве регулируются Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 23 ноября 2009 года. Так, энергосервисный контракт

закключается между заказчиком (потребителем энергии) и исполнителем (энергосервисной компанией), который предлагает и реализует мероприятия по повышению энергоэффективности на объекте заказчика. В рамках энергосервисного договора исполнитель обязуется провести работы по энергосбережению и повышению энергетической эффективности, а заказчик – оплатить эти работы в соответствии с договором и достигнутыми результатами. Заказчик также может привлекать внешнее финансирование для оплаты энергосервисных услуг, например, через банки или инвестиционные фонды.

Энергосервисные договоры являются важным инструментом для оптимизации затрат на энергообеспечение предприятий и повышения их энергоэффективности в соответствии с российским законодательством. Поэтому необходимо обеспечить качественное правовое регулирование данных договоров, что подтверждает актуальность данной темы. Обращаясь к пункту 8 статьи 2 Федерального закона "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" можно выделить определение энергосервисного договора. Так законодатель раскрыл понятие данного договора как договор (контракт), предметом которого является осуществление исполнителем действий, направленных на энергосбережение и повышение энергетической эффективности использования энергетических ресурсов заказчиком [2]. Основной целью заключения энергосервисных договоров, как отмечают А.Г. Закревская, Н.Г. Любимова, – внедрение энергосберегающих технологий в энергокомпании [3]. По своим юридическим характеристикам указанный договор является консенсуальным и взаимным, а по смыслу действующего законодательства об энергосбережении может быть как возмездным, так и безвозмездным [4]. Энергосервисный договор по своей природе является взаимным, поскольку каждая из сторон этого договора (заказчик и исполнитель) несет взаимные права и обязанности в пользу другой стороны и считается должником другой стороны и одновременно ее кредитором. А.И. Князева подчеркивает, что энергосервисный договор является консенсуальным, поскольку считается заключенным с момента достижения между сторонами соглашения по всем существенным условиям, а момент вступления договора в силу не связывается с совершением определенных действий [5].

Большой интерес вызывает факт то, что энергосервисный договор может быть как возмездным, так и безвозмездным. Возмездный характер энергосервисного договора выражается в том, что исполнитель за действия, направленные на энергосбережение и повышение энергетической эффективности потребления энергетических ресурсов, должен получить от заказчика встречное предоставление в виде вознаграждения. Безвозмездный же договор не предусматривает возможности встречного вознаграждения что устанавливается соответствующим положением в самом договоре [6].

Федеральный закон "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации" обозначил как условия, которые непременно должны включаться в контракт, так и условия, которые он может содержать. Так к обязательным условиям пункт 2 статьи 19 указанного Федерального закона относит:

1. Условие о величине экономии энергетических ресурсов (в том числе в стоимостном выражении), которая должна быть обеспечена исполнителем в результате исполнения энергосервисного договора (контракта). Так заказчик должен оплатить услуги исполнителя только в том случае, если была достигнута определенная экономия энергии. Величина этой экономии должна быть указана в договоре в стоимостном выражении.

2. Условие о сроке действия энергосервисного договора (контракта), который должен быть не менее чем срок, необходимый для достижения установленной энергосервисным договором (контрактом) величины экономии энергетических ресурсов. Договор должен действовать достаточно долго, чтобы исполнитель смог достичь установленной экономии энергии.

3. Иные обязательные условия энергосервисных договоров (контрактов), установленные законодательством Российской Федерации. К таким условиям можно отнести: предмет договора (проведение работ по энергосбережению и повышению энергоэффективности); обязательства исполнителя (проведение работ в соответствии с требованиями законодательства и достижение определенной экономии энергии); обязательства заказчика (оплата услуг исполнителя и предоставление необходимой информации для выполнения договора) и т. д.

Кроме обязательных условий договор может содержать:

1) условие об обязанности исполнителя обеспечивать при исполнении энергосервисного договора (контракта) согласованные сторонами режимы, условия использования энергетических ресурсов (включая температурный режим, уровень освещенности, другие характеристики, соответствующие требованиям в области организации труда, содержания зданий, строений, сооружений) и иные согласованные при заключении энергосервисного договора (контракта) условия;

2) условие об обязанности исполнителя по установке и вводу в эксплуатацию приборов учета используемых энергетических ресурсов;

3) условие об определении цены в энергосервисном договоре (контракте) исходя из показателей, достигнутых или планируемых для достижения в результате реализации энергосервисного договора (контракта), в том числе исходя из стоимости сэкономленных энергетических ресурсов;

4) иные определенные соглашением сторон условия.

Необходимо отметить, что при заключении энергосервисного контракта, кроме обязательных условий, технических характеристик и требований к энергоэффективности, стороны должны определить начальную (или максимальную) цену контракта. Однако способ определения этой максимальной цены зависит от срока действия контракта.

Также особенности заключения энергосервисных контрактов регулируется статьей 108 Федерального закона "О контрактной системе

в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд". В целях обеспечения энергоэффективности при закупке товаров, работ, услуг, относящихся к сфере деятельности субъектов естественных монополий, услуг по водоснабжению, водоотведению, теплоснабжению, газоснабжению (за исключением услуг по реализации сжиженного газа, не используемого в качестве моторного топлива), по подключению (присоединению) к сетям и инженерно-технического обеспечения по регулируемым в соответствии с законодательством Российской Федерации ценам (тарифам), а также поставок электрической энергии, мазута, угля, поставок топлива, используемого в целях выработки энергии, заказчики вправе заключать энергосервисные контракты, предметом которых является совершение исполнителем действий, направленных на энергосбережение и повышение энергетической эффективности использования указанных энергетических ресурсов (далее - энергосервисный контракт) [7]. То есть энергосервисные контракты предусматривают, что исполнитель совершает действия, направленные на сбережение энергии и повышение энергоэффективности использования указанных ресурсов.

А.Р. Чиришьян отмечает, что организация энергосервисной деятельности и заключение энергосервисных контрактов встречаются значительные препятствия и не реализуются в необходимых объемах [8]. Такие препятствия как показывает практика часто появляются в связи с некачественным применением и установкой приборов учета энергии. Так, Администрация обратилась в Арбитражный суд к муниципальному унитарному предприятию с исковым заявлением, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [9], об обязанности МУП установить исправное оборудование (светодиодные светильники). Сущность спора заключалась в том, есть ли у ответчика обязанность установить исправное оборудование в период гарантийного срока взамен неисправного. При этом судом было установлено, что поставку саму и установку светильников, и остального оборудования производило муниципальное унитарное предприятие. Следовательно, у данного лица была обязанность по замене некачественного оборудования. Однако, суд в удовлетворении исковых требований отказал, поскольку Администрация не смогла доказать факт нарушений условий муниципального контракта, а также не представила суду доказательств, подтверждающих бездействие ответчика по исполнению контракта [10].

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время, в соответствии с действующим законодательством, заключение энергосервисного контракта является правом, а не обязанностью заказчика. Однако, заказчики должны принимать во внимание необходимость снижения потребления природных ресурсов, в соответствии с Энергетической стратегией до 2035 года. При этом российская практика показывает, что в течение последних двенадцати лет в субъектах Федерации и муниципальных образованиях ежегодно заключаются и реализуются сотни энергосервисных контрактов [11].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что энергосервисный договор является важным инструментом для повышения энергоэффективности предприятий и зданий. Он позволяет снизить затраты на энергоресурсы, улучшить показатели энергоэффективности, привлечь внешнее финансирование и улучшить экологическую ситуацию. Для государственных организаций энергосервисные договоры также важны, так как они помогают оптимизировать затраты на энергообеспечение и повышать экологическую устойчивость. Хотя и энергосервисная деятельность в России находится пока на ранней стадии развития. Все же правовое регулирование договорных отношений получило достаточное развитие в последние годы. Кроме того, достойный уровень правового регулирования данного института стимулирует развитие рынка услуг по энергосбережению, путем заключения энергосервисных договоров (контрактов), что может привести к созданию новых рабочих мест и увеличению инвестиций в эту область.

Список использованных источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // "Собрание законодательства РФ", 15.06.2020, № 24, ст. 3847;
2. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ (ред. от 13.06.2023) "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 30.11.2009, № 48, ст. 5711;
3. Закревская А.Г., Любимова Н.Г. Реализация нового механизма ценообразования на рынке теплоснабжения // Вестник ГУУ. 2023. № 4. С. 108-116;
4. Камышанский В.П. Правовое регулирование энергоснабжения : учеб. пособие / Камышанский В.П. , Шеховцова А.С. , Мантул Г.А. – Краснодар : КубГАУ, 2019. – 100 с.;
5. Князева А.И. Правовая природа энергосервисного контракта (договора) // Вестник магистратуры. – 2013. – №. 12-4 (27). – С. 226-229;
6. Бурнашкин В.А. К вопросу о содержании энергосервисного договора // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: история и современность. – 2020. – С. 38-42;
7. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.08.2023) // "Собрание законодательства РФ", 08.04.2013, № 14, ст. 1652;
8. Чиришьян А.Р. Энергосервисный договор в системе гражданско-правовых договоров / Чиришьян А.Р. // Гражданское законодательство: современное состояние, тенденции и перспективы развития : сб. науч.-практ. ст. IV Всероссийской научно-практической конференции с международным

участием (симпозиума) для обучающихся по программам аспирантуры, магистратуры и бакалавриата, Краснодар, 08 апреля 2019 года. – Краснодар : Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2019. – С. 204-208.

9. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ(ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // "Собрание законодательства РФ", 29.07.2002, № 30, ст. 3012;

10. Постановление 12 Апелляционного Арбитражного Суда от 25 января 2017 по делу № А12-51550/2016 // Справочная Правовая Система «КонсультантПлюс».

11. Богачев С.В., Кравченко С.И. Финансовое и налоговое регулирование жилищно-коммунальной сферы: зарубежный опыт // Финансовый журнал. 2022. №3. С. 102-115.

Фидиева Валерия Руслановна,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

САНКЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ СЕКТОР

***Аннотация.** В данной статье проанализированы ключевые санкционные меры, введенные западными странами против России в энергетическом секторе и их последствия. Рассмотрены ответные контрсанкционные меры в отношении недружественных стран и организаций. Сделаны выводы о дальнейшей перспективе энергетического развития России, модернизации законодательного регулирования энергетических вопросов, разрешения новых возникающих проблем. Были выявлены основные направления работы топливно-энергетического совершенствования.*

***Ключевые слова:** энергетический сектор, санкции, энергетическая безопасность, контрсанкционные меры, нефть, газ, энергоснабжение.*

Россия обладает большими запасами энергоресурсов и образует мощный топливно-энергетический комплекс. Этот комплекс является основой экономического развития, инструментом внутренней и внешней политики. Роль России на мировом энергетическом рынке в большинстве своем предопределяет ее геополитическое влияние. Энергетический сектор обеспечивает гарантию реализации деятельности всех направлений отечественного хозяйства, способствуя интеграции субъектов России и определяя формирование ключевых финансово-экономических критериев страны. Потенциал энергетического сектора экономики в части природных топливно-энергетических, научных и трудовых ресурсов является национальным достоянием нашего государства. Их эффективное использование выводит экономику страны на траекторию устойчивого развития и создает необходимые предпосылки для обеспечения роста благосостояния и повышения уровня жизни населения. В связи с участвовавшими случаями санкционного влияния мировым сообществом на различные отрасли экономики России необходима своевременная трансформация правового регулирования энергоснабжающей отрасли, способная наиболее эффективно и качественно предотвратить угрозы, преодолеть проблемы в данной сфере и стабилизировать функционирование отрасли. Следует отметить, что по сегодняшний день из-за ограничительных мер, введенных западными странами, претерпевает серьезные изменения механизм энергообеспечения иностранных государств. Разрыв большинства отношений, в том числе энергетических, логистических, финансовых между западными странами и Россией привел к увеличению мировых цен на

топливные, энергетические ресурсы, к возникновению кризисных явлений экономики, а также социальных напряженностей. Угрозы, вызванные санкционным давлением на наше государство, отражаются также на промышленных и торговых сферах. Санкционные ограничения ТЭК России отразились на макроэкономике развитых стран, так, повышение цен на энергоносители повлекли повышение инфляции в странах ЕС.

Главным источником угроз энергетической безопасности являются санкции, которые вводятся недружественными странами в отношении топливной сферы. К числу которых относятся персональные санкции, запрещающие заключение сделок с крупными нефтяными организациями России, например, с 24 марта 2022 г. Министерством иностранных дел Норвегии введен запрет на заключение договорных отношений с ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Транснефть», ПАО «Газпром нефть» и иные предприятиями [1]. В санкционные списки были внесены и филиалы российских компаний, которые являлись операторами безналичных расчетов за топливо, так 29 октября 2022 г. Польшей были наложены санкции на ООО MAGYSTRAL Polska Sp., являющегося оператором расчетов для ПАО «НК «Роснефть» [2]. 12 октября 2023 г. Коалицией G7+ были приняты Рекомендации по ограничению цен на морскую нефтяную промышленность, которые касаются запрета услуг страхования и финансирования для перевозящих российскую нефть судов, а также установления ценовых ограничений. Данные ограничения оказывают негативное последствие на международные валютные и расчетные отношения между контрагентами, а также в целом на снижение уровня российских доходов [3]. На сегодняшний день из-за установления тарифного ценза в санкционный список США попали две крупные компании из ОАЭ и Турции, которые осуществляли перевозку российской нефти [4]. Другими важными проблемными аспектами являются запреты в области поставки нефтепродукции. В рамках одиннадцатого пакета санкций Евросоюза против России, 23 июня 2023 г. был введен запрет транспортировки российской нефти по крупной системе нефтепровода «Дружба», что влечет за собой угрозу в сокращении и остановке поставки нефти трубопроводным транспортом [3].

Санкционное давление коснулось также газового энергетического сектора, а именно, Международным газовым союзом было приостановлено участие в своей деятельности компаний из России [3]. Эстонией, 29 сентября 2022 г., был введен запрет покупки и импорта российского природного, сжиженного газа, Латвией подобный запрет был установлен 14 июля 2022 г., а 26 октября 2023 г. Литвой [3]. В рамках десятого пакета санкций Советом ЕС запрещается предоставлять мощности для хранения газа российским гражданам, исключением являются объекты для сжиженного природного газа [3]. Также, газоснабжающие организации столкнулись с довольно серьезной проблемой запрета на поставку в Россию газовых турбин и иных сопутствующих запчастей. Однако, по данным Минэнерго России, с 2022 г. в нашей стране осуществляется реализация механизма экономии ресурса

иностранных газовых турбин [5]. Из интервью замминистра энергетики Евгения Грабчак следует, что сервисное обслуживание некоторых типов газовых турбин GE будет осуществляться отечественными организациями уже через полтора - два года [6]. Отмечается возможность достижения независимости от зарубежных решений в судостроении, энергетическом и транспортном машиностроении. Аналогичная проблема возникла и в иных энергетических отраслях. Рассмотрим судебную практику. Так, Арбитражный суд г. Москвы рассмотрел дело Истца АО «Учалинский горно-обогатительный комбинат» к Ответчику ООО «Сандвик Майнинг энд Констракшн СНГ» о взыскании денежных средств в размере 149 467,79 евро по договору поставки, мотивируя исковые требования ненадлежащим исполнением Ответчиком своих обязательств [7]. В ходе судебного разбирательства судом установлено, что между АО «Учалинский ГОК» (покупатель) и ООО «Сандвик Майнинг энд Констракшн СНГ» (поставщик) был заключен договор поставки, в соответствии с которым Поставщик принимал обязанность поставить, а Покупатель – принять и оплатить оборудование на условиях, установленных сторонами в договоре. Истец считал, что Ответчик допустил просрочку поставки продукции производства Sandvik.

Как следует из пояснений сторон, Ответчик является российским поставщиком горнодобывающего оборудования и техники производства группы компаний Sandvik, запасных частей, а также оказывает сервисные услуги пользователям данного оборудования и техники, Истец входит в группу компаний сырьевого комплекса Уральской горно-металлургической компании (УГМК), с которым у Ответчика был заключен ряд подобных договоров.

Задержка поставки импортного оборудования была обусловлена введением недружественными странами в отношении России мер ограничительного характера по доставке товаров. Из совокупности представленных в материалы дела доказательств следует, что завод-изготовитель компании Sandvik не давал однозначного ответа о возможных сроках поставки, поскольку, как следует из письма завода-изготовителя, ему требовалось время на изучение введенных санкционных ограничений и анализ рисков их нарушения поставкой в Россию. Впоследствии завод-изготовитель отказался поставлять Товары Ответчику.

При этом, Истец, являясь компанией группы УГМК, был осведомлен о возникших у Ответчика трудностях с поставками, поскольку по другим компаниям группы УГМК ответчик еще в марте 2022 года рассылал уведомления о возникновении обстоятельств непреодолимой силы. Как пояснил Ответчик, Истцу данное уведомление направлено не было, т. к. сроки поставки были удалены от марта 2022 года, и поэтому Ответчик рассчитывал организовать поставку. Ответчик предложил расторгнуть Договор поставки и иные договоры, заключенные с Истцом, по взаимному согласию, как следует из переписки, Истец возражал против расторжения договора. Далее, Истец обратился в суд с требованием о взыскании неустойки за непоставку Товара,

не принимая во внимание попытки ответчика прекратить Договор поставки и разрешить сложившуюся ситуацию мирным путем. Суд, оценивая последовательность действий сторон в сложившейся ситуации в том числе на предмет соответствия данных действий ст. 10 ГК РФ, пришел к выводу, что действия Истца не отвечают стандартам добросовестного поведения, обычно принятого в аналогичных ситуациях, поскольку истребуемая истцом неустойка не подлежит исчислению с момента возникновения препятствий, связанных с введением недружественными странами мер ограничительного характера и начиная с марта 2022 года поставка товаров сопряжена с логистическими трудностями, связанными с запретом на использование практически любых видов транспорта.

Что касается вопросов электроснабжения. «Электрическим кольцом БРЭЛЛ» именуется структурно налаженная работа энергосистем следующих государств: Белоруссии, России, Эстонии, Латвии и Литвы, которая основывается на общности принципов функционирования, обмена электрической энергией и резервной поддержки в аварийных случаях. В 2023 году операторы Эстонии, Латвии и Литвы приняли решение о выходе из БРЭЛЛ в 2024 году, и подключении к континентальной синхронной сети. В связи с этим возникает проблема энергоснабжения Калининградской области, которая имеет особенности географического положения.

В целях контраснкционного правового регулирования были введены ответные ограничительные меры для стран и организаций, которые осуществили недружественные действия в отношении России, перечень таких установлен Правительством РФ от 05 марта 2022 г. 430-р [8]. Глобальным потрясением для западных стран стал новый порядок расчетов за российский газ, который осуществляется после 1 апреля 2022 г. в денежной единице России – рублях [9]. Активное развитие сотрудничества России в сфере торговли нефтепродуктами осуществляется с Китаем и Индией. Динамичность законодательного урегулирования наблюдается в проведении переговоров и в подписании проектов изменений условий сотрудничества, так, недавно Распоряжением Правительства России от 16.10.2023 г. № 2842-р было внесено изменение и дополнение в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о расширении сотрудничества в сфере торговли сырой нефтью [10]. Следует отметить, что несмотря на санкционное давление, в России прогрессивно разрабатываются, реализуются и развиваются научно-технические и инновационные сферы деятельности, в частности, произошло увеличение изготовления отечественных составных компонентов для ветрогенераторов и солнечных панелей, положено начало производства атомных станций малой мощности, ведутся работы в области развития технологий углеродной нейтральности. Еще ключевым направлением работы энергоснабжающей отрасли является ее развитие в новых субъектах России – Донецкой и Луганской Народных Республиках, Херсонской и Запорожской областях, в том числе на законодательном уровне.

Таким образом, можно сделать вывод, что усиление санкционного давления на Россию привело к мировому росту цен на энергоресурсы – электроэнергию, топливо, газ. В связи с тем, что Россия – это один из самых крупнейших энергетических поставщиков на мировом рынке, отказ государств от российских энергоресурсов влечет в первую очередь к ценопреобразованию. Как показывает практика, ограничительные меры оказали негативное воздействие на мировую экономику. Перспективными задачами являются преодоление энергетических и экономических ограничений России путем своевременного и оперативного законодательного и технологического развития. Принятие и совершенствование контрсанкционных мер позволит устранить угрозу энергетической безопасности России и уменьшить негативный эффект угроз для общества, государства, физических и юридических лиц и других связанных лиц, обладающих иной национальной принадлежностью [11, С. 100-101]. Необходимым представляется проработка мер государственной поддержки для организаций, которые занимаются производством импортозамещающих энергетических конструкций. Существенными направлениями для дальнейшей работы можно назвать: замена важных технологий отечественными разработками, развитие цифровизации энергоснабжающей отрасли, внедрение в топливо – энергетические организации современных технологий, развитие нефтегазохимической отрасли, проведение актуализации энергетической стратегии России и проведение иной модернизации энергетического права. Энергетическая отрасль регулярно сталкивается с финансовыми и инвестиционными ограничениями, в связи с чем, возникает необходимость в оперативном принятии мер для повышения устойчивого развития российской экономики в санкционных условиях. Анализ финансово-экономического состояния организаций ТЭК России позволит разработать программу мер поддержки их деятельности, включая кредитные программы, изменение логистических цепочек, сокращение количества проверок, налоговое стимулирование, упрощение бюджетных процедур, оптимизация таможенных процедур.

Список использованных источников

1. Forskrift om endring i forskrift om restriktive tiltak vedrørende handlinger som undergraver eller truer Ukrainas territorielle integritet, suverenitet, uavhengighet og stabilitet // Интернет – портал Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/LTI/forskrift/2022-03-24-448> (дата обращения: 03.11.2023)
2. Decyzja minister spraw wewnętrznych i administracji Rzeczypospolita polska 28 października 2022 r. DPP-TPZ-0272-158/2022(2) // URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/43011583.pdf> (дата обращения: 03.11.2023)
3. Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Интернет – портал ООО «НПП

«ГАРАНТ-СЕРВИС». URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения: 03.11.2023)

4. США ввели санкции против двух фирм за нарушение потолка цен на нефть // Интернет – портал «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2023/6527f8679a794715e168c845> (дата обращения: 03.11.2023)

5. Минэнерго прокомментировало прекращение обслуживания GE газовых турбин в РФ // Официальный интернет – портал Ассоциации «Совет производителей электроэнергии и стратегических инвесторов электроэнергетики». URL: <https://np-cpp.ru/news/minenergo-prokommentirovalo-prekrashchenie-obsluzhivaniya-ge-gazovykh-turbin-v-rf/> (дата обращения: 03.11.2023)

6. Минэнерго надеется решить проблемы с обслуживанием турбин за 2 года // Официальный интернет – портал Ассоциации «Совет производителей электроэнергии и стратегических инвесторов электроэнергетики». URL: <https://np-cpp.ru/news/minenergo-nadeetsya-reshit-problemy-s-obsluzhivaniem-turbin-za-2-goda/> (дата обращения: 03.11.2023)

7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 06 апреля 2023 г. по делу № А40-6734/23-62-54 // Интернет-портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 03.11.2023).

8. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р; ред. от 29.10.2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11, ст. 1748.

9. О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа: Указ Президента РФ от 31 марта 2022 г. № 172; ред. от 30 декабря 2022 г. // Российская газета. 2022. № 70.

10. О подписании Протокола о внесении изменений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о расширении сотрудничества в сфере торговли сырой нефтью от 22 марта 2013 г.: Распоряжение Правительства РФ от 16.10.2023 № 2842-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 43, ст. 7755.

11. Габов А.В. Антисанкционные меры в российском праве / А.В. Габов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 3. – С. 96-141. – DOI 10.35427/2073-4522-2023-18-3-gabov. – EDN XYITFO.

Фурманов Дмитрий Андреевич,
магистрант юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
(Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРАВА

***Аннотация.** В статье автором поднимаются вопросы развития и современного положения источников энергетического права в Российской Федерации. Рассматривается проблематика кодификации энергетического законодательства. Проводится связь между развитием источников энергетического права и техническим прогрессом в энергетическом секторе экономики. Поднимается вопрос о необходимости развития энергетического права как отдельной отрасли права. Рассматриваются частные случаи применения положений энергетического права в осуществлении на практике.*

***Ключевые слова:** источник права, энергетическое право, кодификация, энергетика, правовое регулирование.*

Прежде, чем рассмотреть развитие источников энергетического права, необходимо отметить, что в Российской Федерации отсутствует единый унифицированный нормативный правовой акт, который регулирует отношения в области энергетики. Правовое регулирование данной сферы осуществляется с применением общего и специального законодательства. В юридической литературе делается акцент на некоторые противоречия и пробелы в законодательных актах данной сферы, соответственно, поднимается вопрос о создании единого документа, например, в форме кодекса в области энергетики.

Как считает П.Г. Лахно, принятие кодифицированного акта является необходимым ввиду обеспечения комплексного правового регулирования и создания межотраслевого акта. Автор выделяет основные положения и предмет регулирования возможного энергетического кодекса[1].

Обращаясь к позиции В.Ф. Попондопуло, мы можем сделать вывод, что автор поддерживает данную идею и считает, что унифицированный нормативный акт обеспечит прозрачность отношений в сфере энергетики и сможет повлиять на их стабильность. При этом правовед настаивает на принятии такого акта в форме федерального закона, а именно некодифицированного нормативного акта. Данное мнение он объясняет тем, что предмет регулирования отрасли включает в себя разнородные отношения и комплексный характер [2].

Сложность создания энергетического кодекса обусловлена спецификой энергетических ресурсов и их отличием. Развитие правового регулирования таких сфер, как транспортировка, хранение, строительство энергетических

объектов и инфраструктуры, производство некоторых видов энергии, различается. Не исключается существование общих подходов, например, в части учета ресурсов энергетики, эксплуатации энергетических объектов. Данной отрасли необходимо отраслевое регулирование, поскольку требования к строительству тепловой электростанции и сооружению нефтяной скважины имеют существенные отличия.

В настоящее время правоотношения в области энергетики регулируются федеральным законодательством. В частности, основой можно считать положения статей 8, 36, 71, 72 и 9 Конституции Российской Федерации [3]. Именно они дают большой потенциал для дальнейшего развития законодательства в области энергетики, как полагает А.Г. Лисицын-Светланов. Гражданский, Градостроительный, Земельный, Налоговый, Уголовный кодексы РФ и Кодекс РФ об административных нарушениях являются кодифицированными актами, содержащими в себе нормы, регулирующие отношения в области энергетического права [4].

Кроме того, можем отметить изменения, внесенные Федеральным законом от 19.07.2018 № 199-ФЗ, которые предполагают, что Налоговый кодекс РФ дополняется положениями о налоге на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья [5]. Кроме того, для данного налога выделяется соответствующая глава и определяются субъекты налогообложения. В частности, плательщиками налога выступают организации, которые ведут разведку, добычу газа, нефти и газового конденсата. Налоговая нагрузка такой организации прямо пропорционально зависима от роста доходности участка недр.

Так, Федеральный закон от 29.05.2019 № 114-ФЗ касается изменений в КоАП РФ, а именно введения ответственности за повторно совершенное самовольное подключение к тепловым, электрическим сетям и газопроводам [6]. Также ответственность распространяется на безучетное использование тепловой, электрической энергии, газа и нефтепродуктов, если данные действия не подпадают под уголовно-правовое деяние. Такое положение являлось предметом спора в Конституционном Суде РФ, указывалось, что оно допускает произвольное привлечение граждан к ответственности без учета их финансового положения и выяснения всех обстоятельств дела, что не соответствует Конституции РФ.

В рамках рассмотрения дела Конституционный Суд РФ указал на то, что ст. 7.19 КоАП РФ направлена на защиту прав и экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства в целом, их экологическую безопасность [7]. Надлежащее исполнение требований безопасности в энергетической сфере не может трактоваться как нарушение конституционных прав граждан.

Энергетическая сфера в Российской Федерации имеет большое количество законодательных актов, которые в целях систематизации можно разделить на несколько категорий: федеральные законы в области энергетики,

относящиеся к топливно-энергетическому комплексу без учета конкретной отрасли или затрагивающие отношения сразу в нескольких отраслях (например, нефтяная или газовая промышленность); федеральные законы, которые регулируют общественные отношения лишь в определенной сфере энергетики (например, газоснабжение или электроэнергетика).

Огромный массив специального законодательства не менее значим, чем федеральные законы общего характера в сфере энергетики. Специальное энергетическое законодательство позволяет урегулировать общественные отношения в различных отраслях энергетики, в том числе в угольной отрасли, при использовании атомной энергии, теплоснабжении и так далее.

Специальными федеральными законами считают, например, Федеральный закон «О теплоснабжении», «Об электроэнергетике», «О газоснабжении в РФ», «Об использовании атомной энергии». Кроме того, сюда относят подзаконные акты, регулирующие правоотношения в той или иной отрасли энергетики [8]. За последние шесть лет указанное федеральное законодательство подвергалось изменениям. В частности, в Федеральный закон «Об электроэнергетике» внесли положения об обязательном лицензировании энергосбытовой деятельности и введении интеллектуальной системы учета электричества [9]. Последней признается совокупность компонентов, имеющих единый функционал и устройства для сбора, обработки и передачи показаний в удаленном формате. При этом данная система обеспечивает хранение и информационный обмен приборов учета электроэнергии, их удаленное управление без какого-либо влияния на результаты измерений и параметры электрической энергии. Такая интеллектуальная система учета регулируется постановлением Правительства РФ от 19.06.2020 № 890, которым утверждены Правила предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности) [10].

Также в части развития электроэнергетики законодательство внедрило понятие «микрогенерация». Под объектом микрогенерации нужно понимать такой объект производства электрической энергии, который принадлежит потребителю электрической энергии на праве собственности или другом законном праве, при этом энергопринимающие устройства такого потребителя являются технологически присоединенными к объектам электросетевого хозяйства до 1000 вольт. В данном случае могут использоваться возобновляемые источники энергии для собственных бытовых нужд потребителя, его производственных нужд и в целях продажи на основании положения о розничных рынках. Физические лица, реализующие электрическую энергию, которая произведена на объектах интеграции, не могут считаться лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

В 2020 году были внесены изменения в Федеральный закон «Об экспорте газа», которые расширили перечень лиц, у которых есть исключительное право на экспорт природного газа в сжиженном состоянии

[11]. Подзаконные акты данной отрасли также периодически претерпевают изменения в ряде важнейших направлений правового регулирования сферы энергетики.

Отдельно необходимо отметить нормативные правовые акты Государственной корпорации «Росатом». Ее деятельность регулируется Федеральным законом «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом», который устанавливает, что корпорация может разрабатывать и утверждать собственные акты, касающиеся контроля ядерных материалов, радиоактивных веществ и отходов, деятельности иностранных юридических лиц данной отрасли, выдачи сертификатов на транспортировку ядерных материалов и регулирования трудовой деятельности работников ядерного оружейного комплекса [12].

Обратим внимание на международно-правовое регулирование энергетики. Разработка единого международно-правового договора энергетических отношений, который ставит своей целью закрепить все основные принципы взаимодействия субъектов и цели деятельности, имеет проблемный характер. Дело в том, что энергетические ресурсы являются довольно специфичными и одновременно жизненнонеобходимыми, из-за чего преобладает отраслевой характер как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Наибольшее количество международных соглашений заключено в сфере атомной энергетики в части требований, принципов и режимов, действующих на рынках государств-субъектов правоотношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что источники права в сфере энергетики постоянно видоизменяются и соответствуют достижениям научно-технического прогресса. Нормативная база таких источников состоит из федерального законодательства общего и специального характера, а также международно-правовых норм. В настоящее время обсуждается вопрос формирования единого кодифицированного нормативного правового акта в сфере энергетики как на национальном, так и на международном уровне. На наш взгляд, он позволит систематизировать ныне действующее законодательство и упростить поиск информации для работы с правовым регулированием того или иного вида энергетического ресурса.

Список использованных источников

1. Лахно П.Г. Энергетический кодекс Российской Федерации — основополагающий юридический документ, регулирующий отношения в ТЭК // Энергетика и право : сборник / под ред. П.Г. Лахно. М. : Юрист, 2008. С. 214–215. С. 178–182.
2. Попондопуло В.Ф. Энергетическое право и энергетическое законодательство: общая характеристика, тенденции развития // Энергетика и право : сборник / под ред. П.Г. Лахно. М. : Юрист, 2008 С. 214–215.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ,

от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

4. Лисицын-Светланов А.Г. Роль права в модернизации экономики России. М. : Учреждение Российской академии наук ; Институт государства и права РАН, 2011 С. 8

5. Федеральный закон от 19.07.2018 № 199-ФЗ (ред. от 27.11.2018) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации // Российская газета, № 160, 25.07.2018.

6. Федеральный закон от 29.05.2019 № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.5 и 7.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета, № 117, 31.05.2019.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

8. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть : учебник / под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. М. : Изд-во «Юрист», 2014 С. 44–55.

9. Федеральный закон от 29.12.2017 № 451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации, связанных с лицензированием энергосбытовой деятельности» // Российская газета (специальный выпуск), № 297с, 31.12.2017.

10. Постановление Правительства РФ от 19.06.2020 № 890 «О порядке предоставления доступа к минимальному набору функций интеллектуальных систем учета электрической энергии (мощности)» // Собрание законодательства РФ, 29.06.2020, № 26, ст. 4118.

11. Федеральный закон от 24.04.2020 № 137-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона «Об экспорте газа» // Российская газета, № 92, 28.04.2020.

12. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» // СЗ РФ. 2007 № 49 Ст. 6078.

Химич Алексей Александрович,
магистрант международного института
энергетической политики и дипломатии
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России
(Москва, Россия)

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЭК РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ЕС

***Аннотация.** В настоящее время Российская Федерация подвержена жестким ограничениям со стороны стран Европейского Союза путем наложения санкций на различные сферы деятельности, включая энергетический сектор РФ. В связи с этим становится наиболее актуальным вопрос изучения антисанкционных мер, а также принятых РФ нормативных правовых актов, направленных на обеспечение защиты российского государства, а также национальной безопасности. В статье обозначены ограничительные меры со стороны ЕС, а также ответные меры РФ.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация, энергетическая политика, энергетика, Европейский Союз, санкции, энергетический сектор.*

В настоящее время Россия живет в условиях санкционного противостояния с крупнейшими экономиками мира – ЕС и США, которые значительно превосходят РФ по уровню развития и экономической мощи.

Санкции все чаще используются не для защиты и восстановления нарушенных прав, а как инструмент экономического давления, влияющего на поведение и принятие политических решений других стран.

На сегодняшний день международные санкции представляют собой принудительные меры, администрируемые международными организациями, а также двусторонние или односторонние меры государств. Данные принудительные меры применяются к государству-нарушителю.

Сложность применения международных санкций заключается в ряде проблем, к которым относятся: ущерб гражданскому населению страны-нарушителя, не являющегося объектом санкций; материальный ущерб, причиненный третьим государствам в результате прерывания экономических, политических, культурных и иных связей с государством, в отношении которого были применены санкции.

Как отмечает К. В. Крицкий «В современной системе международного права санкции в ответ на противоправное деяние субъекта права являются неотъемлемой частью деятельности любой международной организации. Опыт их применения достаточно обширен. Однако некоторые вопросы, связанные с санкциями, до сих пор остаются недостаточно проработанными. Один из них касается нормативного закрепления санкции в международном праве, то есть санкции как составного элемента правовой нормы» [5].

А. П. Новикова выделяет следующие признаки, характерные для международных санкций:

- 1) «санкции являются следствием совершения государством (группой государств) международно-правового правонарушения;
- 2) санкции предусмотрены международным правом и применяются в особом процессуальном порядке;
- 3) санкции заключаются в наступлении неблагоприятных последствий экономического, политического и военного характера для государства-нарушителя;
- 4) санкции носят принудительный характер» [6].

Санкции, как это определено Советом ЕС, представляют собой превентивные меры, позволяющие быстро реагировать на проблемы и изменения политики, не соответствующие европейским ценностям и целям. ЕС может вводить санкции по собственной инициативе, а не только на основании резолюций СБ ООН. Санкции являются инструментом и проявлением Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). Одной из целей, обозначенных Советом ЕС, является предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности.

Заявленная цель санкций ЕС состоит в том, чтобы поддерживать международный порядок безопасности, а также защищать права человека и стандарты демократии, побуждая страны, на которые наложены санкции, изменить свое поведение. Определить их эффективность сложно, поскольку санкции редко достигают всех своих целей и обычно есть другие причины, которым можно приписать изменения.

Основополагающим НПА В ЕС принято считать Договор о функционировании Европейского Союза. В данном НПА ограничительным мерам посвящен раздел IV.

В соответствии со статьей 215: «Когда это предусмотрено решением, принятым в соответствии с главой 2 раздела V Договора о Европейском Союзе, Совет согласно указанной в параграфе 1 процедуре может принимать ограничительные меры против физических или юридических лиц, групп или негосударственных образований» [2].

Как отмечает Д. А. Двойникова: «В соответствии с данным НПА порядок применения ограничительных мер юридически оформляется соответствующим положением, в котором содержится подробная информация об объеме, видах санкций и порядке их применения» [4].

Необходимо также подчеркнуть, что ЕС активно называет свои принятые меры санкциями, но на самом деле для них характерно такое понятие, как рестрикции – то есть ограничительные меры, поскольку в наложении санкций все-таки больше компетентен ООН в лице совета безопасности.

Важно подчеркнуть, что до 2014 года страны Запада, входящие в ЕС, не накладывали ограничительные меры на Российскую Федерацию. Политика ЕС до 2014 года заключалась в дополнении позиций ООН.

Как отмечает Ю. В. Боровский: «С момента распада Советского союза и вплоть до 2014 года, западные страны не применяли санкции и иные ограничительные меры в отношении российского ТЭК.

Отправной точкой для наложения санкций ЕС на Россию стало событие 2014 года, а именно присоединение Крыма и Севастополя к территориям Российской Федерации. Однако ЕС считает, что данные территории были присоединены к РФ незаконно, ознаменовав данное событие термином «аннексия» [3].

Стоит также отметить, что основополагающим пакетом санкций со стороны ЕС принято считать именно первый, поскольку остальные всего лишь его дополняли.

Что касается энергетического сектора РФ, то 1 пакет санкций включал в себя ограничения на экспорт оборудования и технологий для глубоководного бурения, добычи нефти и газа в условиях ледового покрова. Также был запрещен экспорт технологий для разработки нефтегазовых месторождений на континентальном шельфе.

В соответствии со статьей 3 Регламента Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 г. об ограничительных мерах в связи с действиями России по дестабилизации ситуации в Украине:

«Приложение II должно включать определенные технологии, подходящие для нефтяной промышленности для использования в глубоководной разведке и добыче нефти, разведке и добыче нефти в Арктике или проектах по добыче сланцевой нефти в России» [12].

2 пакет санкций запретил выдачу кредитов и оказание финансовых услуг российским нефтегазовым компаниям, в том числе Газпром нефти, Роснефти и Транснефти, исходя их вышеуказанного Приложения II. Ограничения распространялись на проекты, связанные с добычей нефти и газа на шельфе.

Статья 3а, в соответствии с Регламентом Совета ЕС от 09.10.2015, закрепляла запрет на прямое или косвенное оказание услуг (бурение, испытание скважин и др.) российским компаниям, необходимых для проектов разведки и добычи в России, включая ее исключительную экономическую зону и континентальный шельф, а именно:

- 1) «разведка и добыча нефти на глубине более 150 метров;
- 2) разведка и добыча нефти на шельфе к северу от Полярного круга; или
- 3) проекты по добыче нефти из ресурсов, расположенных в сланцевых формациях, путем гидроразрыва пласта» [10].

Наиболее интересны новые ограничительные меры, опубликованные Европейским союзом (27.04.2023). Статья 3а регламентирует запрет создания совместного предприятия с Российской Федерацией, статьи 3j-3m и 3o устанавливают запрет на покупку угля, сырой нефти или нефтепродуктов, золота и других полезных ископаемых, имеющих происхождение из России и соответственно которые экспортируются из России [11].

И. Н. Тимофеев отмечает, что «ЕС стал важным игроком в политике ограничительных мер. ЕС сильно отстает от США, но уверенно опережает все

другие национальные государства и международные организации, включая ООН. Если к санкциям ЕС добавить действия государств-членов по имплементации ограничительных мер, а также случаи присоединения третьих стран к санкционным режимам ЕС, то разрыв с другими игроками становится еще более ощутимым» [7].

Согласно позиции Аналитического центра при Правительстве РФ, по состоянию на 23 марта 2022 года, выделяют следующие основные ключевые ограничения со стороны ЕС, направленные против энергетического сектора РФ:

- 1) «Запрет на импорт российской нефти и нефтепродуктов;
- 2) отказ от закупок российской нефти или нефтепродуктов;
- 3) ограничения на импорт оборудования нефтедобычи;
- 4) ограничения на импорт оборудования нефтепереработки;
- 5) выход из совместных нефтегазовых проектов;
- 6) запрет на инвестиции в проекты ТЭК России
- 7) снижение зависимости ЕС от импорта газа из России;
- 8) отказ от продления контрактов с ПАО «Газпром»;
- 9) приостановка сертификации «Северного потока - 2» [8].

Очевидно, что РФ не будет дожидаться, пока ООН и ЕС и дальше продолжат накладывать ограничительные меры на ключевые сферы деятельности РФ, включая энергетический сектор. Именно поэтому становится актуальным вопрос рассмотрения ответных мер РФ и дальнейшие перспективные пути обхода ограничений.

Одним из наиболее основополагающих НПА является Указ Президента РФ от 28.02.2022 N 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 08.08.2022) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» [1]. В соответствии с данным НПА устанавливаются определенные меры на осуществление валютных операций. Данные требования также распространяются и на нефтегазовые российские компании, особенно те, которые зарегистрированы за территорией РФ.

Также стоит отметить, что, в связи с ограничениями на многие валютные операции, для нефтегазовых компаний, зарегистрированных за рубежом, но осуществляющих свою деятельность на территории РФ, либо наоборот, появилась необходимость редомициляции – переноса места регистрации из одного государства в другое. Как правило, редомицилировались из-за границы дочерние предприятия крупных российских нефтегазовых компаний, зарегистрированных за рубежом. Редомициляция необходима для того, чтобы в период санкционного давления на российский нефтегазовый сектор не было ограничительных мер на компании, зарегистрированные за рубежом.

Далее следует отметить, что на сегодняшний день транзит газа по трубопроводам в Европу через Украину вызывает большие опасения, в связи с чем для Российской Федерации становится перспективным нахождение альтернативных путей экспорта через такие государства, как Индия, Китай, Саудовская Аравия, а также Южная Корея.

20 марта 2023 года Председатель КНР Си Цзиньпин прибыл с визитом в Москву. В результате данного визита Владимир Владимирович Путин отметил, что «Россия является стратегическим поставщиком в КНР нефти, природного газа, в том числе СПГ, угля, электроэнергии. По графику ведется сооружение объектов ядерной энергетики. Российский бизнес в состоянии удовлетворить растущий спрос со стороны китайской экономики в энергоносителях – как в рамках текущих проектов, так и тех, что сейчас находятся в процессе согласования» [9].

Стоит также отметить, что РФ намерена также развивать собственные нефтегазовые проекты, в том числе на арктическом шельфе и в других районах страны, с целью снижения зависимости от импорта энергоносителей.

К ответным мерам РФ в энергетическом секторе в ответ на ограничения ЕС принято относить следующее:

1. Установление определенных мер проведения валютных операций, включая операции нефтегазовых компаний.
2. Редомициляция нефтегазовых компаний на территорию РФ.
3. Ограничение поставок нефти и газа в Европу через Украину.
4. Взаимодействие нефтегазового сектора РФ с Индией, Китаем, Южной Кореей, а также Саудовской Аравией.
5. Развитие собственных нефтегазовых проектов, в том числе на арктическом шельфе и в других районах страны, с целью снижения зависимости от импорта энергоносителей.
6. Реализация инфраструктурных проектов нефтегазового комплекса России.
7. Производство специализированного оборудования, а также разработка отечественных технологий, необходимых для дальнейшего применения во благо российского ТЭК.

Таким образом, в заключение необходимо отметить, что ограничительные меры ЕС, который стал серьезным игроком в политике ограничительных мер в отношении российского энергетического сектора, привели к серьезному сокращению доходов РФ, однако Россия сумела адаптироваться к внешнему воздействию и найти новые выходы для развития энергетического сектора, в частности активное сотрудничество с другими государствами, реализация совместных инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры в сфере энергетики, а также укрепление экономических связей с другими странами для смягчения негативных последствий санкций ЕС.

Список использованных источников

1. Указ Президента РФ «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 08.08.2022). URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410417/ (дата обращения: 21.10.2023)

2. Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция). URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 21.10.2023)

3. Боровский Ю. В. Советский и российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО Университета, 2019, С. 42-60.

4. Двойникова Д. В. Правовое регулирование санкций Европейского союза в отношении Российской Федерации // Синергия наук, 2017, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30744070> (дата обращения: 19.10.2023 г.)

5. Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве : автореф. дисс. по ВАК РФ 12.00.10, 2021. URL: <https://www.dissercat.com/content/sanktsii-i-odnostoronnie-ogranichitelnyemy-v-sovremennom-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 20.10.2023)

6. Новикова А. П. Санкции в доктрине и практике международного права // ВКР, НИУ «БелГУ», 2018. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/34401/1/Novikova_Sanktsii_18.pdf (дата обращения: 23.10.2023 г.)

7. Тимофеев И. Н. Политика санкций Европейского Союза. Опыт Событийного Анализа // Современная Европа, 2021, С. 17-27.

8. Аналитический центр РФ при Правительстве РФ, ТЭК в России в условиях санкционных ограничений // Энергетические тренды № 106, март 2022. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (дата обращения: 18.10.2023 г.)

9. Газ, нефть, юань: о чем договорились Путин и Си Цзиньпин, Прайм: Агентство экономической информации, 21.03.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://1prime.ru/articles/20230321/840148001.html> (дата обращения: 24.10.2023)

10. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine with amendments by 09.10.2015. [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20151009> (дата обращения: 19.10.2023 г.)

11. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine with amendments by 27.04.2023. [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0833-20230427> (дата обращения: 17.10.2023)

12. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. [Электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014R0833> (дата обращения: 23.10.2023).

Шайнурова Дария Артуровна,
магистрант международного института
энергетической политики и дипломатии (МИЭП)
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД России
(Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭНЕРГЕТИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОБЗОР НА ПРИМЕРЕ РФ И ЕС

***Аннотация.** В данной научной статье проводится сравнительно-правовой анализ проблем развития зеленых технологий в энергетике Российской Федерации и Европейского Союза. Основной акцент делается на выявление сходств и различий в правовом регулировании, а также на анализе эффективности мер, принимаемых в обеих юрисдикциях для стимулирования развития экологически чистых технологий в энергетическом секторе.*

***Ключевые слова:** зеленые технологии, энергетика, правовое регулирование, устойчивое развитие, инновации, законодательный акт.*

В настоящее время проблемы развития зеленых технологий в энергетике становятся все более актуальными. Они связаны с необходимостью устранения негативного влияния на окружающую среду и обеспечения устойчивого развития. Зеленые технологии в энергетике – это инновационные подходы и решения, которые способствуют переходу к устойчивому и экологически чистому производству энергии. Они включают в себя различные методы и технологии, такие как использование возобновляемых источников энергии (солнечная, ветровая, гидроэнергетика), энергоэффективность, "умные" энергетические сети, а также технологии хранения энергии и развитие рынка электрокаров. Зеленые технологии в энергетике играют ключевую роль в борьбе с изменением климата и улучшении качества окружающей среды.

Один из ключевых аспектов "зеленой" экономики заключается в применении экономических и правовых механизмов для стимулирования и принуждения общества к более устойчивым и экологически ответственным практикам. Эта модель отношения к природе основывается на глобальных соглашениях, таких как Парижское соглашение 2015 года, которое призывает ограничить глобальное потепление значительно ниже 2 °С и предпринять усилия для ограничения его до 1,5 °С. Принципы "зеленой" экономики способствуют более устойчивому развитию и приводят к созданию более экологически чистой и устойчивой будущей экономики [1].

В контексте зеленых технологий Парижское соглашение оказывает давление на государства, стимулируя их к инновациям. Основным источником выбросов парниковых газов, связанных с деятельностью человека, является сжигание ископаемых углеводородных топлив. Чтобы достичь социально-

экономического и энергетического прогресса требуется новый подход. С одной стороны, это включает использование "зеленых" возобновляемых источников энергии, а с другой стороны – внедрение энергоэффективных, ресурсосберегающих и безотходных технологий, которые не нарушают природные экосистемы и их способность поглощать парниковые газы. Между тем подобный подход требует значительных инвестиций. Поэтому Парижское соглашение ставит перед собой задачу переключения финансовых потоков на развитие, которое будет устойчивым к изменению климата и низкоуглеродным.

Е.В. Новикова упоминает несколько особенностей "зеленого" права [2]. Прежде всего, в области "зеленой" экономики наблюдается дуализм правовых регуляторных методов, где в дополнение к строгим административным мерам применяются гибкие инструменты на добровольной основе. Во-вторых, большинство нормативно-правовых актов являются комплексными, объединяя нормы экологического и финансового права. В-третьих, усиливается горизонтальное регулирование и появляются специфические субъекты. В области "зеленой" энергетики и экономики присутствуют многие автономные источники энергии, которые в основном финансируются частными инвесторами, что способствует формированию новых правоотношений с уникальными принципами и методами регулирования. Роль государства как публичного регулятора меняется в условиях "зеленой" экономики, происходит демократизация положения всех участников рынка.

«Зеленое» право начинает активно развиваться в России, как и в большинстве мировых стран. Одной из ключевых проблем правового регулирования зеленых технологий является слабая разработка понятийного аппарата на законодательном уровне. Для примера следует обратить внимание на Федеральный закон «Об электроэнергетике», в котором закреплены правовые основы экономических отношений в сфере электроэнергетики. В частности, в нем законодатель оперирует таким понятием, как «возобновляемые источники электроэнергии», которое не закреплено законодательством, что может вызывать затруднения, прежде всего в правоприменении. Это отсутствие ясного определения понятия "возобновляемые источники электроэнергии" в законодательстве может создавать сложности при его применении. Для эффективного правоприменения и развития сферы электроэнергетики, необходимо установить четкие и однозначные определения возобновляемых источников электроэнергии, а также предоставить конкретные правовые нормы и регулирования для их использования. Это обеспечит стабильность и прогресс в развитии данной области, а также создаст основу для роста и внедрения новых технологий и подходов в производстве электроэнергии.

В настоящее время важным законодательным актом, который был принят, является Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов». Этот закон предусматривает обязательную углеродную отчетность для компаний, которую должен собирать и обобщать уполномоченный орган

власти, назначенный правительством. Акт также вводит понятие «целевого показателя сокращения выбросов парниковых газов» и предоставляет юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям право реализовывать климатические проекты, способствующие переходу на энергоэффективные и экологически безопасные технологии. В дополнение к Закону, следует отметить Климатическую повестку, которая устанавливает долгосрочные приоритеты РФ [3].

ЕС в последние два десятилетия принял ряд значимых инициатив, направленных на поддержку экологически устойчивого развития, энергоэффективности и уменьшения неблагоприятного воздействия на окружающую среду, такие как:

1. Пакет климатических и энергетических мер по «Европейскому зеленому соглашению» представляет собой комплекс действий Европейской комиссии для борьбы с изменением климата и экологическими проблемами. Одной из главных концепций Зеленого пакта является введение пошлин на товары с большим углеродным отпечатком. Такая мера направлена на предотвращение нежелательного переноса выбросов парниковых газов в страны с более низкими экологическими стандартами. Основная цель введения такого налога - привлечение дополнительных средств в бюджеты стран ЕС. Таким образом, экологическая пошлина может быть установлена на различные товары, включая газ, нефть, уголь, продукты нефтехимии, черные металлы, никель, медь, минеральные удобрения и другие [4].

2. Директива о возобновляемой энергии, обозначающая обязательные цели по доле использования возобновляемых источников энергии в общем энергетическом потреблении ЕС [5].

3. Директива об энергетической эффективности, устанавливающая обязательные приоритеты по энергосбережению и повышению энергоэффективности во всех секторах экономики [6].

4. Директива об электронных отходах, определяющая правила сбора, утилизации и переработки электронных отходов [7].

5. Директива об устойчивости производства и потребления пластмассы, устанавливающая ограничения на использования некоторых пластиковых изделий розового использования [8].

Одной из основных проблем правового регулирования зеленой экономики в Европе является отсутствие единого и всеобъемлющего законодательства в этой области. Существует множество различных директив с отдельно взятыми требованиями, но отсутствует комплексный и всеохватывающий нормативный акт. Между тем, особый политико-правовой характер ЕС как объединения государств-членов способствует тому, что страны вынуждены согласовывать единые нормы и требования, осуществляя кооперацию. Регулирование экологических технологий в РФ более централизовано и требует сотрудничества не только государственных органов и субъектов законодательной инициативы, но также предполагает взаимодействие Российской Федерации с международными организациями для достижения согласования и внедрения новых решений.

В заключение, опираясь на опыт ЕС в области устойчивого развития и возобновляемых источников энергии, можно предложить следующие рекомендации для улучшения правового регулирования зеленых технологий в России: разработать и внедрить законодательство о поощрении и поддержке зеленых технологий с четкими определениями и создать единый стандарт и сертификацию для зеленых технологий, что поможет установить общие требования и способствовать их росту и развитию. Единая и всеобъемлющая система правовых актов в сочетании с финансированием зеленой энергетики принесет ясность и координацию, что является необходимым для развития данной отрасли.

Список использованных источников

1. Парижское Соглашение (Париж, 12 декабря 2015 г.), принятое в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата. URL: <https://base.garant.ru/72966852/> (дата обращения 03.11.2023)
2. Новикова Е.В. Правовое обеспечение «зеленой» экономики. – М.: Статут, 2020. – 127 с.
3. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года № 3052-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/726639341?marker=65A0IQ> (дата обращения 03.11.2023)
4. Communication from the commission to the European Parliament, the European Council the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal. COM/2019/640 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN>. (дата обращения 03.11.2023).
5. Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance.) URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32018L2001>
6. Directive 2012/27/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on energy efficiency, amending Directives 2009/125/EC and 2010/30/EU and repealing Directives 2004/8/EC and 2006/32/EC Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32012L0027>
7. Directive 2002/96/EC of the European Parliament and of the Council of 27 January 2003 on waste electrical and electronic equipment (WEEE) - Joint declaration of the European Parliament, the Council and the Commission relating to Article 9. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32002L0096> Directive (EU) 2019/904 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on the reduction of the impact of certain plastic products on the environment (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/904/oj>

Научное издание

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО:
МОДЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник материалов
V Международной научно-практической конференции,
Белгород, 24 ноября 2023 г.

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: О.Г. Томусяк
Обложка: Н.М. Сысоева
Выпускающий редактор: Ю.В. Мишенина

Подписано в печать 08.11.2024. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 16,3. Тираж 100 экз. Заказ 239
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ЦПП ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48